

HYROTNEKA I

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY OF
ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 5

EDUCATIONAL TEXTS IN ANTIQUITY

2021

Hypothekai

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 5

УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ В АНТИЧНОСТИ

2021

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY
OF ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 5 (2021)

EDITOR IN CHIEF

Victoria K. PICHUGINA, Dr.Sc. (Education) (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrej Yu. MOZHAJSKY, Cand.Sc. (History) (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Lyudmila N. AKSENOVSKAYA, Dr.Sc. (Psychology), (Saratov, Russia); Nina A. ALMAZOVA, Cand.Sc. (Art History), (Saint Petersburg, Russia); Anna S. AFONASINA, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Alexander G. BERMUS, Dr.Sc. (Education), (Rostov-on-Don, Russia); Adam FIJALKOWSKI, PhD, (Warsaw, Poland); Emiliano METTINI, Cand.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Maya S. PETROVA, Dr.Sc. (History), (Moscow, Russia); Brett M. ROGERS, PhD, (Tacoma, USA), Valeriy N. VDOVIN, Cand.Sc. (Politics), (Almaty, Kazakhstan); Mikhail A. VEDESHKIN, Cand.Sc. (History), (Moscow, Russia), Yana A. VOLKOVA, Dr.Sc. (Philology), (Moscow, Russia); Maria A. POLYAKOVA, Cand.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Alexander A. SANZHENAKOV, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Anna S. STEPANOVA Dr.Sc. (Philosophy), (Saint Petersburg, Russia), Sergey V. Zanin, Dr.Sc. (History), (Samara, Russia).

Issue editor: Andrej Yu. MOZHAJSKY

Executive Secretary of the Issue: Anna S. Zhirnova

Published from 2017

The journal registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) (registration certificate No. 77–71738 of November 30, 2017)

Frequency: 1 time per year

Founder: Victoria K. PICHUGINA

All materials are peer reviewed

Editorial address: Zhukovsky St. 16,
Moscow, 105062, Russia

Tel.: + 7 9177257626

e-mail: Pichugina_V@mail.ru

website: www.hypothekai.ru

Indexed by *Directory of Research Journals Indexing* (from 2017), *CyberLeninka* (from 2018), *Crossref* (from 2018), *Scilit* (from 2018), *Russian Index of Scientific Quotation* (from 2018), *Directory of Open Access Journals* (from 2019), *AWOL* (from 2019), *Miar* (from 2019 г.), *ERIHPLUS* (from 2019)

Hypothekai

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 5 (2021)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.п.н., проф. РАО В.К. Пичугина (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

к.и.н. А.Ю. Можайский (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.псих.наук, проф. Л.Н. АКСЕНОВСКАЯ (Саратов, Россия);
канд. искусствоведения, доц. Н.А. АЛМАЗОВА (Санкт-Петербург, Россия);
к.филос.наук А.С. АФОНАСИНА (Новосибирск, Россия); д.п.н., проф.
А.Г. БЕРМУС (Ростов-на-Дону, Россия); к.политич.н. В.Н. ВДОВИН (Алматы,
Казахстан); к.и.н., доц. М.А. ВЕДЕШКИН (Москва, Россия); д.филол.н., доц.
Я.А. ВОЛКОВА (Москва, Россия); д.и.н., проф. С.В. Занин (Самара, Россия),
к.п.н. Эмилиано МЕТТИНИ (Москва, Россия); д.и.н., доц. М.С. ПЕТРОВА
(Москва, Россия); к.п.н. М.А. ПОЛЯКОВА (Москва, Россия); PhD, Associate
Professor Брэтт М. РОДЖЕРС, (Такома, США); к.филос.н. А.А. САНЖЕНАКОВ
(Новосибирск, Россия); д.филос.наук, доц. А.С. СТЕПАНОВА (Санкт-Петербург,
Россия); PhD, Professor Адам ФИЯЛКОВСКИЙ
(Варшава, Польша).

Редактор выпуска: А.Ю. Можайский

Ответственный секретарь выпуска: А.С. ЖИРНОВА

Выходит с 2017 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС
77–71738 от 30 ноября 2017 г.)

Периодичность: 1 раз в год

Публикуемые материалы
рецензируются

Учредитель: В.К. Пичугина
Адрес редакции: Россия, 105062,
Москва, ул. Жуковского 16

Тел. + 7 9177257626
e-mail: Pichugina_V@mail.ru
сайт: www.hypothekai.ru

Издание индексируется в **Directory of Research Journals Indexing** (с 2017 г.),
КиберЛенинке (с 2018 г.), **Crossref** (с 2018 г.), **Scilit** (с 2018 г.), **РИНЦ** (с 2018 г.),
Directory of Open Access Journals (с 2019 г.),
AWOL — The Ancient World Online (с 2019 г.), **Miar** (с 2019 г.), **ERIHPLUS** (с 2019 г.)

УДК 37.01
ББК 74/03 (2)
Н 99

**ГИПОТЕКАИ. ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ / В.К. Пичугина (Ред.) —
М.: Аквилон, 2021. Вып. 5. Учебные тексты в Античности —
264 с.**

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ВЫПУСКА

А.Г. БЕРМУС, Я.А. ВОЛКОВА, С.В. ЗАНИН, А.А. КЛЕЙМЕНОВ,
Э. МЕТТИНИ, А.Ю. МОЖАЙСКИЙ, А.К. НЕФЁДКИН, А. ПАСКУАЛ-
МАРТИН, М.С. ПЕТРОВА, В.К. ПИЧУГИНА, И.В. ПРОЛЫГИНА,
Н.В. РЕВЯКИНА, Р.В. СВЕТЛОВ, А.В. ФЕСЕНКО

**ГИПОТЕКАИ. JOURNAL ON THE HISTORY OF ANCIENT
PEDAGOGICAL CULTURE / Victoria K. PICHUGINA (Ed.) —
Moscow: Aquilo Press, 2021. Issue 5. Educational texts
in Antiquity — 264 p.**

TEAM OF CONTRIBUTORS

Alexander G. BERMUS, Andrew V. FESENKO, Alexander A.
KLEYMEONOV, Emiliano METTINI, Andrej Yu. MOZHAJSKY, Alexander
K. NEFYODKIN, Àngel PASCUAL-MARTÍN, Maya S. PETROVA, Victoria
PICHUGINA, Irina V. PROLYGINA, Nina V. REVYAKINA, Roman V.
SVETLOV, Yana VOLKOVA, Sergey V. ZANIN

ISSN 2587–7127

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

© В.К. ПИЧУГИНА, ред., 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Аквилон», 2021

© Victoria K. PICHUGINA, ed., 2021
© Contributors, 2021
© Aquilo Press, 2021

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

All rights reserved

*No part of the published material may be reproduced in any form or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval
system, without permission in writing from the Publisher*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебные тексты в Античности (<i>Предисловие редактора</i>).....	11
Educational Texts in Antiquity (<i>Preface</i>).....	13
Lehrtexte der Antike (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>).....	14
Libri di testo nell'Antichità (<i>Introduzione del Redattore</i>).....	17

«ДЕЛА ПЕДАГОГОВ»

УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ И ИХ АВТОРЫ

Античные дидактические астрономические тексты (А.В. ФЕСЕНКО).....	19
Refiguring Odysseus' <i>Apologue</i> in Plato's <i>Protagoras</i> (Angel PASCUAL-MARTÍN).....	43
Неизвестные античные источники византийских военных трактатов (А.К. НЕФЁДКИН).....	64
К переводу <i>Ars Grammatica</i> (I. 1. - 6.) Элия Доната (М.С. ПЕТРОВА).....	83

«ДЕЛА УЧЕНИКОВ»

УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ И ИХ АДРЕСАТЫ

«Собрание» Гиппия — handbook для мудрого (Р.В. СВЕТЛОВ).....	100
Проблема влияния дидактических произведений Ксенофонта на полководческую практику Александра Македонского (А.А. КЛЕЙМЕНОВ).....	113
Трактат Галена «О костях для начинающих» (И.В. ПРОЛЫГИНА).....	141

**«ДЕЛА ПОТОМКОВ»
УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
АРХЕОЛОГИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ**

Фивы, Амфиарай и Алкмеон в Пифийской восьмой оде Пиндара. Наставление победителю (А.Ю. МОЖАЙСКИЙ).....	172
Cicero's writings as learning texts for humanities students: from Augustus Wilkins to Cicero Digitalis (Victoria PICHUGINA, Emiliano METTINI, Yana VOLKOVA).....	191
Хуан Луис Вивес об использовании античной литературы в образовании (Н.В. РЕВЯКИНА).....	214
Общественное воспитание и пример Античности в творчестве Жан-Жака Руссо (С.В. ЗАНИН).....	236

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу «Адольф Тренделенбург. Элементы логики Аристотеля» (А.Г. БЕРМУС).....	248
ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS.....	256

CONTENTS

Учебные тексты в Античности (<i>Предисловие редактора</i>).....	11
Educational Texts in Antiquity (<i>Preface</i>).....	13
Lehrtexte der Antike (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>).....	14
Libri di testo nell' Antichità (Introduzione del Redattore).....	17

WORKS OF PEDAGOGUES

EDUCATIONAL TEXTS AND THEIR AUTHORS

Ancient didactic astronomical texts (Andrew V. FESENKO).....	19
Refiguring Odysseus' <i>Apologue</i> in Plato's <i>Protagoras</i> (Angel PASCUAL-MARTÍN).....	43
Unknown Ancient sources of Byzantine military treatises (Alexander K. NEFYODKIN).....	64
On the translation of Donatus' <i>Ars Grammatica</i> (I.1-6) (Maya S. PETROVA).....	83

WORKS OF STUDENTS

EDUCATIONAL TEXTS AND THEIR ADDRESSES

Hippias's "Collection" — a handbook for a man of wisdom (Roman V. SVETLOV).....	100
The influence of Xenophon's didactic writings on the military leadership practice of Alexander the Great (Alexander A. KLEYMEONOV).....	113
Galen. <i>On bones for beginners</i> (Irina V. PROLYGINA).....	141

WORKS OF THE DESCENDANTS

EDUCATIONAL TEXTS

FROM THE PERSPECTIVE OF ARCHAEOLOGY, PHILOLOGY AND HISTORY OF PEDAGOGY

Thebes, Amphiaraus and Alcmaeon in Pindar's <i>Pythian</i> 8: instruction to the winner (Andrej Yu. MOZHAJSKY).....	172
Cicero's writings as learning texts for humanities students: from Augustus Wilkins to Cicero Digitalis (Victoria PICHUGINA, Emiliano METTINI, Yana VOLKOVA).....	191
Juan Luis Vives on the use of Ancient literature in education (Nina V. REVYAKINA).....	214
Social upbringing and an example of Antiquity in the writings of J.-J. Rousseau (Sergey V. ZANIN).....	236

REVIEWS

Review of the Book "Adolf Trendelenburg. Outlines of Logic [Elementa Logices Aristoteleae]" (Alexander G. BERMUS).....	248
CONTRIBUTORS.....	256

УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ В АНТИЧНОСТИ

(ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА)

Этот выпуск журнала продолжает серию ежегодных тематически подобранных материалов по истории античной педагогической культуры. Как и предыдущий, он объединяет научные статьи, переводы и рецензии. Такая структура позволяет представить читателю широкий спектр мнений, принадлежащих представителям различных научных школ и направлений, а также инициировать междисциплинарное поле для научных дискуссий.

Тема выпуска — «Учебные тексты в Античности». На страницах этого выпуска рассмотрены вопросы, что читали и зубрили, что разрабатывали, применяли и по чему учили в древней Греции, в Риме, на пространствах всей античной ойкумены до VI века н.э. Выпуск журнала состоит из трех частей. Первая часть — «Дела педагогов» — включает работы, исследующие специально составленные учебные тексты. Античная эпоха была богата на разного рода грамматики, школьные и другие повседневные диалоги, письменные упражнения, сборники афоризмов, учебники, написанные для изучения того или иного предмета, например, «Начала» Эвклида, «Изложение» Теона из Смирны или книги Витрувия и Боэция, наставления Квинтилиана, записи Луция Ампилия, эпитома Секста Помпея Феста или антология Стобея, сокращения-учебники по той или иной философии либо своды воззрений типа сочинения Диогена Лаэртского, конспекты для изучения риторики, учебники по медицине, праву, географии и т.д. Вторая часть — «Дела учеников» — уделяет внимание учебным текстам, ориентированным не столько на учителя, сколько на ученика, а также текстам литературно-дидактического канона, читаемым как учебные. Первые включают, например, сочинения «для начинающих», тексты для самообразования и т.д. Вторые возникли не как педагоги-

ческие или не столько как педагогические сочинения, но их роль в образовании подчас выше, чем у специальных текстов. Среди таких памятников, например, «Илиада» и «Одиссея», драмы Эсхила и Еврипида, сочинения Плутарха и Вергилия, и т.п. У подобных сочинений не всегда легко напрямую обнаружить характеристику его как текста учебного. Один из критериев — перечисление тем или иным античным автором сочинений, которые он читал в процессе своего обучения; другой — отрывки из данных произведений, сохранившиеся на школьных папирусах. Этими двумя типами критериев исследовательские инструменты, конечно, не ограничиваются. Третья часть — «Дела потомков» — включает статьи, рассматривающие самые важные и неизученные вопросы продолжения применения античных учебных текстов после того, как закончилась эпоха Античности.

В 2019 году стать выпускающим редактором этого выпуска согласился Виталий Григорьевич Безрогов (1959–2019) — доктор педагогических наук, вице-президент международного общества исследований учебников и образовательных средств массовой информации (IGSBI). Он предложил именно такую структуру выпуска, начал приглашать авторов и переводчиков, но завершать работу над выпуском пришлось уже без него. Его вклад в изучение истории учебной литературы нам только предстоит осмыслить. Начало этому осмыслению положено в рамках проекта «История школьного учебника». Этот ресурс (<http://primer.tsput.ru/>) посвящен памяти Виталия Григорьевича и содержит цифровую копию собранной им коллекции азбук, букварей, книг для чтения¹.

По вопросам предоставления материалов и уточнения тем последующих выпусков, а также для высказывания замечаний, пожеланий и комментариев просим обращаться к главному редактору по следующему электронному адресу:

Pichugina_V@mail.ru — Пичугина Виктория Константиновна. Я очень благодарна заместителю главного редактора А.Ю. Можай-

---

¹ В настоящий момент загружено 430 учебников (Австрия, Германия, Россия, США, Швеция) в хронологическом диапазоне 1561–1924 гг. Начата работа над загрузкой всех имеющихся в коллекции учебников на русском (около 200 изданий, до 1939 г.), английском (около 500 изданий) и немецком (около 800 изданий) языках.

скому, который согласился стать выпускающим редактором этого выпуска и помочь мне завершить дело, начатое Виталием Григорьевичем.

EDUCATIONAL TEXTS IN ANTIQUITY

(PREFACE)

This issue of the journal continues a series of annual thematically selected materials on the history of ancient pedagogical culture. Like the previous one, this issue combines scientific articles, translations and reviews. This structure provides the reader with a wide range of opinions belonging to representatives of various research schools, as well as initiates an interdisciplinary field for scientific discussions.

The theme of the issue is “Educational texts in Antiquity”. This issue reveals what ancient Greeks and Romans as well as people living in the territory of entire ancient oecumene were reading and cramming up to the 6th century AD. This issue of the journal consists of three parts. Part 1 “Works of Pedagogues” includes articles exploring specifically compiled educational texts. Antiquity was rich in glossaries, grammars, dialogues, written exercises, collections of aphorisms, textbooks written to study a particular subject, for example, Euclid’s *Elements*, *On Mathematics* by Theon of Smyrna, or the books by Vitruvius and Boethius, Quintilian’s *Institutes of Oratory*, Stobaeus’ *Anthology*, compendia to study rhetoric, philosophy, medicine, law, geography, etc. Part 2 “Works of students” focuses on the learning texts aimed rather at the student than the teacher, as well as the texts of the literary and didactic canon considered as learning ones. The former include, for example, essays “for beginners”, texts for self-education, etc. The latter originated not as pedagogical essays, but their roles in education were sometimes more important. Among the monuments of the second group are *The Iliad*, *The Odyssey*, Euripides’ dramas, Plutarch, Virgil, etc. It is not always easy to directly characterize such essays as educational texts. One of the criteria is the citation by one or another ancient author of the works he read during his own studies. Another criterion is the excerpts

from these works preserved on school papyri. Of course, the research tools are not limited to these two criteria. Part 3 “Works of the Descendants” includes articles examining the most important and unexplored issues of the use of ancient educational texts after the end of Antiquity.

In 2019, Vitaly Grigorievich Bezrogov (1959–2019), Doctor of Pedagogy, Vice President of the International Society for Research on Textbooks and Educational Media, agreed to become the executive editor of this issue. He proposed the present structure for the issue, began to invite authors and translators, but the work on the issue had to be completed without him. We have yet to comprehend his contribution to the study of the history of educational literature. The beginning was made within the framework of the project “History of a School Textbook” (<http://primer.tsput.ru/>), dedicated to the memory of Vitaly Grigorievich. This information resource contains the results of the research on the history of educational literature and a digital collection of ABC books, primers and readers collected by Vitaly Grigorievich¹.

To submit materials and check the theme of the next issues, as well as to make remarks, suggestions and comments, please contact the Editor-in-Chief at the following e-mail address:

Pichugina V@mail.ru — Victoria Pichugina. I express gratitude to the Deputy Editor-in-Chief A.Yu. Mozhajsky, who agreed to become the Issue Editor and complete the work started by Vitaly Grigorievich.

LEHRTEXTE DER ANTIKE

(VORWORT DER CHEFREDAKTEURIN)

In dieser Lieferung der Zeitschrift wird die Reihenfolge jährlicher thematischer Materialien zur Geschichte der alten pädagogischen Kultur fortgesetzt. Wie auch die vorhergehende Lieferung enthält sie originale

---

¹ By now, 430 textbooks dating from 1561–1924 have been uploaded (Austria, Germany, Russia, USA, Sweden). Uploading all textbooks from the collections in Russian (about 200 editions, until 1939), English (about 500 editions) and German (about 800 editions) has begun. Vitaly Grigorievich's collection also contains several thousand digital copies in more than forty world languages.

Forschungen, Übersetzungen fremdsprachiger wissenschaftlicher Schriften und Rezensionen. Diese Struktur ermöglicht dem Leser eine breite Palette an Meinungen von Vertretern verschiedener wissenschaftlicher Schulen und Richtungen sowie ein interdisziplinäres Feld für wissenschaftliche Diskussionen zu schaffen.

Das Thema der Lieferung heißt „Lehrtexte der Antike“. Auf den Seiten der Lieferung geht es darum, was im antiken Griechenland und im alten Rom gelesen und gebimst wurde, welche Unterrichtsmethoden man zu jener Zeit erarbeitete und anwandte, welche Lehrmittel im Rahmen der gesamten antiken Ökumene bis ins 6. Jahrhundert nach Christus ausgenutzt wurden. Die Lieferung besteht aus drei Teilen.

Der erste Teil („Das Werk der Pädagogen“) schließt die Schriften ein, in welchen speziell erarbeitete Lehrtexte untersucht werden. In der Antike gab es allerlei Grammatiken, Schul- und Alltagsdialoge, Übungsbücher, Aphorismensammlungen, Lehrbücher für unterschiedliche Fächer wie z. B. „Die Elemente“ Euklids, „Exposition“ (Einführung) Theons von Smyrna oder die Bücher Vitruvs und Boethius', „Institutio Oratoria“ Quintilians, „Liber Memorialis“ von Lucius Ampilius, „Epitoma“ von Sextus Pompeius Festus oder Stobaei Anthologii Libri, gekürzte Lehrbücher für Philosophie oder Sammlungen gewisser Konzeptionen wie die Werke von Diogenes Laertios oder kurzgefasste Lehrstoffe fürs Erlernen der Redekunst, der Medizin, des Rechts, der Geografie usw. Im zweiten Teil („Lehrwerke“) werden die (Lehr)Texte behandelt, die nicht auf den Lehrer, sondern in erster Linie auf den Lehrling orientiert sind, wie die Texte vom literaturdidaktischen Typ, welche öfters als Lehrtexte auftraten. Zu den Ersten zählen z. B. die Texte „für die Anfänger“, für die Selbstbildung usw. Die Zweiten waren nicht als Lehrtexte entstanden und noch weniger waren sie mit der pädagogischen Problematik verbunden, aber ihre Rolle im Erziehungsprozess war manchmal größer als die von Lehrtexten. Zu den Denkmälern dieser zweiten Gruppe gehören die „Ilias“ und die „Odyssee“, die Dramen von Aischylos und Euripides, die Werke von Plutarch und Virgilius u. a. Es war nicht immer leicht, diese Werke als Lehrtexte aufzufassen. Doch einer der Gründe dazu besteht darin, dass einige alte Autoren diese Texte unter den Texten nennen, welche sie zu ihrer Lehrzeit gelesen haben. Der zweite Grund besteht darin, dass die Auszüge aus diesen Werken in den Schulpapyri enthalten sind. Mit diesen zwei

Typen Materialien werden natürlich die Stoffquellen nicht erschöpft. Der dritte Teil ("Das Werk der Nachkommen") enthält die Schriften, in welchen die wichtigsten und noch nicht erforschten Probleme weiterer Anwendung antiker Lehrmaterialien nach dem Ausgang der Antike behandelt werden.

Als Herausgeber der vorliegenden Lieferung sollte 2019 Vitaly Grigorjewitsch Besrogow (1959–2019), korrespondierendes Mitglied der AVR, Dr. phil. habil., Vizepräsident Internationaler Gesellschaft für Forschung der Lehrbücher und Bildungsmedien (International Society for Research on Textbooks and Educational Media) auftreten. Er erarbeitete die Struktur der Lieferung und begann Autoren und Übersetzer zu werben. Diese Aufgabe aber musste man schon ohne ihn lösen. Seinen Beitrag zum Erlernen der Lehrbuchgeschichte muss man noch gedanklich verarbeiten. Man hat es schon im Rahmen des Forschungsprojekts „Schulbuchgeschichte“ (<http://primer.tspu.ru/>), welches dem Andenken an Vitaly Grigorjewitsch gilt, begonnen. Die bereits vorhandene Ressource enthält Forschungsergebnisse auf dem Gebiet der Schulbuchgeschichte und eine digitalisierte Kopie der von Vitaly Borisowitsch gesammelten Abc- und Lesebücher¹.

Mit allen Fragen nach der Bereitstellung von Materialien, Vorbereitung weiterer Bände sowie mit Kommentaren und Vorschlägen wenden Sie sich bitte an die Chefredakteurin Victoria K. Pitschugina, E-Mail-Adresse: Pichugina_V@mail.ru. Für die Hilfe bei der Gestaltung dieser Lieferung bin ich sehr dankbar dem stellvertretenden Chefredakteur A.Yu. Mozhajsky, der sein Einverständnis äußerte, die von Vitaly Grigorjewitsch begonnene Sache zu vollenden.

---

¹ Zur Zeit sind 430 Lehrbücher (Österreich, Deutschland, Russland, USA, Schweden) aus dem Zeitabschnitt 1561–1924 eingespeichert. Das Einspeichern aller in der Sammlung vorhandenen Lehrbücher in Russisch (etwa 200 bis das Jahr 1939), Englisch (etwa 500) und Deutsch (etwa 800) ist schon begonnen. Die von Vitaly Grigorjewitsch angelegte Sammlung enthält auch einige Tausende digitalisierte Kopien in mehr als vierzig Sprachen.

I LIBRI DI TESTO NELL'ANTICHITÀ

(PREFAZIONE REDAZIONALE)

Il presente numero della rivista continua la serie dei materiali di storia della cultura della pedagogia antica che vengono scelti annualmente. Il presente numero, così come il precedente, riunisce articoli scientifici, traduzioni e recensioni. Questa struttura permette di presentare al lettore un ampio spettro di opinioni sostenute da diverse scuole e indirizzi scientifici e, altresì, permette di aprire un campo interdisciplinare di discussioni scientifiche.

Tema del numero: “I libri di testo nell’Antichità”. Sulle pagine di questo numero si discute che cosa studiassero e imparassero a memoria, che cosa fosse elaborato e utilizzato e su quali testi si studiasse in Grecia, a Roma e nella “oicumene” fino al VI secolo A.C. Il numero della rivista consiste di tre parti. La prima parte “Gli educatori” include testi che studiano libri di testo appositamente compilati. Nell’Antichità esisteva una messe di grammatiche, dialoghi scolastici e altri materiali quotidiani, esercizi di scrittura, raccolte di aforismi, manuali scritti per lo studio di diverse materie come i “Principia” di Euclide, l’“Expositio” di Teone di Smirne o i libri di Vitruvio e Boezio, i precetti di Quintiliano, le opere di Lucio Ampelio, l’Epitome di Sesto Pompeo Festo o l’antologia di Stobeo, manuali con i fondamenti di questa o quella scuola filosofica, oppure raccolte di opinioni come le opere di Diogene Laerzio, compendi per lo studio della retorica, manuali di medicina, diritto, geografia ed altre materie. La seconda parte “Gli studenti” presta attenzione ai libri di testo orientati non tanto sull’insegnante quanto sullo studente ed anche ai testi di carattere letterario e didattico che venivano utilizzati come manuali. I primi includono, per esempio, le opere “per i principianti”, i testi per l’autoformazione ed altri. I secondi sono comparsi non come opere pedagogiche o non solo come opere pedagogiche, ma il loro ruolo nella formazione è talvolta più rilevante dei testi specializzati. Tra questi ricordiamo, ad esempio, l’“Iliade” e l’“Odissea”, i drammi di Eschilo e Euripide, le opere di Plutarco e Virgilio e via scorrendo. Non è sempre semplice cogliere le caratteristiche che fanno di questi testi dei manuali. Uno dei criteri è rileggere quali opere questo o quell’autore

antico abbia utilizzato per la propria formazione; un altro sono i frammenti di queste opere che si conservano sui papiri delle scuole. I criteri di ricerca, certamente, non si riducono solo a questi due tipi. La terza parte “Eredi” include articoli che studiano le più importanti e meno studiate questioni su come sia proseguita l’adozione dei libri di testo dopo che si è conclusa l’età del mondo antico.

Nel 2019 aveva accettato di diventare direttore responsabile di questo numero Vitalii Grigor’evich Bezrogov (1959–2019), Doctor of pedagogy, vice-presidente della International Society for Research on Textbooks and educational media (IGSBi). Proprio lui ha proposto questa struttura del numero, ha cominciato ad invitare autori e traduttori, ma abbiamo dovuto completare il lavoro già senza di lui. Il suo contributo allo studio della letteratura didattica deve essere ancora compeso fino in fondo ed un inizio a tali studi sta alla base del progetto “Storia del manuale scolastico”. Questa risorsa (<http://primer.tspu.ru/>) è dedicato alla memoria di Vitalii Grigor’evich Bezrogov e contiene una copia elettronica della collezione degli abbecedari, vocabolari e libri di lettura da lui raccolti¹.

Per questioni riguardanti l’invio di materiali e per precisare i temi dei numeri seguenti, nonché per esprimere le vostre considerazioni, suggerimenti e commenti, vi preghiamo di rivolgervi al redattore generale via posta elettronica all’indirizzo: Pichugina_V@mail.ru — Pichughina Viktoria Konstantinovna. Sono molto grata al vice redattore capo A. Ju. Mozhajsky che ha acconsentito di essere il redattore capo di questo numero e portare a termine l’opera iniziata da Vitalii Grigor’evich.

---

¹ Al momento sono stati caricati 430 manuali (Austria, Germania, Russia, USA; Svezia) per l’arco di tempo 1561–1924. È stata iniziata l’opera di caricamento di tutti i manuali della collezione disponibili in russo (circa 200 edizioni, fino al 1939), inglese (circa 500 edizioni) e tedesco (circa 800 edizioni).

АНТИЧНЫЕ ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

А.В. ФЕСЕНКО

Статья посвящена обзору античной астрономии как учебной дисциплины. Античность создала целостный образ мира и культуру мышления, в которой естественные, точные и гуманитарные науки не были искусственно дифференцированы и пребывали в гармоничном единстве, став основой междисциплинарного подхода в образовании. Поэтому, даже точные науки, изучались *литературно*, по поэтическим произведениям. На примере античной культуры особенно четко прослеживается связь астрономической картины мира с другими компонентами мировоззрения. Это особенно важно в технологическом плане, поскольку античная педагогика содержала все критерии технологичности. В гомеровскую эпоху основные мнемонические правила ориентирования по звездам, определение условий видимости светил в разные времена года, связь небесных явлений с календарем, известные еще с крито-микенских времен, оформились литературно в героическом эпосе. Дальнейшее развитие это направление получило в дидактическом эпосе Гесиода и оформилось в содержании как парадигма астрономического образования. Примерно совпадает по времени появление астрономических загадок Клеобулины, носящих аллегорический характер и обнаруживающие сходство с аллегориями Гомера. Школьное изучение произведений Гомера и Гесиода в последующие периоды (с V в. до н.э.), потребовало разработки комментариев к астрономическим пассажам этих, а впоследствии и других авторов. С развитием натурфилософских учений появились новые методы подачи астрономического материала. Первоначальная форма философского эпоса сменилась прозаической формой. Реакция на натурфилософскую революцию

привела к предпочтению традиционных Гомера и Гесиода. В отдельную категорию выделились специальные учебные астрономические тексты, представленные такими авторами, как: Арат, Германик, Александр Этолийский и др.

Первые более или менее определенные дидактические материалы, зафиксированные в письменной форме, у греков обнаруживаются уже в гомеровском эпосе. Пожалуй, самый знаменитый пример содержится в XVIII песне «Илиады». Песнь полностью посвящена изготовлению Гефестом нового оружия для Ахилла, причем центральное место отводится щиту героя, на котором бог изображает мироздание, в том числе небесные светила и созвездия:

Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц.
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще Колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана

(Ном. II.XVIII. 483-489; пер. Н. Гнедича).

В «Одиссее» есть указания на уже устоявшиеся правила наблюдений для практических целей, например для навигации:

Радостно парус натяг Одиссей и, попутному ветру
Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукой
Руль обращая он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще колесницы
Имя носящей, и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах Океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.

(Ном. *Od.* V. 269-277; пер. В.А. Жуковского).

Подобные сведения указывают на *результативность* астрономических занятий, применения знаний на практике. Но в самом тексте нет ярко выраженной дидактической астрономической направленности.

Специальная направленность, давшая четкую установку на литературное изучение астрономии, впервые появляется в произведениях Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.). Согласно свидетельствам древних авторов, Гесиоду принадлежат не только широко известные «Теогония» и «Труды и дни», но и приписываемая ему книга по астрономии, от которой сохранились лишь несколько строчек (Ath. XI. 491 c-d).

Учитывая социальное положение автора, его принадлежность к земледельческому сословию, а также характер других его произведений, можно предположить, что основным содержанием «Астрономии» были сведения об условиях видимости светил в различные сезоны года, знание которых жизненно необходимы земледельцам. На это указывает Плиний Старший, сообщая о точном сроке захода Плеяд, который обозначен Гесиодом в «Астрономии». По мнению Гесиода, заход наиболее важных календарных звезд Плеяд приходится на день осеннего равноденствия (Plin. Nat. Hist. XVIII. 57, 213)¹. Показательна также близость сохранившихся строк «Астрономии» к некоторым местам в «Трудах и днях».

Астрономическая часть «Трудов и дней» Гесиода предназначалась для обучения практическим навыкам наблюдений за небесными явлениями. Об этом можно судить по многочисленным комментариям, носящим явно школьный характер.

О том же, как представляется, свидетельствует и сцена на знаменитой эрмитажной пелике из Вульчи (Рис. 1 [с. 37], ок. 500 г. до н.э.). На пелике показана ласточка в качестве вестницы весны. Ее видят три человека: мальчик, юноша, зрелый муж (двое последних сидят на табуретках). Юноша говорит: «Смотри, ласточка!» Мужчина: «Клянусь Гераклом!» Мальчик: «Это она!» Между фигурами мужчины и мальчика надпись «Уже весна». Все три персонажа выражают удивление, а надпись является, своего рода, выводом, сделанным из увиденного. Появление ласточек в Греции соотносилось с зимним солнцестоянием и с условиями видимости важной календарной звезды Арктур (α Волопаса), о чем говорит сам Гесиод:

---

¹ См.: C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Vol. III. Ed. Karl Friedrich Theodor Mayhoff. Stutgardiae: in aedibus B.G. Teubneri. 1967.

Только лишь царственный Зевс шестьдесят после солноворота
Зимних отмеряет дней, как выходит с вечерней зарею
Из океанских священных течений Арктур светоносный
И в продолжение ночи все время сверкает на небе.
Следом за ним, с наступившей весною, является к людям
Ласточка-Пандионида с звенящею, громкою песнью.
(Hes. *Op.* 564-569; пер. В. Вересаева).

Таким образом, представленная сцена, иллюстрирует усвоенные астрономические знания по указаниям Гесиода.

Жанр дидактической поэзии был весьма популярен на протяжении всей Античности и Средневековья. В астрономическом направлении этого жанра работали такие выдающиеся античные авторы, как: Клеострат Тенедосский, Арат Солийский, Александр Этолийский, Каллимах Киренский, Гемин Родосский, Гай Юлий Цезарь Германик, Тит Лукреций Кар, Марк Туллий Цицерон, и др.

Наиболее знаменитым поэтическим произведением по астрономии была поэма «Явления» Арата Солийского, написанная в 275 г. до н.э.¹ Это произведение вскоре стало главным учебником по астрономии в античных школах.

«Явления» были стихотворным переложением прозаического сочинения астронома Евдокса Книдского (IV в. до н.э.) «Зеркало». Поэтому в Античности неоднократно возникали споры, считать ли Арата астрономом или поэтом. Г.М. Дашевский видит четыре основные причины, которые обеспечили труду Арата столь продолжительную славу². К ним относятся:

- а) Поэтические достоинства книги. Арат был не первым, кто переложил «Зеркало» Евдокса в стихи. Но его переложение было лучшим.
- б) Ключевое место «Явлений» в развитии дидактики. Арат не просто переложил прозаический текст гекзаметром, он намеренно усложнил задачу, решив использовать для описания звездного неба стиль и общее построение поэм Гесиода и лексику поэм Гомера. Смелое сочетание Гомера, Гесиода

---

¹ См.: Арат. Явления / Пер. с древнегреч., вступ. ст., коммент.: К.А. Богданов. СПб.: Алетей, 2000.

² Дашевский (1992). С. 257.

и Евдокса принесло Арату успех. Элемент поучения в поэме Арата не очень силен, но все же присутствует, а наставительность и поучение были стержнем «Трудов и дней», поэтому линия «Гесиод — Арат» сразу оказывалась жанровой традицией.

в) Отражение в «Явлениях» сути античного отношения к небесам. В отличие от поэзии Нового времени, которую небесные светила интересуют лишь как общие понятия, в поэме Арата выражено характерное отношение античного человека к небу, т.е. подробное рассмотрение расположений, восходов, заходов, названий небесных светил.

г) Использование «Явлений» как учебника.

Поэма Арата является исключительно ярким примером вторжения научных дисциплин в словесность и представляет астрономию как предмет, который может преподавать учитель грамматики. По мнению А.-И. Марру, «для эллинизма Арат есть Астрономия, как Гомер — символ поэзии»¹.

Особенностью астрономического учебника Арата является его IV часть, посвященная метеорологии. Астрономия и метеорология — две дисциплины, находившиеся в античности в тесной связи друг с другом. Эта тесная взаимосвязь уходит своими корнями в более древние времена. В более поздние эпохи астрономические наблюдения и предсказания погоды ставились в тесную зависимость друг от друга, оформляя в определенные мнемонические правила (например, русские народные пословицы).

Поэма Арата стала каноническим сочинением не только в греческом мире, но и в Риме. Ее переводили Варрон Атацинский и Цицерон. От первого не сохранилось ничего, от второго около 500 строк. Цитаты из «Явлений» Арата встречаются в большом количестве также у античных компиляторов — авторов антологий Афинея (II–III вв. н.э.) и Стобея (начало V в. н.э.). Близко к тексту пересказывают Арата Плиний Старший в «Естественной истории» и Вергилий в «Георгиках». После 14 г. до н.э. поэма была переведена на латинский язык Цезарем Германиком (Рис. 2 [с. 38])².

---

¹Марру (1998). С. 6-22.

²См.: Германик Цезарь. Небесные явления по Арату / Пер. Т. Бах-

К этому времени, помимо переводов Варрона и Цицерона, латинская литература была обогащена такими произведениями дидактического жанра, как: «О природе вещей» Лукреция и «Георгики» Вергилия.

Но именно перевод Германика стал самой популярной книгой по астрономии в древнем Риме, не смотря на появление в IV в. н.э. нового латинского (не очень удачного) перевода, сделанного Авиеном, и прозаических сочинений Гигина и Манилия.

Книгу Германика, конечно, нельзя назвать в полном смысле переводом. Автор написал свое вступление, посвященное императору Тиберию; заменил метеорологическую часть астрологической (сохранилось лишь несколько фрагментов); внес многочисленные изменения и дополнения, воспользовавшись исправлениями Гиппарха. Также добавил варианты астрономических мифов (например, стихи 157-162).

Подобно поэме Арата, книга Германика воспринималась как учебник астрономии и долгое время изучалась в римских школах, о чем говорят и сохранившиеся рукописи: они снабжены схолиями, касающимися и астрономии, и мифологических сюжетов, и иллюстрациями с изображениями созвездий.

Помимо поэмы Германика, в латинской дидактической литературе особое место занимают «Георгики» Вергилия, считающиеся красивейшим поэтическим произведением, когда-либо написанным на латинском языке. После окончания гражданской войны в 31 г. до н.э. и воцарения Октавиана Августа наступил продолжительный мир. Ветераны римских легионов возвращались по домам, обращаясь к сельскому труду. Перед властями стояла важная задача превращения солдат в крестьян и переориентирования сельского хозяйства Италии, которое прежде давало средства для роскошного образа жизни отдельным лицам, на более взвешенный путь самообеспечения. Вергилий писал свою поэму для таких воинов, называя их *ignarus viae agrestis* «крестьянин, не знающий пути»

тюковой, Н. Боданской, М. Бройтмана, О. Вартазаряна, Е. Ивановой, О. Литвиновой, Н. Подземской, Д. Афиногенова, Г. Дашевского, А. Россиуса, А. Солопова / Под ред. Н.А. Фёдорова // На рубежах познания Вселенной: Историко-астрономические исследования. Вып. XX. М.: Наука, 1988. С. 346-363.

(Verg. G. I. 41). Свое произведение Вергилий построил исключительно на литературных источниках и образцах, в числе которых оказались Гесиод и Арат. Как и множество других авторов, Вергилий показывает значение наблюдений за небесными светилами для предсказаний погоды, для растений и животных.

«Георгики» — ярчайший пример поэтической дидактики, направленной на практические нужды широких слоев населения и, одновременно, выдающегося памятника латинской словесности.

Традиции изложения разного рода сведений в поэтической форме следовали и первые философы, являвшиеся своего рода продолжателями дидактического жанра в литературе. Плутарх сообщает, что «в былые времена философы излагали свои учения и речи в стихах, как например: Орфей, Гесиод, Парменид, Ксенофан, Эмпедокл и Фалес» (Plut. *De Pyth. or.* XVIII. 402 e). Все, перечисляемые Плутархом, были астрономами.

В V в. до н.э. появилась разновидность поэтического изложения разного рода знаний, в том числе и астрономических — т.н. натурфилософские гимны. Жанр этот был, вероятно, очень распространен. Менандр Ритор в своем труде «Подразделение эпидейктических жанров» давал им следующее определение: «натурфилософские гимны — это когда, сказывая гимн Аполлону, мы называем его солнцем и рассуждаем о природе солнца и про Геру говорим, что она воздух, а про Зевса, что он огонь: вот что такое натурфилософские гимны. В чистом виде этим жанром пользуются Парменид и Эмпедокл»¹. Симпликий в «Комментариях к физике Аристотеля», говоря о Пармениде и Ксенофане, отмечал, что «древние имели обыкновение излагать свои мнения загадками»².

Очевидно, подобные сочинения не могли выступать в качестве учебных пособий и адресовались подготовленной публике, способной уловить и осмыслить аллегорические толкования, в этом, на наш взгляд, можно видеть сходство натурфилософских гимнов с аллегориями гомеровского эпоса. Другое сходство натурфилософских гимнов, обнаруживается с, изложенными в стихотворной форме, загадками. Сам жанр загадки у греков соотносился с мифи-

---

¹ См.: Лебедев, сост. (1989). С. 277.

² Там же.

ческими временами и пользовался популярностью с древнейших времен. К примеру, чудовище Сфинга, расположившаяся на горе близ Фив, убивала всякого кто не мог отгадать загадку, которую она загадала (Apollod. *Bibl.* III. 5, 8). Но и в историческое время загадки пользовались большой популярностью. Таковы, например, загадки, которые приписывали одному из семи мудрецов Клеобулу Линдскому или его дочери Клеобулине. Им традиция отводила составление загадок разного рода, написанных гекзаметром. В их числе есть астрономическая загадка, схожая с гомеровской аллегорией о коровах и овцах:

Есть на свете отец, двенадцать сынов ему служат;
Каждый из них родил дочерей два раза по тридцать;
Черные сестры и белые, друг с другом не схожи;
Все умирают одна за другой, и все же бессмертны.

(Diog. Laert. I. 6. 91; пер. М.Л. Гаспарова).

К жанру загадки относятся αἵνυμα и т.н. грифы — γρίφοι¹. Αἵνυμα — обычные загадки, основанные на аллегориях и близки к современным загадкам. Слово γρίφος переводится как «загадка, витиеватая речь, иносказание». К разряду γρίφοι относились любые «игры в слова», т.е. любое составление смысловых цепочек из последовательно угаданных символов. Например, буквы, которые нужно угадать и сложить из них слово.

Афиней в «Пире мудрецов» приводит отрывки из сочинений разных авторов, содержащих примеры загадки с именем «Тесей» (ΘΗΣΕΥΣ). Приведем этот фрагмент книги Афиней.

«Эврипид, по-видимому, тоже написал в своем «Тесее» такую речь с описанием букв. Там неграмотный пастух следующим образом объясняет, как написано имя Тесея:

Хоть в грамоте не сведущ, очертания
Всех букв я опишу во всех подробностях.
Круг ровный, словно циркулем отмеренный,
Посередине черточкой отмеченный.
У следующей буквы две отвесные
Есть линии, в середине разделяет их
Еще одна, короче. Локон завитый —

---

¹ Казанский (1997). С. 131.

Вот третья буква. Есть прямая линия
У следующей буквы, опирается
На три при ней наклонных поперечины.
Всего труднее описать мне пятую —
К опоре общей две черты сбегаются.
Последняя — как третья: локон завитый.

То же самое и у трагического поэта Агафона: у него в «Телефе» какой-то неграмотный разъясняет запись имени Тесея:

Был круг с глазком внутри в начале надписи,
Затем шли два отвеса с перекладиной,
Был третий знак подобен луку скифскому,
Четвертый — как трезубец, набок брошенный,
Затем отвес, с ним две косые черточки,
Последний знак во всем подобен третьему.

Также Феодект Фаселидский выводит на сцену неграмотного крестьянина, описывающего имя Тесея:

Стоял там круг с глазком в начале надписи,
За ним, как близнецы, отвесы равные,
Соединяла их прямая черточка.
Знак третий был похож на локон вьющийся.
Косым трезубцем следующий выглядел;
Шли в пятом сверху равные две палочки,
Встречаясь на едином основании.
Шестой же знак в конце опять был локоном

(Ath. X. 80 b-d; пер. Н.Т. Голинкевича).

Лучше всего изучена такая разновидность *γρίφος*, как акростих. Как стихотворная форма акростих был адресован на исключительно зрительное восприятие и на слух неощутима. Расцвет акростиха пришелся на эллинистическую эпоху, но первый акростих встречается уже в «Илиаде» Гомера, где начальные буквы первых пяти строк XXIV песни складываются в слово ΛΕΥΚΗ (белая). В классическую эпоху составлением акростихов занимались такие известные философы и астрономы, как Эпихарм и Гераклид Понтийский. Важным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что акростихи содержатся в произведениях *специально дидактической* направленности. В своих «Явлениях» Арат, в стихах 783-788, где говорится о наблюдениях фаз Луны, в акростихе

повторил слово ЛЕПΤΗ (круторогая) как характеристику внешне-го вида этого светила. Евдокс Книдский, в ямбическом предисловии к своему астрономическому трактату, в стихах 6-8 сообщает, что каждая стихотворная строка соответствует определенному месяцу, а число букв в строке — числу дней. Одновременно первые буквы строк складываются в акrostих ΕΥΔΟΞΟΥ ΤΕΧΝΗ («Наука Евдокса»)¹. Это введение интересно и важно тем, что представляет собой, одновременно, акrostих и *астрономическую задачу*.

Акrostих нередко встречается в надгробных надписях. Чаще всего он составляет имя покойного, но имеется и пример составления акrostиха из имен богов, *планет* и *созвездий*, например, на надгробии из Синопы читается Θέμις, Ἥλιος, Σελήνη, Ἑρμῆς, Ὑδροχόος, Σείριος². Как и в случае с фрагментом Агафона, первые буквы здесь складываются в имя «Тесей». В данном случае — это имя нерожденного ребенка, составленное, как мы видим, из названий астрономических объектов: Θέμις (Фемида — созвездие Дева), Ἥλιος (Солнце), Σελήνη (Луна), Ἑρμῆς (Гермес — планета Меркурий), Ὑδροχόος (созвездие Водолей), Σείριος (Сириус). Следует отметить, что в эпитафиях вообще нередко упоминаются названия астрономических объектов, особенно на могилах моряков и рыбаков. Как правило, — это названия навигационных светил: Плеяд, Козлят (звезды ε, ζ и η в созвездии Возничий) и Арктура. Примером может служить эпитафия утонувшему моряку, сочиненная Алкеем Мессенским, в которой содержится предупреждение: «Путь моряков при Арктуре ужасен» (*Anth. Graec.* VII. 495)³. Подобные указания, порой стоящие в императиве, напоминают советы из «Трудов и дней» Гесиода («не забывай о совете моем и работай на суше») и содержат в себе элемент поучения, по нашему мнению, как влияние дидактической поэтической традиции.

Из греческих источников акrostих попал в римскую литературу, видимо уже в республиканское время. Во времена Августа он обнаруживается в римском эпосе — «Энеиде» Вергилия, где в седьмой книге, в стихах 601-604, читается имя бога и планеты MARS:

---

¹ Казанский (1997). С. 143.

² Там же. С. 138.

³ См.: *Anthologia graeca. Epigrammatum Palatina cum Planudea*. Ed. Hugo Stadtmueller. Volum II. Pars prior. Lipsiae, 1899.

Mos erat Hesperio in Latio, quem protinus urbes
Albanae coluere sacrum, nunc maxima rerum
Roma colit, cum prima mouent in proelia Martem,
siue Getis inferre manu lacrimabile bellum...

(Verg. *Aen.* VII. 601-604).

Н.Н. Казанский отмечает, что самые ранние свидетельства говорят об акростихе как о способе отгадывания имен, как о занятой игре¹. Таким образом, γρῖφος и акростих, в частности, – это, своего рода, упражнение для ума, прежде всего в изучении грамматики, но такой пример, как введение к «*Ars Astronomica*» Евдокса, позволяет предположить, что подобные упражнения могли применяться и в астрономическом образовании.

В античных школах астрономия изучалась по поэтическим произведениям, видимо, до II в. н.э., когда появились прозаические учебные пособия Псевдо-Эратосфена и Гигина (при этом сочинение Псевдо-Эратосфена предназначалось собственно для комментирования т. н. «Аратовых глобусов» (Рис. 3, 4 [с. 39-40]), при помощи которых изучались «Явления»). Но и после появления подобных сочинений основными учебными текстами были именно поэтические. Даже в авторских образовательных методиках по астрономии в качестве мнемонических правил для запоминания наименований планет, созвездий, дней недели и т.д. использовались поэтические формы. Ярчайшим примером такой практики являются школьные стихи учителя Авсония из Бурдигалы (IV в. н.э.), сочинявшего стихотворные правила для запоминания учебного материала. В их числе стихи о днях недели (*De nominibus septem dierum*), о количестве дней между солнцестояниями (*Ratio dierum anni vertentis*), о месяцах года (*Monosticha de mensibus*), о положении Солнца в созвездиях зодиака в течение года (*Quo mense quod signum sit ad cursum solis*) и др.

Таким образом, в правилах Авсония поэзия выступала как стимул к освоению нового учебного материала и как средство организации материала уже имеющегося. Близкими по жанру являются астрономические пассажи у других авторов. Их сходство заключается в самом методе *стихотворного перечисления* тех или

---

¹ Казанский (1997). С. 140-141.

инных небесных светил и явлений. Собственно такого рода перечисления впервые появляются в больших дидактических сочинениях (ср. перечисления лунных дней в «Трудах и днях» Гесиода ст. 765-828). Так, у Александра Этолийского (III в. до н.э.), написавшего поэму подобную «Явлениям» Арата и с таким же названием, перечисляются блуждающие светила — планеты. Поэма Александра Этолийского не сохранилась, однако цитаты из нее неоднократно приводит астроном I-й половины II в. н.э. Теон Смирнский.

Кругом ближайшим к Земле, наименьшим, владеет богиня Селена.
Вторым же Стилбон — Гермеса звезда, на струнах гудящего лиры.
Фосфорос следует после него — Кифереи прекрасной светило.
Четвертым высоко сияет Гелий, несомый конями.
Пятый же следом Пирозйс — Фракийца Ареса ужасного светоч.
Шестым Фазтон, блестящая славного Зевса звезда.
Седьмым же восходит Файнон — Кронос от звезд недалекий.
Все семиструнную лирой звучат, согласно песнью.

(Theon. Smyrn. XV; пер. с древнегреч. А. Фесенко)¹.

Несомненно, подобные перечни преследовали учебные цели, являясь, своего рода, упражнениями для запоминания. Как средство организации материала, поэзия выступает и в составлении учебных задач.

Несмотря на устойчивость поэтической традиции, довольно рано появился иной жанр научной литературы. В VI в. до н.э. ученик и последователь Фалеса Анаксимандр впервые написал прозаическое сочинение «О природе». Эта, только зародившаяся традиция научной прозы была развита Анаксименом. Первые прозаические сочинения преимущественно касались географии, практической астрономии, календаря, измерения времени и т.п.². В дальнейшем на протяжении всей античности астрономия занимала прочное место в прозе. В эпоху эллинизма появилась тенденция популяризации специальных астрономических сочинений: прозаические научные труды по астрономии Аристарха Самосско-

---

¹ См.: Theonis Smyrnaei Liber de astronomia cum fragmento. Ed. Th. H. Martin. E reipublicae typographeo impensis publicis. Parisis, 1849.

² Шичалин (1998). С. 66-67.

го и Гиппарха (III–II вв. до н.э.) находят популярное изложение у стоика I в. до н.э. Гемина Родосского¹.

Помимо практической астрономии, особое место заняло в прозе описание явления превращения в созвездие того или иного персонажа мифологии, так называемые *катастеризмы*.

До наших дней сохранилось два сборника катастеризмов: один латинский (вторая книга «Астрономии» Гигина) и один греческий («Катастеризмы» Псевдо-Эратосфена). Оба, вероятно, относятся ко II в. н.э. Помимо этих полных сочинений существовали произведения с частичным включением мотивов катастеризмов. К таковым относятся «Мифы» Гигина, «Метаморфозы» Антонина Либерала, «Метаморфозы» и «Фасты» Овидия, «Схолии к Цезарю Германику», «Схолии к Арату».

Эти сборники, прежде всего, выполняли функции *комментариев* к звездным глобусам и картам, без взгляда на которые невозможно понять, о чем идет речь. Организующим принципом катастеризмов является карта звездного неба, которая является *планом классификации* астральных мифов.

Примечательно, что многие катастеризмы Псевдо-Эратосфена и Гигина представляют собой пересказ театральных трагедий, т.е. изложение мифов уже интерпретированных трагедией. Таким образом, перенесение драматического сюжета на карту, превращает саму звездную карту в сцену или, скорее, отражением самой *небесной* сцены, на которой разыгрываются мифологические сюжеты — *fabulae*. Таким образом, само небо является оркестрой — местом танца, а точнее местом театрального действия.

Исследователи обращают внимание на конспективный характер подобных сочинений, однако, на наш взгляд, катастеризмы представляют собой *особый метод*, позволяющий легко запоминать созвездия. *Театральность* — *сущность метода катастеризмов*. Учитель, обучая учеников правилам нахождения созвездий, пользуется описанием мизансцен на небесной сфере. Сюжетное расположение фигур созвездий становится четко обозначенным мнемоническим правилом. Именно такой метод применяет Арат

---

¹ См.: Гемин. Введение в явления / Пер. А.И. Щетникова // СХОАН. 2011. № 5. С. 174-233.

Солийский и другие астрономические писатели. Нахождение местоположения одних созвездий при помощи других или при помощи отдельных звезд — одна из любимых тем Арата. Поэтому его дидактическая поэма изобилует мнемоническими правилами, давая описания целых *сюжетных* сцен. При этом Арат сначала излагает миф о том или ином созвездии, а затем излагает правила к его отысканию на небе.

Такой же подход применяют и составители сборников катастеризмов. Наряду с простым ответом на вопрос «кто это?», они обращаются именно к сюжетной обусловленности в описании созвездий, усматривая во взаимном расположении созвездий изображение какого-либо действия, например: Кассиопея, Кефей, Персей, Андромеда — группа созвездий, объединенным мифом о Персее и Андромеде; Орион, Гиady, Плеяды, Заяц — мифом об охотнике Орионе и т.д. Драматические истоки катастеризмов отразились и на их структурном построении. Они делятся на дезис (завязка), лизис (развязка) и астрономический комментарий.

Особое место среди прозаических пособий занимает сочинение Гигина «Астрономия». Только вторая глава этой книги посвящена катастеризмам, в остальном — это учебник астрономии. Ко II в. н.э. астрономия заняла прочное место в курсе римского школьного образования, в связи с комментированием астрономических пассажей у авторов, изучавшихся в рамках грамматики. «Астрономия» Гигина стала школьным учебником, как наиболее отвечающая образовательным потребностям. Это сочинение не слишком объемное, достаточно простое для восприятия, систематическое, дающее важную астрономическую информацию. С III в. н.э. эта книга Гигина переписывалась вместе с переводом Цицерона «Явлений» Арата. Особенно прочное место среди учебников конволют из этих двух произведений занял в средние века, в связи с развитием *artes liberales*. Учебные планы средневековых университетов обнаруживают предпочтение античным астрономическим авторам, в их числе Гигину, не смотря на то, что средневековые писатели, такие как Рабан Мавр или Раймунд Луллий, также создавали дидактические астрономические сочинения.

Грамматике, как одному из основных предметов античного образовательного цикла, тесно связанному с риторикой, были

свойственны свои методы обучения. Один из них — эпистолярные упражнения. В грамматических школах давались задачи: что написал бы такой-то такому-то, например, оратор Антифонт Лисию, в таком-то случае¹. Подобные школьные сочинения в эпистолярной форме вели к появлению «писем» различных философов, ораторов, поэтов и т.д. Нередко в Поздней Античности эти «письма» принимались за подлинники. В частности, таковыми их считал Диоген Лаэртский.

Первоочередная задача подобных упражнений — развитие речи и литературного стиля. На первый взгляд, к астрономии такой метод не имеет никакого отношения. Однако следует заметить, что очень часто авторами таких сочинений выступают именно философы-астрономы. Это означает, что прежде чем писать сочинение, ученик должен был иметь представление о предлагаемом в задании авторе и его взглядах. Подтверждение этому находим у Диогена Лаэртского, который и приводит целый ряд подобных писем. В качестве примера, можно привести письмо Анаксимена Милетского Пифагору. В этом письме Анаксимен сожалеет о кончине астронома Фалеса: «Фалес, сын Эксамия, достигнув преклонных лет, несчастным образом скончался. Ночью он по своему обыкновению вышел со служанкою из дома, чтобы посмотреть на звезды, и, созерцая их, свалился в колодезь, о котором совсем забыл. Вот каков, по словам милетских жителей, был конец этого небоведца. Мы же, его собеседователи, и сами, и дети наши, и товарищи наши по занятиям, сохранили память об этом муже и блюдем его заветы. Пусть же всякая наша речь начинается именем Фалеса» (Diog. Laert. II. 2; пер. М.Л. Гаспарова). Для написания такого учебного письма ученик, несомненно, должен иметь представление об Анаксимене, Пифагоре и Фалесе, чтобы представить подобную переписку. В такой воображаемой переписке, как нам представляется, также содержится элемент умственной игры. Таким образом, учебные письма способствовали не только развитию литературного вкуса, совершенствованию речи, но и развивали воображение, подразумевая так же овладение знаниями из других областей.

---

¹ Егунов (1997). С. 91.

Античная школа разработала два основных жанра учебной литературы: учебник и комментарий. Комментарии играли в образовательном процессе не меньшую роль, чем учебники, а иногда и большую до XVII в. включительно. Как отмечал М.Л. Гаспаров: «бывают эпохи, когда комментарий — самое надежное просветительское средство»¹.

Комментарии или схолии появились еще в V в. до н.э. в виде пояснений к текстам Гомера, сделанных для учеников афинских школ. Но особенно большое количество их возникло в александрийскую эпоху. В античных школах основной частью работы с текстом было его объяснение. Слушая объяснения учителя, ученики должны были составлять подстрочники. Эта работа осуществлялась двумя колонками: слева построчный авторский текст, справа объяснение².

До появления учебных пособий по астрономии информация извлекалась из сочинений, входивших в круг школьного чтения. Такие тексты нуждались в комментировании. Если в сочинении какого-либо автора встречался астрономический пассаж, он подвергался подробному объяснению со стороны комментатора. При этом могли даваться самые разные справочные сведения относительно того или иного светила или явления: этимология названия, условия видимости, приметы, связанные с этим светилом и т.д. В качестве примера, можно привести комментарии к «Трудам и дням» Гесиода. В стихе 383 Гесиод говорит о Плеядах: «Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды — Плеяды». Комментарии дают такие пояснения: «Плеяды — кормилицы Диониса, дочери Плейоны и Атланта» (*Schol. Hes. 383b*)³. «Название Плеяды происходит от (имени) *Плейоны*, или же от того, что они приносят много пользы, или же из-за того, что превратились в *диких голубей*, когда спасались бегством от охотника Ориона» (*Schol. Hes. 383c*). В этом отрывке дается объяснение происхождению слова Плеяды. Это объяснение строится на игре слов: Πληϊόνη — Плейона; πολλοί — множество; πέλεια — дикий голубь. Также подробно объясняются

---

¹ Гаспаров (2001). С. 313.

² Марру (1998). С. 233.

³ См.: *Poetae minores graeci*. Vol. II. *Scholia ad Hesiodum*. Emendavit et supplavit Thomas Caisford. Lipsiae, 1823.

условия видимости Плеяд: «утром Плеяды восходят, когда Солнце находится в созвездии Телец, а их утренний заход происходит тогда, когда Солнце в Скорпионе» (*Schol. Hes.* 383e). Таким образом, комментарии давали учащемуся самые обширные сведения, расширяя его кругозор.

Часто комментарии превращались в самостоятельное произведение.

Как самостоятельный литературный жанр комментарии к произведениям искусства появляются в эллинистическую эпоху. Прототипом их, мы полагаем, можно считать описания произведений искусства, которые содержатся уже в эпосе. «Щит Ахилла» у Гомера и «Щит Геракла» у неизвестного эпигона Гесиода — одни из первых подобных примеров. Подобными описаниями изобилуют практически все жанры античной литературы и в поэзии, и в прозе. Первые специальные работы по вопросам искусства относятся к III в. до н.э. и принадлежат Аристотелю, а также историку Дурису из Самоса и художнику Ксенократу. Наиболее известными из немногочисленных описаний шедевров искусства являются «Картины» Филостратов. До настоящего времени продолжается дискуссия о реальности произведений, описанных дедом и внуком Филостратами, однако для нас важен метод, применяемый авторами. Это не только *описание* картин, но и *комментарий* к ним, в том числе посвященным астрономической тематике. В представлении Филострата Старшего сама живопись тесно связана с наукой и сами небесные светила, по Филострату, есть образы искусства: «искусство — богов откровенье; на земле оно воплощается в те образы, которыми Оры картинно одевают луга; на небе мы ими любуемся во многих чудесных созвездиях» (*Philost. Eicon.* I, 1; пер. С.П. Кондратьева)¹. Свой метод оба Филострата считают весьма важным для обучения юношества. Композиция книги Филострата Старшего построена как экскурсия по картинной галерее, которую автор провел для группы школьников. Филострат Младший словно продолжает эту экскурсию. Если картина содержит какой-либо астрономический мотив, то Филострат непременно объясняет, что

---

¹ См.: Филострат. Картины. Каллистрат. Описание статуй / Пер. С.П. Кондратьева. Томск: Водолей, 1996.

именно здесь изображено. В качестве примера, можно привести фрагмент из описания Филострата Младшего картины «Пирр или мисийцы». В описании этой картины содержится рассказ о щите Ахилла. «Это вот — небо. Ты видишь на нем диск солнца, который неустанно по небу движется, и полный блистающий месяц. Мне кажется, ты хочешь услышать о каждом созвездии. Ведь самое их разнообразие является причиной твоего любопытства. Вот это Плеяды, их закат или светлое появление представляют знаки посева и жатвы всякий раз, как с собою приводит их смена времени года; на другой стороне ты видишь Гиады. Тут вот Орион; сказание о нем и причине, почему среди звезд он на небе, отложим, мальчик, до другого подходящего случая, чтобы не отвлекать тебя от того, что хочешь узнать ты теперь. Те звезды, которые возле него, это — Медведица, или, если ты хочешь назвать их иначе, Повозка. Говорят, что эта звезда никогда не омывается водой Океана, но поворачивается вокруг самой себя, как бы сторожа Ориона» (Philost. *Eicon*. XI, 5-6; пер. С.П. Кондратьева).

В соотнесении с количеством дошедших рукописных списков делается заключение, что «Картины» Филострата Старшего много читались и изучались в древности. От его внука Филострата Младшего сохранилось только две рукописи. Но его «Картины», видимо, высоко ценили в византийскую эпоху и читали в школах наряду с Гомером.

Материал поступил в редакцию 10.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
11.03.2021*

Рис. 1¹.

Фрагмент «Пелики с ласточкой». Группа Пионеров (Евфроний?). Начало V в. до н.э. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). Инв. № ГР-8057.

---

¹ Источник: <http://academy.hermitagemuseum.org/materials/pelika-s-lastochkoj> (август, 2021). Фото В.С. Теребенина. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2021.

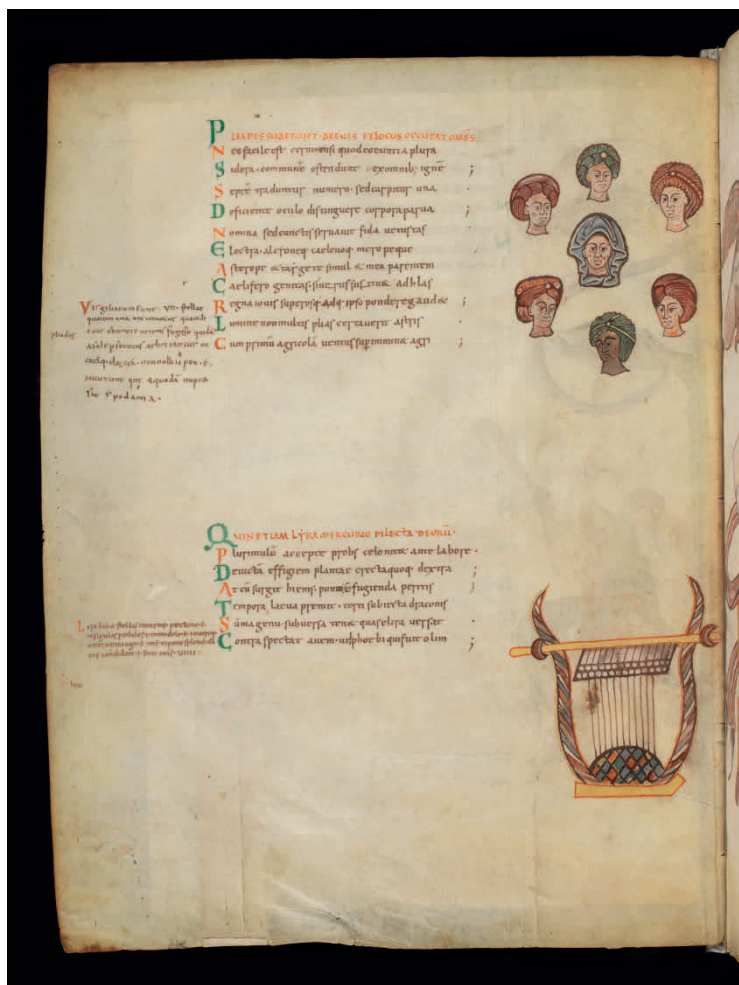

Рис. 2.
Изображение Плеяд в «Аратее» Германика. XI в.
Швейцария. Берн. Городская библиотека¹.

¹ Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bern_Burgerbibliothek_Cod.88_f.4v_-_Aratus_-_Germanicus_Phaenomena.JPG. Эл. pecypc (01.02.2021): Wikimedia Commons / Creative Commons Public Domain Mark 1.0.

Рис. 3¹.

Фрагмент статуи Атланта Фарнезе с «Аратовым глобусом».
II в. н.э. Национальный археологический музей (Неаполь).

---

¹ Source: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/6b/Atlante_farnese%2C_II_sec.%2C_6374%2C_04.JPG. Эл.ресурс (01.02.2021): WikimediaCommons / CreativeCommonsAttribution 3.0 Unported.

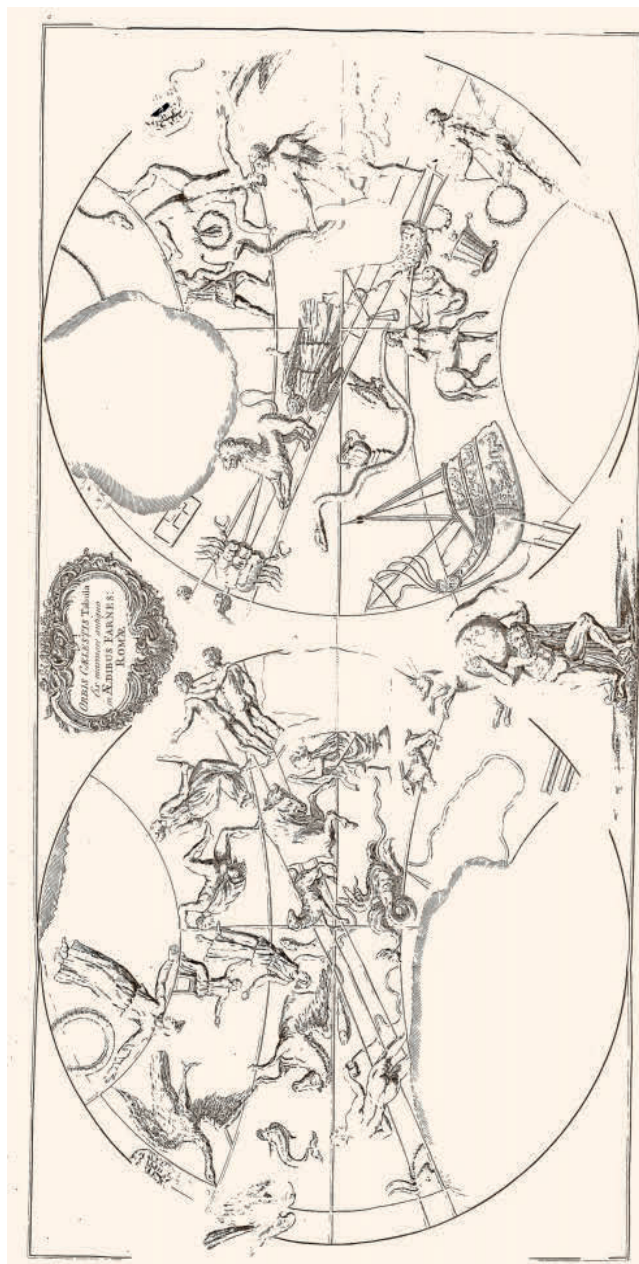

Рис. 4¹.

Развертка «Аратова глобуса» статуи Атланта Фарнезе.

¹ Source: Marci Manilii Astronomicum ex recensione et cum notis Richardi Bentleii. Londini Typis Henrici Woodfall, Sumptibus Pauli et Isaaci Vaillant, 1739. P. XVII (из архива автора).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаспаров, М.Л. (2001) *Записи и выписки*. М.: Новое литературное обозрение.
- Дашевский, Г.М. (1992) «Слава звезд и слава поэта», Н.А. Федоров и П.В. Щеглов, ред. *Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды*. М.: Издательство МГУ, 5-23.
- Егунов, А.Н. (1997) «Атрибуция и атетеза в классической филологии», *Древний мир и мы* № 1, 83-138.
- Казанский, Н.Н. (1997) «Греческое γρῖφος — «игра в слова» в поэзии и в жизни», *Philologia classica* 5, 131-145.
- Лебедев, А.В. сост. (1989) *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч. 1. *От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики*. М.: Наука.
- Квятковский, А.П. (1966) *Поэтический словарь*. М.: Сов. Энциклопедия.
- Марру, А.-И. (1998) *История воспитания в античности*. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина.
- Шичалин, Ю.А. (1998) «Статус науки в орфико-пифагорейских кругах», *Вопросы натуральной философии* 1, 59-79.

Andrew V. FESENKO

ANCIENT DIDACTIC ASTRONOMICAL TEXTS

The article focuses on ancient astronomy as an academic discipline. Antiquity created a holistic image of the world and a culture of thinking, in which the natural and exact sciences and liberal arts were not artificially differentiated and remained in harmonious unity, becoming the basis of an interdisciplinary approach in education. Therefore, even the exact sciences were studied literarily from poetic works. On the example of ancient culture, the connection between the astronomical worldview and other components of the mindset is particularly clearly traced. This is crucial in terms of technology since ancient pedagogy contained all the criteria for technological effectiveness. In the Homeric age, the basic mnemonic rules for navigating by the stars, the definition of the conditions for visibility of heavenly bodies in all seasons, the connection of celestial phenomena with the calendar, known since the Cretan-

Mycenaean age, were literarily recorded in the epic. This trend was further developed in Hesiod's didactic epic and took shape in the content as a paradigm of astronomical education. The appearance of Cleobulina's astronomical riddles appeared, which are allegorical in nature and show similarities with the allegories of Homer, took place approximately at the same time. In subsequent periods (from the 5th century BC), the school study of the Homer and Hesiod's works required writing comments on the astronomical passages of these and later other authors. With the development of natural philosophical doctrines, new methods of presenting astronomical material appeared. The original form of the philosophical epic was replaced by a prosaic form. The reaction to the natural philosophical revolution led to a preference for the traditional Homer and Hesiod.

Special educational astronomical texts written by such authors as Aratus, Germanicus, Alexander Aetolus, etc. came to existence as a separate group.

REFERENCES

- Dashevskij, G.M. (1992) "Slava zvezd i slava poeta," pod. red. N.A. Fyedorova i P. V. Shcheglova. *Nebo, nauka, poezijz. Antichmyje avtory o nebesnykh svetilakh, ob ikh imenakh, voskhodakh, zakhodakh i primetakh pogody*. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 5-23.
- Egunov, A.N. (1997) "Atributsiya i ateteza v klassicheskoj filologii," *Drevnij mir i my* 1, 83-138.
- Gasparov, M.L. (2001) *Zapisi i vypiski*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije.
- Kazanskij, N.N. (1997) "Grecheskoe γῥῑφος — «igra v slova» v poezii i v zhizni," *Philologia classica* 5, 131-145.
- Kvyatkovskij, A.P. (1966) *Poeticheskij slovar'*. Moskva: Sov. Entsiklopediya.
- Lebedev, A.V. sost. (1989) *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*. CH. 1. Ot epicheskikh teokosmogonij do vzniknoveniya atomistiki. Moskva: Nauka.
- Marru, A.-I. (1998) *Istoriya vospitaniya v antichnosti*. Moskva: Greko-Latinskij kabinet Yu. A. Shichalina.
- Shichalin (1998) "Status nauki v orfiko-pifagorejskikh krugakh," *Voprosy natural'noj filosofii* 1, 59-79.

REFIGURING ODYSSEUS' *APOLOGUE* IN PLATO'S *PROTAGORAS*

Àngel PASCUAL-MARTÍN

The common 4th century B.C. view according to which Homer was regarded as a poet and a wise man, the leading and most honorable, to the point of being considered “the educator of Greece” (Pl. *Resp.* 606e-607a), is strongly supported by the Platonic dialogues. The works of Plato are the main available source to get to know not only the great pedagogical esteem for Homer, but also the several educational traditions that used or relied on Homeric poetry in Classical Athens. We are certainly used to thinking of Socrates as standing out for contesting or blaming such customs and methods provided by rhapsodes, sophists and common people (Pl. *Resp.*; *Ion*; *Hp. mi.*). But conversely, he is also often depicted quoting, alluding to or remaking on Homeric passages when presenting his own views. Socrates even claims to feel a certain friendship or reverence for the poet and declares to be charmed by contemplating things through him, whom he considers to be amongst the few deserving to be called “philosophers” (Pl. *Resp.* 595b; 607c-d; *Phdr.* 278b-279b).

The puzzling twofold nature of the Socratic attitude towards Homer, coupled with the fact that Plato would become a figure as honored as the poet was, led ancient literary criticism to focus on the Platonic use and sharing of material and techniques proper to Homeric poetry. Works like those of Dionysius of Halicarnassus, Maximus of Tyre, Longinus and above all Proclus, not only pointed out the philosopher's debt to the poet, but even considered him to be an admirer of the Homeric genius unlike anyone else, and whose emulation basically attempted to reach and outperform the pedagogical power that the legendary poet had (Dion. Hal. *Pomp.* I, 13; Max. Tyr. *Or.* 26; [Longinus]; *Subl.* XIII, 2-3; Procl., *In R.* VI, 163.13-164.7; 202.7-205.23).

With an analogous spirit, studies of contemporary Platonists suggest that the dialogues were shaped using the Homeric text, especially the *Odyssey*, as a template, and making Socrates appear as going through equivalent experiences to those of Odysseus' "νόστος". With respect to *Protagoras*, previous attempts focused on explicit references to books X and XI, placing the dispute with the sophist and the events at Callias' house in the symbolic context of Odysseus' encounter with Circe and the following journey into the underworld. I attempt to bring that reading one step further, paying special attention to the narrated character and the dramatic context for the singing of those episodes and the parallel ones in *Protagoras*.

In first place, I consider the whole dialogue refiguring the episode in the *Odyssey* that works as a dramatic frame for the singing of Odysseus' past adventures, the arrival at Phaeacia and the reception at Alcinoüs' court. I regard Odysseus' need to sing the *Apologue* as a call for hospitality to secure a safe passage home, working as a pattern for Socrates' need of a tale at his own appearance in Athens to fulfill and secure a philosophical education in the city. In second place, I take into consideration the metanarrative dimension of such remaking. Since Socrates' narration comes in response to a certain "Ομήρου ἐπαινέτης", a "praiser of Homer" (Pl. *Prt.* 309b1), as Odysseus' *Apologue* is to Demodocus the "ᾄδδς", I examine how the dialogue could evince a dispute for pedagogical primacy amongst the different narratives and uses of poetry in Athens, a dispute that the Platonic narrative would attempt to surpass precisely by imitating Homer.

PLATO'S *PROTAGORAS* AND THE USES OF HOMERIC TEXT AN INTRODUCTORY OVERVIEW

Apparently, neither poetry in general nor Homeric poems in particular happen to be as decisively included in the main philosophical scope of Plato's *Protagoras* as they are in *Republic*, *Ion* or *Hippias Minor*¹. The issue of poetry and its place in education, while certainly discussed in the dialogue, seems rather to have an auxiliary role in the whole inquiry, which is supposed to focus on the unity of "ἀρετή" and its teachability².

---

¹ See as an example Murray (1996); Destrée, Herrmann (2011).

² As a token for such a view apropos the interpretation of Simonides' poem (Pl. *Prt.* 338e-348c) see Adam & Adam (1893). P. xxiii-xxiv.

However, *Protagoras* still equals other dialogues not only with its leaving evidence about the place and use of the great poets in Classical Athenian education¹, and showing the classic Socratic criticism towards such pedagogical practices, but also by making the same Socrates appear as the most expert on poetry, and even as an admirer who cannot help quoting or alluding to literary passages, especially of Homer.

As with many other dialogues, *Protagoras* reflects the authority Homer was in Greek pedagogical tradition. In particular, *Protagoras* shows how new trends in education, while moving away from the old paideia and being seen by many as a threat to it, also presented the poet as a sort of ancestor. This is the case of the master from Abdera, who introduces his art of educating as already undertaken by certain ancient sages, who disguised it in other technical skills, such as poetry in the case of Homer (Pl. *Prt.* 316c-317b)². Besides that, *Protagoras* also presents evidence about the existence of certain pedagogical practices relying on poetry in general, but especially on Homeric poems. The first testimony that the dialogue provides concerns primary education, and it is complementary to the notices from other dialogues, where it is said that the tales of Homer played a critical role in early children's upbringing (Pl. *Resp.* 377a-d). According to the Great Speech, once children were literate enough, under the tutelage of teachers of letters, the rearing of the young concentrated in reading and learning "the good poets" by heart, for these were supposed to provide them with examples worthy of admiration and imitation (Pl. *Prt.* 325d-326a; *Leg.* 809-811a; cf. Xenophon, *Symp.* III, 5). A second testimony comes by indirect allusion too, this time with the interpretation of Simonides' poem (Pl. *Prt.* 338e-348c). Protagoras introduces the examination of the poem stating that to be skilled in verses plays an important part in a man's education, and that such skill would require to be able to go through what they say, and

---

¹ Plato's dialogues are the main source available to get to know about the pedagogical esteem for Homer and the several educational traditions that used or relied on Homeric poetry in Classical Athens, Robb (1994). P. 160; Verdenius (1970). P. 7-18.

² In Plato's *Theaetetus*, Socrates also takes Protagoras as a follower of Homer and Heraclitus and understands the doctrine "that man is the measure of all things" in complete identity with the doctrine "that all things are in motion, like streams" (Pl. *Tht.* 160d-e; 152c-153a).

if they do rightly or not, as well as to know how to distinguish them and account for them when asked (Pl. *Prt.* 338e-339a). As other dialogues show, after the old tradition of rhapsodes, the sophistic movement also engaged in epic and lyric poetry, providing interpretations as well as technical teachings concerning linguistic observations, definitions and classifications (i.e., Pl. *Hp. mi.* 363a-c; 366a ff)¹. But the reference to such practice in the words of Protagoras is still more relevant, since above all sophists, the master from Abdera was the most celebrated for having inaugurated and advanced a certain art of criticizing and correcting wording in poetry, especially in Homer (Pl. *Cra.* 391c; *Phdr.* 267c; Arist. *Poet.* XIX. 1456b15; *Soph. El.* 173b19)².

As we might expect though, in *Protagoras*, Socrates comes to repudiate such habit of using verses in serious conversations. As he will conclude, to discuss poetry or make arguments by use of it would be childish nonsense proper to unlearned people unable to express their own arguments and incapable of defending them by their own words (Pl. *Prt.* 347b-348a). However, the explicit philosophical reluctance to use poetry on the part of Socrates contrasts significantly with his own performance in the dialogue. On the one hand, the passage on Simonides will reveal that, more than any other sophist, Socrates himself is the most learned and skilled of all in poetry (Pl. *Prt.* 338e-347b)³. On the other, the entire course of his narration also shows that he has great sensitivity for poetry, to the point of recurrently relying on epic formulas, adapting expressions or literally quoting celebrated passages especially of Homer.

In the course of the dialogue, Socrates' words seem to reproduce in one way or another different passages from the *Iliad* or the *Odyssey* up to six times⁴:

- 1) As soon as the dialogue breaks, addressing an unknown companion as “Ομήρου ἐπαινέτης”, a “praiser of Homer”, Socrates

---

¹ Pfeiffer (1968). P. 16.

² Ibid. P. 33-39; Rademaker (2013); Woodruff (2017).

³ Socrates' interpretation of Simonides is usually considered a satirical attempt on his part (or a parody, on Plato's) to demonstrate how ridiculous the sophistic method could get commenting the poets. See Adam & Adam (1893). P. xxiii-xxv; Guthrie (1975). P. 227.

⁴ Labarbe only considers five of them, not including (2) in our list: Labarbe (1949). P. 213-214; 214-217; 260-262; 309.

reminds him apropos Alcibiades that, according to the poet, the one "getting his first beard" happens to be in the age of "the fairest youthful prime" (Pl. *Prt.* 309b1), in reference to the graces of Hermes (Hom. *Od.* X.279; *Il.* XXIV.348).

- 2) Shortly after, the Socratic narration makes Hippocrates utter a Homeric formula when he explains why he came in the early morning. Only learning late at night that Protagoras was in town, he went to sleep, but woke up and set off for Socrates' as soon as the "sleep freed" him from tiredness (Pl. *Prt.* 310d1) (Hom. *Od.* VII.289; XVIII.199; XIX.551; XXIV.440; *Il.* II.71). The two following quotes appear connected in the same context, that is, the Socratic description of the spectacle witnessed at Callias' house as he and Hippocrates entered it (Pl. *Prt.* 314e4-316a5).
- 3) Having first fixed his attention on Protagoras and the choir of his followers, Socrates says, as Homer makes Odysseus tell, that "after him" he "could see" Hippias of Elis (Pl. *Prt.* 315b9 = Hom. *Od.* X.572; XI.601).
- 4) In addition, after describing how Hippias is lecturing, Socrates will announce the presence of Prodicus, also employing an expression belonging to Odysseus' journey to the underworld: "I also saw Tantalus" (Pl. *Prt.* 315c9 = Hom. *Od.* XI.583).
- 5) Further on, in the context of the exegesis of Simonides' poem, Socrates demands Prodicus' assistance to stop Protagoras' attacks. There, Socrates pretends to be Scamander calling Simois to stop Achilles when the latter entered the river to escape from the Trojans, as the gods got also involved in battle: "Dear brother, let us both contain the man's strength!" (Pl. *Prt.* 340a4-5 = Hom. *Il.* XXI.308-309)¹
- 6) Finally, after the interpretation of Simonides, as Protagoras is unwilling to continue with the inquiry, Socrates tells him that he has no other intention than to elucidate some issues, and that no one but the sophist could be more helpful with that purpose. And reproducing the words of Diomedes asking Nestor for someone to escort him to the Trojan's camp (Hom. *Il.* X.224-225) he adds: "[when] two are going together, one understands

---

¹ See Capra (2005).

first”, “but if a lone man understands” he should go searching somebody to show it off and corroborate it (Pl. *Prt.* 348d1-3; cf. *Symp.* 174d2-3; [*Alc. Mi.*] 140a1-2)¹.

The uses of the Homeric text in the dialogue seem to contribute in large extent to a more accessible and enjoyable picture of the meeting and the philosophical exchange that Socrates had with the great sophist from Abdera. Accordingly, the feature is without doubt essential to the impression that *Protagoras* is, together with *Symposium*, *Phaedo* or *Republic*, one of the most beautifully created Platonic dialogues². However, according to a great majority of scholars, neither the feature of using Homer nor the whole poetic masterpiece resulting from it seem to have enough relevance for the philosophical outcome of a dialogue which, in terms of arguments, is still considered to be preparatory, at best³.

REFIGURING ODYSSEUS' *APOLOGUE* I A NEWLY ARRIVED EDUCATOR CALLING FOR HOSPITALITY

At the moment, Heda Segvic's is the most comprehensive study about the meaning of Homeric allusions in *Protagoras*⁴. According to her, the Homeric references in the dialogue would not work simply as an artistic adornment that has barely any influence in the philosophical outcome; on the contrary, she sees some of these allusions as helping significantly to erect the symbolic web where the arguments are set⁵. Segvic's reading of *Protagoras* mainly focuses on the reference in the opening alluding to Hermes' graces (1) and the couple of quotations at the entry of Callias' house mentioning the souls' sighting in Hades (3) (4). She locates the first one in book X of the *Odyssey*⁶, which is when

---

¹ See Proscurcin (2018); Rosen (1968). P. 24.

² Segvic (2006). P. 247.

³ See Adam & Adam (1893); Wilamowitz-Moellendorf (1920); Bodin, Croiset (1923); Guthrie (1975). Cf. Jaeger (1933–1947); Reale (2001).

⁴ Segvic (2006); cf. Johnson (1992).

⁵ Segvic (2006). P. 247-248.

⁶ There is a verse of the *Iliad* (Hom. *Il.* XXIV.348) identical to the one quoted in *Protagoras*, where Hermes appears in the same youthful shape. There he comes in help of Priam on his way to the ships of the Achaeans in an attempt to recover the corpse of Hector.

Circe has beguiled and turned Odysseus' companions into boars (Hom. *Od.* X.210-243) and the hero is going in search of them (Hom. *Od.* X.273). It is then that Hermes appears as the one "getting his first beard, in the fairest youthful prime" (Hom. *Od.* X.279; Pl. *Prot.* 309b1). He provides Odysseus with an herb to counteract Circe's powers and instructs the hero how to manage her (Hom. *Od.* X.286-301). The son of Laertes will thus avoid the sorcerer's spell and thwart her further actions (Hom. *Od.* X.310-347). At the end of the book, a year after that episode, Circe will let Odysseus leave as promised, telling him to meet with Tiresias in the underworld (Hom. *Od.* X.488-495). What follows in book XI is his encounter with the foreseer and many other souls in Hades, amongst the last of them, Tantalus (Hom. *Od.* XI.583) and Heracles (Hom. *Od.* XI.601). To them are addressed the words also employed in *Protagoras* (Pl. *Prt.* 315b9; 315c9)¹.

Relying on these references, Segvic claims that, in *Protagoras*, Plato placed the dispute between Socrates and the sophist at Callias' house in a reimagining of the encounter with Circe and the following journey into the underworld. The call to Hermes' graces apropos Alcibiades -the actual assistant of Socrates in the dialogue (Plat. *Prt.* 309b5; cf. 334c-338e; 347b3-7; 348b2-8) is to announce the dangers faced earlier in the day. It would indicate that Socrates required supernatural protection, help and guidance to evade and counteract the enchantment and poisoning resulting from the speech powers of a sophist, Protagoras, who would parallel Circe and who is actually likened to Orpheus (Plat. *Prt.* 315b1)². Socrates' encounter with the sophist would thus be presented as a mission in rescue of a group of friends, who would have experienced or risk to experience a dangerous transformation at the hands of Protagoras the sorcerer and the other sophists' teachings³.

According to Zdravko Planinc, who has made major contributions on Plato's use of the *Odyssey* as a source text, studies like Segvic's may

---

¹ Reference (3) in Pl. *Prt.* 315b9 equals the formula at the same time used for the sight of Orion (Hom. *Od.* X.572) and Heracles (Hom. *Od.* XI.601). Segvic (2006). P. 256 considers that it is much likelier that the reference is to the latter. Cf. Adam & Adam (1893). P. 100.

² For the sophist as a magician or a sorcerer see Pl. *Soph.* 234c5; 235a1; 235a9; 241b6.

³ Cf. Capra (2001). P. 131-135, 138.

still be too narrow. Planinc claims that, beyond direct textual references, greater attention must be paid to literary form, structure and action in the *Odyssey* as a guide for reading the dialogues. In his view, the literary tropes of Odysseus' wandering and homecoming would be consistently refigured by Plato's imitating equivalent experiences in the storyline of Socrates' life. The overarching narrative traced in the dialogues would thus present a process of spiritual transformation analogous to Odysseus', but of a new Greek hero portrayed in the figure of the philosopher. During such process Socrates would find himself following several critical experiences that not only make him emerge as what he is, but also make him capable of doing good to other individuals and to the political communities hosting him¹.

The *Odyssey*'s episodes quoted in *Protagoras* and used in Segvic's reading, altogether with the other adventures from books IX to XII, belong to Odysseus' *Apologue*. Within the entire *Odyssey*, which is recounted by an external primary narrator, Homer makes the complete tale of Odysseus' adventures beginning when he and his comrades left Troy to be secondarily reported by the same hero in the first-person in the course of the action, his "νόστος". In *Protagoras*, the happening at Callias' house that refigures those episodes of books X and XI of the *Odyssey* also belongs to a "secondary" internal narration recounted by Socrates in the first-person in the course of the philosophers' everyday life in Athens². For this reason, we wonder if *Protagoras* may not only refigure the events reported, but also the dramatic setting for the singing of the son of Laertes, that is, the arrival at Scheria and his reception at the court of Alcinous, king of Phaeacians³.

---

¹ Planinc (2003). P. 1-24; Planinc (2007). Cf. Lampert (2010). The latter claims that the Platonic corpus shows the temporal development of Socrates thought.

² It must be said that in *Protagoras* properly there is no such a thing as a primary external narration. However, I consider the internal narration "secondary" in relation to the dramatic action that leads to it. It is also significant that both texts follow a circular pattern of composition: the frame scene where the "singing" is set happens to be the episode that comes after the end of the story reported.

³ Cf. Planinc (2003) who considers that the arrival at Scheria and the reception at the court of Alcinous are refigured in *Timaeus* and *Critias*.

In book V of the *Odyssey*, Odysseus is released from Calypso and allowed to continue his journey back to Ithaca. On the way, however, he must stop at Phaeacia. Phaeacians are supposed to help and speed his long-awaited return, as this is what Zeus decrees (Hom. *Od.* V.34-37) and what Alcinous grants later on (Hom. *Od.* VII.191-194; VII.315-319; VIII.31). But the stay at Scheria could make Odysseus feel that the homecoming might be delayed or even endangered once again. It is not just that a ship must be built first and a party held to entertain and honor the stranger as the custom mandates (Hom. *Od.* VIII.34-56). It is also, as Odysseus is first warned by Nausicaa and Athena (Hom. *Od.* VI.274; VII.32-33) and later comes to experience in his own flesh through the insolence and aggressiveness of Phaeacian youths (Hom. *Od.* VIII.132-255), that the locals might not be as friendly as they seemed¹. Besides that, the plans that Alcinous has for the hero to marry Nausicaa (Hom. *Od.* VII.311-315) could compromise Odysseus' return too². Finally, Odysseus will be forced to postpone his departure, narrating at large his own adventures (Hom. *Od.* IX-XII) when he cannot escape to answer Alcinous about his identity and origin (Hom. *Od.* VIII.550-564)³. In the background of the action of the epic poem, Odysseus' *Apologue* has been considered a call for hospitality, essential to ensure a successful return to Ithaca⁴. The tale of Odysseus about his own past adventures has been read as a stratagem in his attempt to gain the necessary trust and favor from the hosts. That is, apart from delighting the audience as the most celebrated of singers would do (Hom. *Od.* XI.334; 367-369),

---

¹ Benardete (2008). P. 45-61.

² De Jong (2004). P. 19-22; Miralles (2005) P. 121-122. De Jong (2001). P. 212 considers that Nausicaa figuring as a helper becomes also a danger herself. It makes sense since, in order to become a helper of Odysseus, Athena suggested her that is time for her to get married (Hom. *Od.* VI.26-28) and a marriage could ruin Odysseus homecoming.

³ Before that, Odysseus concealed for a long time his identity (Hom. *Od.* VI-VIII) and he demands to listen more of Demodocus' songs (Hom. *Od.* VIII.487-498).

⁴ The *Apologue* has also been considered a cathartic exercise of self-recognition, through memory and reconstruction of his earlier experiences. This way Odysseus will bolster his confidence with regard to his arrival home. See De Jong (2001). P. 195-196; 221; Tracy (1997). P. 366.

by telling his marvelous misfortunes and portraying the bad hospitality he suffered in other domains, he would be instructing the current hosts about the rules of hospitality to be observed towards the stranger¹.

In turn, Plato's *Protagoras* represents Socrates' first public appearance in Athens. The dialogue is set around 433 B.C.². No other dialogue is dramatically set before that date. In fact, in the Platonic dialogues there are memories of a younger Socrates, but these memories portray him as apolitical, that is, as a philosopher whose scope is only physical or metaphysical, and whose public activity and role are non-existent³. Accordingly, like Odysseus' arrival at Scheria and his presentation before the Phaeacians, Socrates' appearance before a group of Athenians at the opening of *Protagoras* (Pl. *Prt.* 309a-310a) represents the experience of the solitary hero when he first contacts a political community. This is, in a broader sense, the experience of the stranger arriving at a new domain which is still unknown and uncertain. In a specific sense, concerning only Socrates as a thinker, this is the experience of philosophy becoming political⁴.

In addition to the dramatical chronology, the fact that *Protagoras* makes an issue of the philosopher's appearance at the city is plainly reflected in the first words of the dialogue. The dialogue breaks with an unknown character reacting with surprise to the unexpected presence of Socrates: "πόθεν, ὦ Σώκρατες, φαίνῃ;" ("Where do you appear from, Socrates?", Pl. *Prt.* 309a1). The use of "πόθεν" recalls the common epic formula repeatedly addressed to Odysseus to demand for his identity and background when he arrives at a new domain or remains unknown by the community of reception: "τίς πόθεν εἰς ἀνδρῶν;" (Hom. *Od.* VII.238; X.302; XIV.190; XIX.105; XXIV.297; cf. *Il.* XXI.150)⁵. On the other

---

¹ Most (1989); Broeniman (1996). P. 10.

² Adam & Adam (1893); Morisson (1941) *Nails* (2002); Lampert (2010).

³ For the narrative character of those memories in contrast with the dramatic appearances, and the apolitical nature of Socrates in those memories, see: Lampert (2010); Zuckert (2009).

⁴ Lampert (2010). P. 9-10.

⁵ Other variations such as "πόθεν τοι ξεῖνος ὅδ' ἵκετο;" (Hom. *Od.* XVI.57) are even closer to the one in *Protagoras*. See other uses of "πόθεν" connected with the meeting with strangers in Hom. *Od.* III.71; IX.252; XV.423. Regarding the use of "πόθεν" in Pl. *Prt.* 309a1, see Pascual (2016).

hand, the use of “φαίνη” suggests that Socrates becomes present just as an apparition, a phantom¹, more or less as Odysseus does when he reaches Alcinous’ palace escorted and assisted by Athena, and surprisingly appears suddenly at Arete’s knees (Hom. *Od.* VII.139-145). In such circumstances, as the son of Laertes is first asked by Arete (Hom. *Od.* VII.238), and as it is later extendedly demanded by the same Alcinous in what gives way to the hero’s *Apologue* (Hom. *Od.* VIII.550-564), the unknown character who addresses Socrates with these words in the opening of *Protagoras* is also asking for the origin, the motivation or the circumstances that made such an otherworldly creature appear in town².

When Socrates first appears, the Athenians already have the impression that he does appear from hounding around the youthful prime of Alcibiades, but they attempt to know more about it (Pl. *Prt.* 309a1-2). It is not simple curiosity or interest that motivates that inquiry, though. Alcibiades is one of the greatest hopes of Athens, and the townspeople have some hesitations in regard to the intentions that the newly arrived may have when he approaches him. Or even more. Just as the Phaeacians would distrust seeing a stranger with Nausicaa (Hom. *Od.* VI.276-288) and, if they do, they may become hostile to him (Hom. *Od.* VII.32-33), the townspeople of Athens immediately show some distrust of Socrates being around the son of Kleinias, a distrust with which a menace is also made implicit. Courting Alcibiades when he has already grown a beard, might something against the traditional mores of the city (Pl. *Prt.* 309a2-4; cf. Pl. *Symp.* 181d-e.)³. For Socrates and whatever he is attempting to do with the youth turns to be questionable, if not under threat if one considers the philosopher’s real destiny in Athens (Pl. *Ap.* 24b; 33a-b; Xen. *Mem.* I.2.12-16). At his arrival, the major purpose Socrates may have in the city in practical or political terms -that is, a sort of philosophical edu-

---

P. 134-141; cf. Denyer (2005). P. 65; Lampert (2010). P. 21-22; Cf. Altman (2020). P. 59.

¹ Strauss (1965). IV. P. 4.

² It must be added that Socrates, as Odysseus did, doesn’t answer immediately to the question about his origin, but he postpones it until he has some certainty that initial suspicions or accusations are more or less deluded (Pl. *Prt.* 309b-d).

³ According to him, the beard indicates that it is not appropriate to treat him as an ἐρώμενος anymore. See Dover (1978). P. 103-116.

cation of the best local youth- seems to be at least as endangered as Odysseus' return could be with his stopover at Scheria.

Given that the reaction from the townspeople of Athens before Socrates' appearance at the opening of the dialogue is what will give way by action and argument to the Socratic report about his recent adventures on his journey at Callias' house, I maintain that this reported dialogue must be read as Odysseus' *Apologue* before the Phaeacians – that is to say, whether true or false¹, as the stranger's great stratagem to avoid distrust and potential hostilities and to gain the necessary trust and favor from the hosts to secure his mission. In other words, I claim that the narration in *Protagoras* must be read as the necessary ploy that Socrates is provided with to create a new appearance for philosophy, one that avoids the disruptive appearance at his arrival, one that generates enough confidence in townspeople to let him have a space and carry out his mission of educating the youth in all that philosophy manages to accomplish in the great city of Athens. It makes complete sense that he might get it narrating a story that presents how he would behave and with such intentions when the youth of Athens approach him in search of educational advice, as he did with the young Hippocrates (Pl. *Prt.* 310a-314c). It also makes sense that he narrates how he would argue and defeat Protagoras, whose reputation for wisdom and for contributing to the welfare of the city is without doubt, while elucidating how philosophy could help citizens to become excellent (Pl. *Prt.* 314e-362a). With a narration as such, a young Socrates could accomplish not only paving the way for philosophy in the city as an activity concerning the youth, but could even win a reputation for himself as the greatest Greek educator of his time².

---

¹ If the Socratic narration in *Protagoras* follows the pattern of Odysseus' *Apologue*, it must be taken as possible that the reported adventures are not entirely true. Almost every time the son of Laertes appears as a stranger, he delivers a narrative which, if not always is a lie, never fits reality. Considering just the *Apologue*, Parry (1930) states that it is completely false, and Most (1989) notes that the story is presented in an apparent veracity that is anomalous. Cf. De Jong (2004).

² Cf. Lampert (2010). P. 9.

REFIGURING ODYSSEUS' *APOLOGUE* II NARRATIVES IN CONTEST FOR PEDAGOGICAL PRIMACY

In addition to the function that the *Apologue* plays in the storyline of Odysseus' "νόστος", the setting for the tale of the adventures of the hero in the epic poem also entails a metanarrative dimension. In the *Odyssey*, the singers' performance is recurrently employed by Homer to reflect his own consciousness and awareness as a narrator, and by extension, about the nature, practice and reception of narrative in general¹. Partly detaching the singers' performance from the current actions that come to be narrated, Homer would show how singers relate with events, how these events are received and presented, what intentions the bards have in reciting, how they relate with listeners in different circumstances or what kind of effect they expect to cause in those. The Homeric poems repeatedly depict bards reciting the words of the muses and audiences listening to singers. But this feature seems to be accentuated in the dramatic setting of Homer's fullest account of bardic performance, as in Odysseus' *Apologue* in Alcinoüs palace, not only because it comes to contrast two different narratives about the hero, but also because one of them comes from a professional singer and the other one from the main character of the story.

Odysseus' *Apologue* comes in response to the songs that Demodocus recited earlier to entertain the stranger and the rest of the audience (Hom. *Od.* VIII. 73-82; 266-366; 499-520). Demodocus figures as a very famous "ᾠοῖδός" (Hom. *Od.* VIII.83; 367; 521), esteemed for his words and stories (Hom. *Od.* VIII.62; 471) to the point of being considered a divine figure (Hom. *Od.* XIII.27). His songs, especially those dedicated to Odysseus, have made the hero break down in tears (Hom. *Od.* VIII.83-92; 521-534). Odysseus is so moved by Demodocus' words that he praises the bard for his beautiful reciting (Hom. *Od.* VIII.477-481; 487-498). However, Demodocus' songs may not be entirely accurate². In a sense, Odysseus' *Apologue* comes to rival the songs of Demodocus about the Trojan war, and more specifically how the hero is to be depicted in them. At the end, even the local audience has the impres-

---

¹ De Jong (2001). P. 192; Segal (1994). P. 113-183.

² Broeniman (1996). P. 6; 8-9 considers that Demodocus' first song (Hom. *Od.* VIII. 73-82) is a distorted *Iliad*.

sion that no other person could sing better than Odysseus (Hom. *Od.* XI.335-337; 363-369). Even though he is not a singer technically speaking¹, he knows better than any other singer his own story, and no other singer can sing better his own glory either.

The frame dialogue of *Protagoras* depicts an analogous scene in terms of structure. The narration of Socrates about his meeting with the sophist comes in response to the words of an “Ομήρου ἐπαινέτης” (Pl. *Prt.* 309a5). The unknown character who reacts to the philosopher’s appearance at the opening of the dialogue is called by Socrates as exactly the same as Io from Ephesus (Pl. *Io* 536d3; 541e3). The word used to identify him, “ἐπαινέτης”, is a technical term that designates those men in Plato’s times who, like Demodocus in Homer’s, were professionally dedicated to recite tales. They are those experts in poems who not only sing their words, but also know their meaning and interpret them before an audience, i.e., rhapsodes (Pl. *Io* 530b-c)². Besides that, though, “ἐπαινέτης” also refers to that manner of preciously celebrating the beauty of the poets and their productions, especially Homer’s, that is, “ἐπαινέω”, “praise” (Pl. *Io* 530b-c). In their aspect of “praisers”, the rhapsodes are not supposed to merely transmit the words of the poet, but to incite, motivate or impel the audience towards “ἀρετή”, the virtue exemplified in them (Arist. *Rh.* 1367b22; 28). They are supposed to promote the necessary desire to imitate (“ζήλος”) and acquire certain qualities or to emulate certain noble men like Odysseus, Nestor or Achilles³. This is the way rhapsodes have become, from Demodocus to Io, rather than mere reciters, conveyors of the proper mores of society, teachers of excellence, and thus pedagogical authorities themselves. In fact, it is due to them that Homer has been considered “the educator of Greece” (Pl. *Resp.* 606e-607a)⁴.

---

¹ De Jong (2001). P. 229.

² See Liddel, Scott (1996). P. 603-604; Nagy (1979). P. 98. Cf. Velardi (1989). P. 32-33.

³ That is to be understood in the context of a culture of praise. In that context the nature of the rhapsode’s reciting is essentially epideictic, Capuccino (2005). P. 141; 146; 159.

⁴ Robb (1994). P. 163; 165; Capuccino (2005). P. 163. We can say they were considered to adults what teachers of letters were to children (Pl. *Prt.* 325d-326a; cf. Pl. [*Hipparch.*] 228b-c).

A character as such is the one demanding for the origin of Socrates (Pl. *Prt.* 309a1), the one taking for granted that the reason for his appearance has to do with Alcibiades (Pl. *Prt.* 309a1-2), the one censuring a hypothetical relationship with the youth (Pl. *Prt.* 309a2-4) and the one whose curiosity and suspicion will be calmed when Socrates tells him about the great meeting our hero had with Protagoras, the wisest man in Greece (Pl. *Prt.* 309b-310a). Strictly speaking, our “Ὅμηρου ἐπαινέτης” does not appear singing at all in the dialogue, not even the Homeric verses. But he does appear attempting to exhibit his educational authority concerning the moral traditions as well as the epideictic ability to convey this authority when he disapproves of Socrates courting Alcibiades (Pl. *Prt.* 309a2-4)¹. The “praiser” is certainly using that skill and the educational power that it confers to make of Socrates not the object of admiration, but of rejection. For blame, just as praise, also entails the pedagogical power of example; but rather than of what excels and therefore of what should be admired and imitated, it is the example of what is lowest or shameful, and thus of what should be despised and avoided².

While Homer shows in the *Odyssey* how Demodocus' singing of certain men's greatness entails a self-referential tendency (Hom. *Od.* VIII.73-74), Plato pictures the rhapsode's songs, and praise in general, not only as attempting to attract the public towards the beauty of the poet and the great men he praises, but also towards the beauty of his own art of recitation, towards his own beauty as a singer (Pl. *Io* 530c; cf. *Lys* 251e)³. This is also how the disapproval of Socrates' behavior towards Alcibiades in *Protagoras* must be read. It is not a strict blame to dissuade others to follow Socrates' example. It is an attempt motivated by envy to break up the educational-erotic attraction that young people might feel towards Socrates, and manage to turn it towards the “praiser” himself. Socrates could be seen at his arrival as an opponent coming to replace, in terms of youth education, the function that the advocates of the Homeric tradition and the old paideia had in Classical Athens. Accordingly, the scene might suggest that the “praiser of Homer” no longer seduces young people enough to entrust him with their education.

---

¹ See note above: According to him, the beard indicates that it is not appropriate to treat him as an ἐρώμενος anymore. See Dover (1978). P. 103-116.

² See Capuccino (2005). P. 139-140.

³ Nightingale (1993).

The “praiser’s” open condemnation of Socrates might express the enviable need to redeem himself from his educational incompetence by spreading a certain calumny against the ones taking over his long-standing pedagogical space in society.

In the end, even the “praiser of Homer” may not fully disapprove of the attitude he attributes to Socrates towards young people. In fact, he may not really care or may not even know for sure if Socrates’ behavior is reprovable or not. For, when one praises or blames for the sake of reputation as he does, when one’s aim in praising or blaming is to please others with words, one may disregard what is actually good and what is bad, beautiful and shameful, or even more, one might simply lie on purpose about it. This is the risk of depravation of a pedagogical culture based on “praise and blame ethics” (Pl. *Resp.* 363a; 593d; *Prt.* 313d)¹, and this is the way the singers of Homer, the rhapsodes, in their condition as “praisers”, could become totally incompetent to educate, if not corruptors themselves.

The manner in which Socrates answers back the disapproval he first received from his companion comes to reflect how the Homeric tradition represented by these rhapsodes was falling in such educational weakening and decay, and what the philosophers had that could save it and make of philosophy a new educational power. As a “praiser of Homer”, the unnamed companion should have known that Homer praises the one “getting his first beard” (Pl. *Prt.* 309b1) but he undervalues Alcibiades on this very basis (Pl. *Prt.* 309a2-4). When he insinuates that the beard appearing on Alcibiades’ chin should repel Socrates from approaching him, he should have thought about the great qualities and beauty that could come with that age as it is pointed out by Homer in the passages where Hermes comes in aid of Odysseus (Hom. *Od.* X.279; *Il.* XXIV.348). Instead, he seems only to be thinking in the bodily or carnal qualities of Alcibiades, or to be considering these kinds of qualities in relation to real beauty (Pl. *Prt.* 309c1-9). He clearly does not understand Homer, and thus he cannot understand Socrates either. Indeed, Socrates knows better than his companion what Homer says and he is even a better interpreter of his work too. He is a better advocate and conveyer of the highest morals that the Homeric poems convey.

---

¹ Capuccino (2005). P. 162-163.

When he presents himself as a lover of wisdom (Pl. *Prt.* 309c10-d2), he not only seems to agree more with Homer's idea of beauty, but to live according to those morals more truly. However, this is not so merely because Socrates had a better knowledge of Homer, which of course is true, but rather because only he, just as with Odysseus from the moment he received from Hermes a certain knowledge of nature (Hom. *Od.* X.304-306), would know the essence of what is good and bad, beautiful and shameful¹. Only with that knowledge can one become a true educator, that is a true conveyor of those morals represented in Homer's poem. After all, this is how Socrates in his first contact with the citizens of Athens would appear as the true "praiser of Homer". This is the only way of singing Homer and his hero properly, or any other story that may resemble Homer's, like Socrates'.

Just as Homer reflects in the *Odyssey* his own consciousness and awareness concerning the nature, practice and reception of narrative, so does Plato in the dialogues. The whole Platonic Corpus seems to explore the nature and effects of several rivaling approaches and practices in the use of poetry that make the memorial of the great men a pedagogical occasion of first order. As many dialogues show, in Socrates' Athens, competition in narrative was to a large extent a dispute for pedagogical primacy in the city. In *Protagoras*, the setting and the course of that dispute have a special meaning. At the breaking of the Platonic narrative about the Socratic phenomenon in Athens, the need for a public presentation of philosophy that paves the way for a new educational approach in the city is ironically demanded by the fact that at the opening of the dialogue Socrates comes on stage before a certain "praiser of Homer". Socrates appears in front of someone who is supposed to be an advocate of the old *paideia*, and who sees in the philosopher's appearance at his arrival a real threat to the traditional mores of the city. However, the Socratic response to such suspicion done as it is in Homeric terms leaves the impression that, rather than a subversion inserted by new unconventional wisdoms, there is in Athens a certain degradation and simplification of the traditional Homeric knowledge by those supposed to be in charge of its preservation and transmission. While a decay as such is represented as the reason why the city already

---

¹ Strauss (1965). IV. 8; Lampert (2010). P. 23-24.

suspects and accuses Socrates of corrupting the youth — more than thirty years before his trial —, it also comes on stage as an opportunity for Socrates in the very beginning of his mission to adapt himself and occupy an educational space in the city. In the context of such pedagogical rivalry with the “praiser of Homer”, the Socratic refiguring of some of *Odyssey*’s episodes to narrate his recent dispute with Protagoras, expands on the impression that the pedagogical nature and space that philosophy has come to fulfill and occupy in Athens, contrary to what it would seem, would only be possible through some sort of restoration of the traditional wisdom and the musical productions resulting from it, that is, mainly, of epic poetry. It is a restoration of this kind that Socrates seems to need in order to get rid of the bad reputation he already has and thus to create a new appearance that paves the way for philosophy to be welcomed and embraced in the city as a permitted pedagogical power. It is a restoration of this kind that Socrates seems to conduct, on the basis of a certain knowledge of nature, to preserve the true pedagogical power of Homer. Most likely, it is also a restoration of this kind that Plato would attempt to undertake with the dialogues in order to reach a public beyond the walls of the Academy with his philosophy. The art of refiguring Homer certainly seems to be one of the most essential resources that Plato displays in his art of writing in order to reach a pedagogical power comparable to that of the legendary poet. I think is no exaggeration to say that if Plato himself had ever become something akin to an educator of the Greeks, it would have only happened by imitating and refiguring Homer in his writings. Likewise, I think is no exaggeration either to say that with Platonic philosophy, the reading of Homer becomes even more powerful in educational terms.

REFERENCES

- Adam, J., Adam, A.M. (1893) *Plato. Protagoras*. London: Cambridge University Press.
- Altman, W.H.F. (2020) *Ascent to the Beautiful: Plato the Teacher and the Pre-Republic Dialogues from Protagoras to Symposium*. London: Lexington Books.
- Bodin, L., Croiset, A. (1923) *Platon. Oeuvres Complètes. t. III, 1re partie: Protagoras*. Paris: Belles Lettres.

- Bernadete, S. (1997) *The Bow and the Lire. Platonic Reading of the Odyssey*. Lanham – Boulder – New York – Toronto – Plymouth: Rowman and Littlefield.
- Broeniman, C. (1996) "Demodocus, Odysseus and the Trojan War in Odyssey 8", *The Classical World* 90.1, 3-13.
- Capuccino, C. (2005) *Filosofi e rapsodi. Testo, traduzione e commento dello Ione platonico*. Bologna: CLUEB.
- Capra, A. (2001) *Agon logon: il Protagora di Platone tra eristica e commedia*. Milano: LED.
- Capra, A. (2005) "Protagoras' Achilles: Homeric Allusion as a Satirical Weapon (Pl. Prt. 340a)", *Classical Philology* 100, 274-277.
- Johnson, A. (1992) "Allusions to Homer in the Protagoras", *Anthós* 1.3 (1990–1996), 55-62.
- De Jong, I.J.F. (2001) *A narratological commentary on the Odissey*. Cambridge – New York: Cambridge University Press.
- De Jong, I.J.F. (2004) "Homer", I. J.F. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie, eds. *Narrators, Narratees and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Literature*. Vol. I. Leiden: Brill, 13-24.
- Denyer N. (2008) *Plato. Protagoras*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Destrée, P., Herrmann, F.-G., eds. (2011) *Plato and the Poets*. Leiden: Brill.
- Dover, K.J. (1978) *Greek homosexuality*. Cambridge: Harvard University Press.
- Guthrie, W.K.G. (1975) *A history of Greek philosophy. IV. Plato, the man and his dialogues: earlier period*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jaeger, W. (1933–1947) *Paideia. Der Formung des griechischen Menschen*, 3 vols. Berlin: Walter de Gruyter Verlag.
- Labarbe, J. (1949) *L'Homère de Platon*. Paris: Les Belles Lettres.
- Lampert, L. (2010) *How Philosophy Became Socratic. A Study of Plato's Protagoras, Charmides and Republic*. Chicago – London: The University of Chicago Press.
- Liddel, H.G., Scott, R.A (1996) *Greek-English Lexicon*. 9th ed. New York / Oxford: Clarendon Press; Oxford Univ. Press.
- Miralles, C. (2005) *Homer*. Barcelona: Empúries.
- Morgan, K.A. (2004) "Plato", I.J.F. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie, eds. *Narrators, Narratees and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Literature*. Vol. I. Leiden – Boston: Brill, 357-376.

- Morrison, J.S. (1941) "The place of Protagoras in Athenian Public Life (460-415 BC)", *The Classical Quarterly* 35.½, 1-16.
- Most, G.W. (1989) "The structure and function of Odysseus Apologoi", *Transactions of the American Philological Association* 119, 15-30.
- Murray, P., ed. (1996) *Plato on Poetry*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nagy, G. (1979) *The Best of the Achaeans*. Baltimore – London: John Hopkins University Press.
- Nails, D. (2002) *The people of Plato. A prosopography of Plato and other Sociotics*. Indianapolis: Hackett Publishing.
- Nightingale, A.W. (1993) "The folly of praise: Plato's critique of encomiastic discourse in the Lysis and Symposium", *Classical Quarterly* 43, 112-130.
- Parry, M. (1930) "Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making: I. Homer and Homeric Style", *Harvard Studies in Classical Philology* 41, 73-148.
- Pascual, A. (2016) "Una estranya aparició. La qüestió inicial i l'inici de la qüestió socràtica al Protàgoras de Plató", *Anuari de la Societat Catalana de Filosofia* XXVII, 131-152.
- Pfeiffer, R. (1968) *History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age*. New York – Oxford: Oxford University Press.
- Planinc, Z. (2003) *Plato through Homer. Poetry and Philosophy in the Cosmological Dialogues*. Columbia – London: University of Missouri Press.
- Planinc, Z. (2007) "Equivalences of Experience and Symbolization in Homer and Plato", *Eric Voegelin Society, American Political Science Association*, Chicago.
- Proscurcin, P. (2018) "Some Thoughts on the Socratic Use of Iliad x 224 in Plato's Protagoras and Symposium: A Dialogical Context Previous to the Dialectic Method?", *Maia: rivista di letteratura classiche* LXX.2, 240-241.
- Rademaker, A. (2013) "The most correct account: Protagoras on language", J.M. van Ophuijsen, M. van Raalte, P. Stork, eds. *Protagoras of Abdera: the Man, his Measure*. Leiden – Boston: Brill, 87-11.
- Reale, G. (2001) *Platone. Protagora*. Milano: Bompiani.
- Robb, K. (1994) *Literacy and Paideia in Ancient Greece*. New York – Oxford: Oxford University Press.
- Rosen, S. (1968) *On Plato's Symposium*. London: Yale University Press.

- Segal, C. (1994) *Singers, Heroes and Gods in the Odyssey*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Segvic, H. (2006) "Homer in Plato's Protagoras", *Classical Philology* 101, 247-262.
- Strauss, L. (1965) *Plato's Protagoras: A course by professor Leo Strauss*. Chicago: Class audio transcript.
- Tracy, S.V. (1997) "The structures of the Odyssey", I. Morris, B. Powell, eds. *A New Companion to Homer*. Leiden – New York – Köln: Brill, 360-379.
- Velardi, R. (1989) *Enthousiasmos: Possessione rituale e teoria della comunicazione poetica in Platone*. Roma: Edizioni dell'Ateneo.
- Verdenius, W.J. (1970) *Homer, the educator of the Greeks*. Amsterdam – London: North-Holland Publishing Company.
- Wilamowitz-Moellendorf, H.U. (1920) *Platon. I: Leben und Werke; II: Beilagen und Textkritik*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Woodruff, P. (2017) "Why Did Protagoras Use Poetry in Education?", O. Pettersson, V. Songe-Møller, eds. *Plato's Protagoras: Essays on the Confrontation of Philosophy and Sophistry*. Cham: Springer, 213-227.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЕННЫХ ТРАКТАТОВ

А.К. НЕФЁДКИН

Статья представляет собой предварительную попытку атрибуции двух списков источников византийских военных трактатов — первый в «Тактике» византийского императора Льва VI Мудрого (886-912 гг.) и второй — в «Тактике» византийского стратега и дукса Антиохии Никифора Урана (1000-е гг.). Ряд этих источников достаточно ясен — это военные трактаты Ариана («Тактическое искусство»), Элиана («Тактическая теория»), Онасандра («Стратегикос»), Полиэна («Стратегемы»), Сириана Магистра, Маврикия («Тактика»), императора Никифора II Фоки («Стратегика»), а также несохранившееся сочинение великого карфагенского полководца Ганнибала. Также не вызывает особых сомнений использование Ураном сочинений моралиста Плутарха из Херонеи. Мену, упомянутого в списке «Тактики» Льва, можно сопоставить с участником диалога «Патрикия Мены с референдарием Фомой о политике» (первая половина VI в.). Дальнейшее сопоставление текстов этого «Диалога» с «Тактикой» Льва может внести некоторую ясность в данный вопрос, ведь Уран вносил лишь незначительные изменения в текст своего первоисточника. Сам Уран широко используя исторические источники, вынес и их в титул. В общем, Уран использовал исторические труды Диодора Сицилийского («Историческая библиотека»), Диона Кассия Коккеяна («Римская история») и Полибия («Всеобщая история»), а также сочинения (письма, дневники) Александра Македонского или же роман о нем. Три источника в списках пока остаются неясными: Пелопс, Алкивиад и Гераклид. Некоторая определенность в их атрибуции может быть внесена после публика-

ции текста «Тактики» Никифора Урана, которое так и не было произведено, хотя первые 14 глав труда были опубликованы еще четыре века назад (в 1617 г.).

Древнегреческая и византийская письменная военная теория дошла до нас со значительными лакунами. Кроме сохранившихся полностью или частично, а также известных нам по упоминаниям авторов и названий произведений существовал еще ряд неизвестных сочинений, которые, впрочем, знали образованные византийцы в X–XIV вв. Авторам этих произведений и будет посвящена данная статья. Причем нужно заметить, что специальная историография по данному вопросу отсутствует.

Один список авторов, писавших на военные сюжеты, приводит схолия на полях у шестого параграфа введения «Тактики» византийского императора Льва VI Мудрого (886–912 гг.), в *codex Vindobonensis philol. gr. 275, fol. 1^r* (X–XI вв.), у которого, впрочем, отсутствует начало¹. У слов Льва «Научные знания, содержащиеся в древних и новых стратегических и тактических сочинениях; другие свидетельства, о которых повествуется в исторических трудах...» (пер. В.В. Кучмы) написан список авторов в следующем порядке: Арриан, Элиан, Пелопс, Онисандр (*sic!*), Мена, Полиэн, Сириан, Плутарх².

Другой список обнаруживаем прямо в заглавии «Тактики» Никифора Урана — автора последнего сохранившегося сводного компилятивного военного труда, состоявшего из 178 глав — по существу, энциклопедии военного дела, датированной 1000-ми гг.³. О самом авторе надо заметить, что он был не только военным, магистром Востока и дукой Антиохии (в 999 - между 1007 и 1011 г.), но и широкообразованным человеком, литературное наследство которого составили, также две поэмы, два жития и 50 личных пи-

---

¹ Hunger (1961). S. 378-379.

² См.: Vári (1901). S. 68; Vári (1917). P. XXXIII, n. 1; Dain (1967). P. 373; Dennis (2010) P. 6, ll. 56-57.

³ McGeer (1991). P. 131, 138; McGeer (1995). P. 79; Trombley (1997). P. 261-264.

сем¹. Его корреспондент, судья Филит Синадин, очевидно, не случайно называл его в первых годах XI в. «магистром / стратигом и мудрецом», «философом и стратигом»². А в одном письме к протоспафарию и судье Петру Никифор просит прислать ему риторическое сочинение Дионисия Галикарнасского³.

Итак, в титуле «Тактики» Никифора Урана в константинопольском кодексе (*codex Constantinopolitanus*, 36), содержащем первые 43 главы и датированном XV в., читаем: «“Тактика” или же “Стратегия” из Арриана, Элиана, Пелопса, Полиэна, Оносандра (*sic!*), Алкивиада, Артаксеркса, Сириана, Ганнибала, Плутарха, Александра, Диодора, Диона, Полибия, Гераклита, Маврикия, Никифора и некоторых других, собранная с большой тщательностью магистром Никифором Ураном от многих, как было сказано, историков»⁴. Поскольку подобное длинное наименование с перечислением источников не типично для греческой военной литературы, то заслуживает внимания предположение англо-немецкого историка Филипа Ренса, который в личном письме мне от 13 августа 2020 г. высказал мнение, что название сочинения — это схолия, попавшая при переписывании в основной текст. Данное предположение вполне возможно, учитывая, что первые страницы трактата в данной рукописи не сохранились⁵.

Сначала нужно заметить, что существуют три научных издания «Тактики» Льва, которые вполне можно использовать для работы⁶, однако полной публикации «Тактики» Никифора Урана до сих пор нет. Еще в 1745 г. итальянский литератор Джованни Лами (1697-1770) издал первые 53 главы на греческом языке с латинским переводом; главы 56-64 были опубликованы с английским переводом канадским византинистом Эриком Макгиром в 1995 г.; в 1973 г. филолог-классик Жюль-Альбер де Фуко издал гл. 63-74, сопроводив их французским переводом, а его учитель, текстолог

---

¹ Darrouzès (1960). P. 45-48; McGeer (1991). P. 129-131; Trombley (1997). P. 267-269.

² Darrouzès (1960). P. 255, № 8-9.

³ Darrouzès (1960) P. 227-228, № 22.

⁴ Dain (1937). P. 13, 90; Dain (1967). P. 371.

⁵ Blass (1888). S. 225; *ср.*: Dain (1937). P. 93-95.

⁶ Migne (1863). Col. 669-1120; Vári (1917); Dennis (2010).

Альфонс Ден (1896-1964), опубликовал в 1943 г. гл. 54, 119-123¹. Тот же А. Ден еще в 1930-е гг. подготавливал издание Урана, опубликовав фундаментальную монографию с анализом текста произведения, но само издание источника так и не вышло в свет². Таким образом, получается, что нет публикации глав 55, 75-116, 124-178, о содержании которых можно судить лишь по титулам, приводимых тем же А. Деном³.

Как видим, первый список в схолии к «Тактике» Льва состоит из восьми авторов, а второй у Никифора Урана насчитывает уже в два раза больше источников — семнадцать. Повторение авторов в обоих списках объясняется просто сходством материала в обоих трактатах, а также тем, что труд Льва служил непосредственным источником для Никифора (гл. 1-55)⁴. Можно полагать, что в список вошли те произведения, которые схолиаст и / или переписчик распознал в трактате Льва и, видимо, Урана. Атрибутация пяти авторов из первого списка и восьми из второго не вызывают особых сомнений: это — Арриан, Элиан, Онасандр, Полиэн, Сириан в первом списке, к которым во втором добавляется Полибий, Маврикий и Никифор. В другую группу надо выделить авторов, по поводу атрибуций которых высказываются некоторые предположения (Ганнибал и Плутарх), а в третью — неясные или вообще неизвестные (Пелопс, Мена, Алкивиад, Артаксеркс, Александр, Диодор, Дион, Гераклит)⁵.

Чтобы определить авторов, стоит рассмотреть структуру построения списков с позиции образованного византийца X–XI вв. Список схолии к труду Льва (№ I) можно представить таким образом: 1) «Тактическое искусство» Арриана (время Адриана — *Arr. Tact.*, 44,3); 2) «Теоретическая тактика» Элиана (время Адриана, как указано во введении к трактату, — *Ael. Tact., prooem.*, 1); обе работы по жанру — тактики — описание организации и маневров

---

¹ Meursus (1745). Col. 1211-1418; Dain (1943). P. 69-104; Foucault (1973). P. 285-311; McGeer (1995). P. 88-163.

² Dain (1937). P. 128-130. Подробнее см.: Dain (1967). P. 371.

³ Dain (1937). P. 19-37.

⁴ Dain (1937). P. 19-21.

⁵ Vári (1898). P. 67-68; Dain (1937). P. 89-90.

войск¹; 3) Пелопс (?); 4) «Стратегикос» Онасандра (обращена к Кв. Веранию Непоту, консулу 49 г. н.э., — *Onos.*, *prooem.*, 1); по жанру — стратегика — наставление военачальникам; 5) Мена (?); 6) «Стратегемы» Полиэна (обращены к императорам Марку Аврелию и Луцию Вету (161 г.) — *Polyaenus. Strat., prooem.*, 1); по жанру — стратегемы — военные хитрости; 7) Сириан Магистр; непосредственно сочинение не сохранилось, но реконструируется (датируется VI-IX вв.); по жанру — стратегика; 8) Плутарх (?).

Второй список (№ II) Никифора Урана выглядит так: 1) Арриан, то же, что № I-1; 2) Элиан, то же, что № I-2; 3) Пелопс (?), то же, что № I-3; 4) Полиэн, то же, что № I-6; 5) Онасандр, то же, что № I-4; 6) Алкивиад (?); 7) Артаксеркс (?); 8) Сириан, то же, что № I-7; 9) Ганнибал (?); 10) Плутарх (?), то же, что № I-8; 11) Александр (?); 12) Диодор (?); 13) Дион (?); 14) «Тактика» или / и «Всеобщая история» Полибия; 15) Гераклит (?); 16) «Стратегикон» Маврикия (рубеж VI-VII вв.), по жанру — стратегика; 17) военные сочинения Никифора Фоки (960-е гг.), по жанру — стратегики.

В общем, видим, что в списки занесены лишь греческие авторы, латинских нет. Эти списки построены не по алфавиту и не по хронологии, как она бы могла представляться составителям. Если судить по известным нам трактатам, то можно понять, что Арриан сгруппирован с Элианом, а Маврикий с Никифором Фокой. Следовательно, если экстраполировать данную систему группирования на остальные части списков, то можно утверждать, что списки построены по сюжетно-хронологическому принципу. Кроме того, следует обратить внимание на то, что в титуле Урана источники последнего обозначены как «историки» (ἱστορικοί) или «истории» (ἱστορίαι). Впрочем, под последним наименованием не обязательно понимались именно «Истории» — в X в. старинные военные сочинения могли обозначаться в литературе как «исторические книги»².

Сначала рассмотрим известные нам источники. Сам Лев в своей «Тактике» (Leo. *Tact.*, VI,30; VII,86) прямо ссылается на «Тактическое искусство» Флавия Арриана (136 г.), на «Тактическую теорию» Элиана (ок. 113 г.) и на «Обязанности стратега»

---

¹ Подробнее см.: Нефёдкин (2010). С. 7.

² Dain (1937). P. 89, n. 1

Онасандра (середина I в. н.э.) (Leo. *Tact.*, XIV, 112). А. Ден сопоставил гл. 72–74 сочинения Урана со свидетельствами Онасандра, а в гл. 177–178 нашел использование трактата Элиана¹. Полиэн в тексте Льва прямо не упомянут. Как указывает А. Ден, Никифор Уран использовал в гл. 116, 123–171, 175 «Стратегемы» Полиэна².

К известным нам авторам византийского периода относятся «Стратегика» императора Маврикия (582–602 гг.) и «Стратегика» императора Никифора Фоки (963–969 гг.) и несохранившееся сочинение Сириана Магистра³. В самом тексте «Тактики» Льва эти авторы не упоминаются вообще, особо примечательно, что Лев не упоминает свой основной источник — труд Маврикия. Согласно анализу А. Дена текста сочинения Никифора Урана, последний использовал «Стратегику» Фоки в гл. 56–74⁴.

Сочинение Сириана Магистра не сохранилось, оно широко датируется разными исследователями VI – началом IX в. Согласно разработкам французского византиниста Константина Цукермана, в работу последнего автора входило не только сохранившееся под его именем сочинение о морской войне (*Ναυμαχία*), но, исходя из содержания и стиля, — анонимные рекомендации полководцу по риторике (так называемая *Rhetorica militaris*), а также сочинение так называемого «Византийского Анонима VI в.» «О стратегии» (*De re strategica*) с приложением небольшого трактата «О стрельбе из лука» (*De arcus usu*)⁵. По крайней мере, А. Ден находит, что гл. 75–87 сочинения Урана основывались на «*De re strategica*», а гл. 119–123 о морской войне — на соответствующей информации сочинения Сириана⁶.

Обратимся ко второй группе источников. Еще А. Ден отметил, что Ганнибал здесь назван своим именем, ведь великий полково-

---

¹ Dain (1937). P. 21, 37.

² Dain (1937). P. 13, 22–24; Dain (1967). P. 373.

³ См.: Dain (1967). P. 371–373; Кучма (1989). С. 293–294.

⁴ Dain (1937). P. 21; Dain (1967). P. 373; ср.: Foucault (1973). P. 282–283; McGeer (1991). P. 129, 131–134, 138 (в гл. 56–65 Уран использовал также и личный опыт).

⁵ Zuckerman (1990). P. 210–224. По Ф. Ренсу — не ранее 790 г. (Rance [2007]. P. 701–737).

⁶ Dain (1937). P. 21–22; Dain (1943). P. 7, 13, 90.

дец древности сочинял свои военные мемуары по-гречески¹. Действительно, один из лучших полководцев древности Ганнибал не чуждался греческой военной теории. У него перед Второй Пунической войной, как сообщает Вегеций (*Epit.*, III, *prooem.*), был некий лакедемонянин — учитель тактики, а историк спартанец Сосил обучал его греческому языку (*Нер.*, 23,13,3; *Diod.*, XXVI,4,1). В 195 г. до н.э., прослушав в Эфесе лекцию перипатетика Формиона, посвященную военному делу и продлившуюся несколько часов, Ганнибал охарактеризовал данного оратора как сумасшедшего старика (*Cic. De or.*, II, 75-76). Это значит, что Ганнибал весьма разбирался в греческой военной теории эллинистической эпохи и вполне мог в изгнании в 196–183 гг. до н.э. в пике теоретикам сочинить некий трактат на военную тему, — по крайней мере, Корнелий Непот упоминает некие письменные сочинения Ганнибала (*Нер.*, 23,13,2: *Namque aliquot eius libri sunt, Graeco sermone confecti*). Судя по тому, что Элиан и следующий за ним Арриан не называют среди своих основных источников работу Ганнибала (*Ael. Tact.*, 1,2; *Arr. Tact.*, 1,1), то последний был автором не «Тактики», а работы другого жанра (возможно, стратегии). Причем сам Уран в нескольких пассажах своего труда рассказывает о Ганнибале на основании «Выдержек из Полиэна», восходящих к несохранившейся части шестой книги «Стратегем»: взятие города (гл. 123,12; *Excerpta Polyæn.*, 58,5), погребении павшего римского полководца (гл. 127,7; *Excerpta Polyæn.*, 4,9), битва при Каннах (гл. 141; *Excerpta Polyæn.*, 19,4), бой при Казилине (гл. 148,2; *Excerpta Polyæn.*, 25,4), использование быков (гл. 164,6; *Excerpta Polyæn.*, 46,10). Однако непосредственные источники этих сообщений остаются неопределенными.

Венгерский византист Р. Вари рассматривал упомянутого в списках Плутарха как позднеантичного философа-неоплатоника (IV-V вв.)². Однако, нам неизвестно, чтобы этот Плутарх Афинский писал какие-либо исторические или военные сочинения, увлекавшись лишь философскими писаниями³. Можно полагать, что

---

¹ Dain (1937). P. 90, n. 1.

² Vári (1898). P. 68. Martindale (1980). P. 893-894.

³ Beutler (1951). Sp. 975; Лосев (2000). С. 7-10.

имелся в виду наиболее известный Плутарх — моралист из Хероней (ок. 46 — ок. 125 гг.), биографии которого и ряд «Моралий» (например, «Об удаче и доблести Александра», «Об удаче римлян» и др.) вполне можно посчитать историческими сочинениями. Американский византист Джон Хэлдон установил, по крайней мере, три пассажа в «Тактике» Льва, восходящие к «Моралиям» Плутарха, в частности, к «Изречениям спартанцев» (Leo. *Tact.*, XX,40 = Plut. *Apophth. Lac.*, 2,28 (*Moral.*, 210E); Leo. *Tact.*, XX,162 = Plut. *Apophth. Lac.*, 54,3 (*Moral.*, 229B); Plut. *Lysand.*, 7,4)¹.

Теперь обратимся к авторам, атрибуция которых остается неясной. Третьим в обоих списках стоит имя Пелопса (Πέλοψ). Людей с подобным именем известно не столь много. Заметим, что это имя находится в обоих списках между авторами I-II вв.: между тактиками Арриана и Элиана (№ I / II-1-2) и стратегикой Онасандра (№ I-4) или «Стратегемами» Полиэна (№ II-4). Следовательно, по жанру сочинение Пелопса могло быть тактикой или стратегикой. Дж. Хэлдон рассматривает Пелопса как царя, сына спартанского тирана Ликурга (конец III в. до н. э.)². Действительно, вряд ли авторством военного сочинения было просто приписано легендарному Пелопсу — эпониму Пелопоннеса — у нас нет подобных примеров. Другим известным нам Пелопсом был адресат в Византии писем Цицерона в 44 г. до н.э. (Cic. *Att.*, XIV,8,1; Plut. *Cic.*, 24,9). Эпиграфика называет нам македонянина Пелопса, сына Александра, «друга царя Птолемея, поставленного при войске», в честь которого самосцы поставили почетный декрет (ок. 280-246 гг. до н. э.) (IG, XII,6,1,119). Полибий и другая надпись упоминает его сына — птолемеевского стратега Кипра Пелопса, сына Пелопса (217-209 гг. до н.э.) (Polyb., XV,25,13; OGIS, 1,184). В общем, можно лишь предполагать, что имя Пелопс, скорее дорийское, могло принадлежать спартанскому автору эллинистическо-римского времени, о которых упоминает Вегетий как о написавших некие тактические сочинения (Veget. *Epit.*, I,8; III, *prooem.*). В этом случае отсутствие упоминания Пелопса в списке «Тактик»

¹ Haldon (2013). P. 51, 133, 423, 435.

² Haldon (2013). P. 125. Р. Вари вообще считает чтение имени Пелопса порчей текста — Vári (1898). P. 68.

у Элиана можно объяснить тем, что последняя скрывается под именем «многих других», которые изучил Элиан, но решил опустить при перечислении из-за их малозначимости (Ael. *Tact.*, 1,2).

В первом списке пятым упоминается Мена (Μηνῶς). Имя находится в списке между стратегикой Оносандра и стратегемами Полиэна, что намекает на военное содержание его произведения. Дж. Хэлдон связывает этого автора с одним из семнадцати спартанцев, заключившими Никиев мир с Афинами в 421 г. до н.э.¹ Однако вторая половина V в. до н.э. — это слишком раннее время для создания специальных военных сочинений. Более вероятным представляется сопоставление данного автора с византийским патриkiem Меной, который упомянут в анонимном диалоге «Патрикия Мены с референдарием Фомой о политике» (Phot. *Bibl.*, 37). Этот диалог состоял из шести книг, где рассматривались в платоновском стиле различные политические системы (Phot. *Bibl.*, 37). От данного трактата сохранилось полторы книги, причем в четвертой частично сохранившейся книге речь как раз шла о военном деле². Действующим лицом диалога считается патрикий и префект претория Востока в 528–529 гг. Мена, которого иногда рассматривают и как автора сочинения³. По крайней мере, в «Диалоге» имеется достаточно пассажей, которые соответствуют по содержанию «Тактике», — в частности: обучение воинов (*Dialog.*, IV,14–19; Leo. *Tact.*, VII,7-14; XVIII,1-19; XX,48; 52; 129), отдача приказаний (*Dialog.*, IV,8-9; Leo. *Tact.*, XX,186; epilog., 52), использование пехоты и конницы (*Dialog.*, IV,27; 35-36; 49; Leo. *Tact.*, XX,64), описание обоза (*Dialog.*, IV,53; Leo. *Tact.*, X), устройство лагеря (*Dialog.*, IV,55-56; Leo. *Tact.*, XI; XX,59).

Во втором списке шестым идет имя Алкивиада. Оно стоит между стратегикой Оносандра (№ II-5) и неизвестным нам сочинением Артаксеркса⁴, а также стратегикой Сириана (№ II-7-8). Следовательно, можно предполагать, что речь шла о военном сочине-

---

¹ Haldon (2013). P. 125.

² Mazzucchi (1982). P. IX-XIV; MacCoull (2006). P. 301-306; Bell (2009). P. 9-13.

³ Martindale (1980). P. 755-756, № 5-6. Мена — автор трактата, см.: Bell (2009). P. 12.

⁴ Произведению Артаксеркса будет посвящена отдельная статья.

нии в жанре стратегики. Наиболее известный Алкивиад, сын Клиния (ок. 450–404 гг. до н.э.), — афинский политический деятель и стратег, — насколько нам известно, литературного наследства не оставил (Nepos, 7; Plut. *Alc.*, 1-39). О военной деятельности самого Алкивиада, действительно, рассказывается в сочинении Никифора Урана в гл. 129,1; 144,2; 147,1; 157,2, информация которых восходит к «Стратегемам» Полиэна (Polyaenus. *Strat.*, I,40,1-3; 7)¹. Первоисточник этих оригинальных стратегем неизвестен (ср.: Front. *Strat.*, III,11,3; 12,1). А. Ден вообще отказывается атрибутировать этого Алкивиада². Заметим, что Вегетий упоминает неких афинян и спартанцев, написавших тактические сочинения (Veget. *Epit.*, I,8; III, прооem.). В первой четверти II в. до н. э. нам известен изгнанник знатный спартанец Алкивиад, вернувшийся на родину (Polyb., XXII,15,7-16,2; XXIII,4,3; Liv., XXXIX,5,7; Paus., VII,9,2-3), который связывается с царским домом Еврипontiдов³. Само же имя Алкивиад — имя аттического рода Алкмеонидов. Так звали деда, двоюродного брата и сына известного Алкивиада⁴. В середине III в. до н.э. в Афинах действовал кормчий Алкивиад, сын Гераклида, из дема Торик (IG, II², 1293, l. 13; SEG, XVIII,33, l. 3). Даже в II в. н.э. в Афинах были архонты-эпонимы Алкивиады: в 122/3 гг. — Тит Флавий Алкивиад, сын Т. Флавия Леосфена, из дема Пеания (IG, II², 3589; 3590; 3591); в 140/1 или в 141/2 г. — пеаниец Т. Флавий Алкивиад, сын того же Т. Флавия Алкивиада, выполнял обязанности архонта-эпонима, стратега, гимнасиарха и жреца храма Ники на Акрополе (IG, II², 3593); в период 165/6 – 168/9 гг. пеаниец Тит Флавий Леосфен, сын Т. Флавия Алкивиада, был архонтом-эпонимом, стратегом и гимнасиархом (IG, II², 2068; 3592). В г. Ниса в Кarii при Адриане (117-138 гг.) благодетелем полиса был Публий Элий Алкивиад (CIG, 2948), а после 138 г. нисейцы вынесли почетный декрет в честь Тита Элиана Алкивиада, сделавшего много благодеяний для города (SEG, IV,418). Однако про всех людей с этим именем неизвестно, писали ли они какие-то военные либо исторические труды или нет. Скорее всего, у Урана имеется в

¹ Dain (1937). P. 24.

² Dain (1937). P. 89-90.

³ Walbank (1979). P. 195-196.

⁴ Toepffer. (1894). Sp. 1515-1532.

виду какое-то военно-историческое сочинение одного из афинских Алкивиадов или просто приписанное сыну Клиния, который, будучи учеником Сократа, вполне мог составить какое-то руководство¹.

Одиннадцатым во втором списке стоит имя Александра. А. Ден опять же не отказался его атрибутировать². Нам известен эпирский царь Александр II, сын известного царя Пирра (272 – ок. 242 гг. до н.э.), который написал «Тактику» (*Ael. Tact.*, 1,2; *Arr. Tact.*, 1,1). Вероятно, данное сочинение было написано под влиянием «Тактики» его отца Пирра, возможно, как некое дополнение к ней³. Впрочем, заметим, что сочинения трех авторов, расположенных по алфавиту во втором списке между Плутархом и Полибием (№ II-11-13: Александр, Диодор, Дион), следует считать не специальными военными трактатами, а работами, рассказывавшими об общеисторических фактах, включая, естественно и военную историю⁴. По крайней мере, британский византист Джон Ф. Хэлдон находит использование именно «Истории» Полибия в «Тактике» Льва (*Polyb.*, X,32,11-12; *Leo. Tact.*, XX,27)⁵, информация которой потом могла войти в главу 55 Никифора Урана. Если судить по тому, что «Тактика» Полибия не вошла в древнейшие греческие военные кодексы X–XI вв.⁶, то можно полагать, что она к этому времени вообще была уже утрачена.

Можно предположить, что под историческим источником с именем Александра имелись в виду опубликованные письма или «Дневники»-эфемериды, которые действительно принадлежали или были приписаны Александру Македонскому⁷. Кроме того, нельзя исключить, что имелся в виду псевдо-исторический роман «История Александра Великого». По крайней мере, Лев приводит меткое высказывание Александра Македонского (*Leo. Tact.*, XX,88), которое могло войти и в гл. 55 трактата Никифора Урана с

---

¹ См.: Kirchner (1901). P. 42-49, № 590-607.

² Dain (1937). P. 89-90.

³ Казаров (2008). С. 173-180.

⁴ Нефёдкин (2002). С. 54.

⁵ Haldon (2013). P. 50, 422.

⁶ Dain (1967). P. 377-388.

⁷ Pearson (1955). P. 439-455.

высказываниями. У самого же Урана присутствуют пассажи об Александре, восходящие к Полиэну: осуждение роскоши персидского царского обеда (гл. 126,5 = Polyaeus. *Strat.*, IV,3,32), размышления Александра о расположении к нему людей (гл. 127,4 = Polyaeus. *Strat.*, IV,3,1), люстрация писем воинов (гл. 129,3 = Polyaeus. *Strat.*, IV,3,19), вызов подозрений во вражеском лагере (гл. 131,5 = Polyaeus. *Strat.*, IV,3,14), оригинальное описание марша войска (гл. 152,2 = Polyaeus. *Strat.*, IV,3,28), осада Тира (гл. 124,2 = Polyaeus. *Strat.*, IV,3,3), битва при Гавгамелах (гл. 140,2 = Polyaeus. *Strat.*, IV,3,5). Источники данных пассажей неясны, но совершенно ясно, что она восходит к традиции романа об Александре.

Менее возможно, что в титуле сочинения Никифора Урана речь шла об Александре Полигисторе из Милета (I в. до н.э.), римском вольноотпущеннике, авторе многочисленных географических сочинений¹.

Следующим, двенадцатым, во втором списке идет имя Диодора. Мало сомнений в том, что имеется в виду автор обширной «Исторической библиотеки» в 40 книгах — Диодор Сицилийский (I в. до н.э.), который описал всемирную историю с мифологических времен до современной автору эпохи Юлия Цезаря.

Тринадцатое имя из второго списка — Дион. К данному имени подходят два человека — Дион Хризостом (ок. 40 – ок. 120 гг.) и Дион Кассий Коккеян (ок. 155 – ок. 235 гг.). Дион Хризостом («Златоуст») — известный ритор, философ из Прусы в Вифинии, значимый представитель Второй софистики. Он написал не только 80 речей, но ряд несохранившихся исторических сочинений, например, об Александре Великом и о даках². Типичным же историком был родственник Хризостома, римский сенатор Дион Кассий, написавший на греческом языке 80 книг «Римской истории», от мифологических времен до правления Александра Севера (222–235 гг.). Впрочем, более вероятным выглядит второе предположение. Поскольку Никифор Уран скорее брал материал для своей «Тактики» из известных исторических сочинений.

---

¹ Schwartz (1894). Sp. 1449-1452.

² Schmid (1905). Sp. 873-874.

Пятнадцатым во втором списке стоит неизвестный нам Гераклит. Естественно, что первая ассоциация данного имени происходит со знаменитым философом-диалектиком из Эфеса рубежа VI–V вв. до н.э., ведь одной из частей его произведения «О природе» было «О государстве» (Diog. Laert., IX,1,5). Тем более, что знаменитая фраза Гераклита «Война — отец всего» (Lucian. *De quo modo hist. scrib.*, 2; *Icar.*, 8)¹, в определенной мере согласуется с утверждением Льва: «Война — необходимая школа необходимых наук» (Leo. *Tact.*, XX,214). Затем эта двадцатая глава Льва вошла в состав неизданной еще 55-й главы «Тактики» Никифора Урана². Однако, если обратимся к списку, то увидим, что, согласно своему положению, имя Гераклита могло принадлежать как историку, так и автору стратегии. Можно полагать, что по времени своей работы Гераклит находился между Полибием (II в. до н.э.) и Маврикием (рубеж VI–VII вв.) (№ II-14, II-16). Среди персон, носящих данное имя наиболее подходящим выглядит Гераклит Лесбосский. Диоген Лаэртский (II–III вв.) упоминает его как автора «Македонской истории» (Diog. Laert., IX,1,17), произведение которого не сохранилось даже во фрагментах³.

В общем, данная статья представляет собой предварительную попытку атрибуции двух списков источников «Тактик» императора Льва VI и Никифора Урана. Ряд этих источников достаточно ясен — это военные трактаты Арриана, Элиана, Онансандра, Полиэна, Сириана, Ганнибала, Маврикия и Никифора Фоки. Также не вызывает особых сомнений использование сочинений моралиста Плутарха из Херонеи. Меню, упомянутого в списке «Тактики» Льва, можно сопоставить с участником диалога «О политике». Дальнейшее сопоставление текстов «Диалога» с «Тактикой» Льва может внести некоторую ясность в данный вопрос. Тем более, по наблюдениям Э. Макгира, сравнивавшего текст «Стратегии» Фоки с трактатом Урана, последний вносил лишь незначительные изменения в текст первоисточника⁴. Видимо, сам Уран, широко используя прямо или косвенно исторические источники, вынес их

---

¹ Лосев (2000). С. 371-420.

² Dain (1937). P. 21.

³ Jacoby (1912). Sp. 510.

⁴ McGeer (1995). P. 80.

в титул или же схолиаст, узнав их в тексте, обозначил. В общем, Уран использовал исторические труды Диодора Сицилийского, Диона Кассия и Полибия, а также сочинения (письма, дневники) Александра Македонского или же роман о нем. Три источника в списках пока остаются неясными: Пелопс, Алкивиад и Гераклид. Некоторая определенность в их атрибуции может быть внесена после публикации текста «Тактики» Никифора Урана, которое так и не было произведено, хотя первые 14 глав труда были опубликованы еще четыре века назад (в 1617 г.)¹.

Материал поступил в редакцию 04.03.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования
24.03.2021

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bell, P.N. (2009) "Introduction", *Three Political Voices from the Age of Justinian Agapetus, Advice to the Emperor Dialogue on Political Science Paul the Silentiary, Description of Hagia Sophia*. Trans. by P.N. Bell. (Translated Texts for Historians. Vol. 52). Liverpool: University Press, 1-97.
- Beutler, R. (1951) "Plutarchus, 4", *RE*. Hbhd. 41, 975.
- Blass, F. (1888) "Die griechischen und lateinischen Handschriften im Alten Serail zu Konstantinopel", *Hermes*. Bd. 23, 219-233.
- Dain, A. (1937) *La «Tactique» de Nicéphore Ouranos*. Paris: Les Belles Lettres.
- Dain, A. (1943) *Naumachica partim adhuc inedita in unum nunc primum conguessit et indice auxit*. Paris: Les Belles Lettres.
- Dain, A. (1967) "Les stratégistes byzantins. Texte mis au net et compélé par J.-A. de Foucault," *Travaux et mémoires*. T. 2. Paris, 317–390.
- Darrouzès, J. (1960) *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. (Archives de l'Orient Chrétien. 6). Paris: Institut Français d'Études Byzantines.
- Dennis, G. (2010) *The Taktika of Leo VI*. Text, Translation, and Commentary by G. Dennis. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XLIX). Washington: Dumbarton Oaks.
- Foucault (1973) — Foucault, J.-A., de. (1973) "Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos", *Travaux et Mémoires*. T. 5. Paris, 281-312.

---

¹ Meursius (1617). P. 1-58; см.: Dain (1967). P. 371.

- Haldon, J.A. (2013) *Critical Commentary on the Taktika of Leo VI* (Dumbarton Oaks Texts. XLIV). Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Hunger, H. (1961) *Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek*. Bd. I: Codices historici, codices philosophici et philologici (Museion. N. F. 4. Bd. I. Tl. 1). Wien: G. Prachner.
- Jacoby, F. (1912) "Herakleitos, 13", *RE*. Hbbd. 15, 510.
- Kirchner, I. (1901) *Prosopographia Attica*. Vol. I. Berolini: G. Reimerus.
- MacCoull, L.S.B. (2006) "Menas and Thomas: Notes on the Dialogus de scientia politica", *Greek, Roman and Byzantine Studies* 46, 301-313.
- Martindale, J.R. (1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mazzucchi, C.M., ed. (1982) *Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus*. Milano: Vita e pensiero.
- McGeer, E. (1991) "Tradition and Reality in the 'Taktika' of Nikephoros Ouranos", *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 45. Washington, 129-140.
- McGeer, E. (1995) *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Dumbarton Oaks Studies, 33). Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Meursius, I., ed. (1617) *Constantini Porphyrogenetae Imperatoris opera in quibus Tactica nunc primum prodeunt*. Lugduni Batavorum: Ex officina Elzeviriana.
- Meursius, I. (1745) *Joannis Meursi operum volume sextum*. Ex rec. I. Lami. Florentiae: Sacrae Caesareae Maiestatis Typis.
- Migne, J.-P., ed. (1863) " 'Leonis imperatoris tactica' ". J. Meursius Graece primus vulgavit. J. Lamius ex absolutissimo codice Laurentiano mutilum supplevit atque restituit", *Leonis Romanorum imperatoris Augusti ... opera quae reperti potuerunt omnia* (Patrologiae cursus completus: Series Graeca. T. 107). Lutetiae Parisiorum. Col. 669–1120.
- Pearson, L. (1955) "The Diary and the Letters of Alexander the Great", *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 3. Hf. 4, 429-455.
- Rance, Ph. (2007) "The Date of the Military Compendium of Syrianus Magister (Formerly the Sixth-Century Anonymus Byzantinus)", *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 100. Hf. 2, 701-737.
- Schmid, W. (1905) "Dion Cocceianus, 18", *RE*. Bd. V, 848-877.
- Schwartz, E. (1894) "Alexandros, 88", *RE*. Bd. I, 1449-1452.

- Toepffer, J. (1894). "Alkibiades, 1-4", *RE*. Bd. I, 1515-1532.
- Trombley, F. (1997) "The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism", P. Binkley, ed. *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1-4 July 1996*. Leiden: Brill, 261-274.
- Vári, R. (1898) *Bölcs Leó császárnak «A hadi taktikáról» szóló munkája*. (Értekezések a történeti tudományok köréből. XVII.10). Budapest.
- Vári, R. (1901) "Praefatio", *Incerti scriptoris Byzantini saecule X. Liber de re militari*. Rec. R. Vári. Lipsiae: B.G. Teubnerus, V-XXII.
- Vári, R. (1917) "Praefation", R. Vári, ed. *Leonis imperatoris Tactica*. T. I. Budapestini: Typis Regiae Universitatis Scientiarum Budapestinensis, IX-XXXV.
- Walbank, F.W. (1979) *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. III. Oxford: The Clarendon Press.
- Zuckerman, C. (1990) "The Military Compendium of Syrianus Magister", *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 40, 209-224.
- Казаров, С.С. (2008) «Александр II Эпирской», *Актуальные проблемы всеобщей истории* 6. Ростов-на-Дону, 173-180.
- Кучма, В.В. (1989) «Военно-теоретическая мысль», *Культура Византии: Вторая половина VII–XII в.* М.: Наука, 276-295.
- Лосев, А.Ф. (2008) *История античной эстетики*. Т. I, VII. М.: Фолио; АСТ.
- Нефёдкин, А.К. (2002) «Античная военная теория и "Стратегемы" Полиэна», *Полиэн. Стратегемы*. Пер. под ред. А.К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 39-56.
- Нефёдкин, А.К. (2010) «Античные тактики и "Тактическое искусство" Флавия Арриана», *Арриан. Тактическое искусство*. Пер. А.К. Нефёдкин. СПб.: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 17-29.

Alexander K. NEFEDKIN

UNKNOWN ANCIENT SOURCES OF BYZANTINE MILITARY TREATISES

The article is a preliminary attempt to attribute two lists of sources from Byzantine military treatises: the first one comes from the "Taktika" by the Byzantine emperor Leo VI the Wise (886-912), and the second — from "Taktika" by Nicephorus Uranus, the Byz-

antine strategist and dux of Antioch (1000s). A number of these sources are clear enough — they are the military treatises of Arrian (“*Techne Taktike*”), Aelian (“*The Tactical Theory*”), Onosander (“*Strategikos*”), Polyaeus (“*Strategems*”), Syrianus Magister, Maurice (“*The Strategikon*”), Nikephoros II Phokas (“*The Praecepta Militaria*”), as well as the unpreserved work of the great Carthaginian commander Hannibal. Also, there is no particular doubt about Uranus's use of the writings of the moralist Plutarch of Chaeronea. Mena, mentioned in the list of Leo's “*Taktica*”, can be compared with a participant of the dialogue “*Menae patricii cum Thoma referendario: De scientia politica dialogus*” (first half of the 6th century). A further comparison of this “*Dialogue*” with Leo's “*Taktica*” can bring some clarity to this issue, because Uranus made only minor changes to the text of its original source. Uranus himself made extensive use of historical sources, and brought them into the title. In general, Uranus used the historical works of Diodorus Siculus (“*Historical Library*”), Dio Cassius Cocceianus (“*Roman History*”) and Polybius (“*The Histories*”), as well as the works (letters, diaries) of Alexander the Great or a novel about him. A separate article will be devoted to the attribution of the work of Artaxerxes. Three sources from the lists are still unclear: Pelops, Alcibiades, and Heraclides. Some light on their attribution can be cast after the publication of the “*Taktika*” by Nicephorus Uranus, which is yet to be done, although the first 14 chapters were published four centuries ago (in 1617).

REFERENCES

- Bell, P.N. (2009) “Introduction”, *Three Political Voices from the Age of Justinian Agapetus, Advice to the Emperor Dialogue on Political Science Paul the Silentiary, Description of Hagia Sophia*. Trans. by P.N. Bell. (Translated Texts for Historians. Vol. 52). Liverpool: University Press, 1-97.
- Beutler, R. (1951) “Plutarchus, 4”, *RE*. Hbbd. 41, 975.
- Blass, F. (1888) “Die griechischen und lateinischen Handschriften im Alten Serail zu Konstantinopel”, *Hermes*. Bd. 23, 219-233.
- Dain, A. (1937) *La «Tactique» de Nicéphore Ouranos*. Paris: Les Belles Lettres.
- Dain, A. (1943) *Naumachica partim adhuc inedita in unum nunc primum congegssit et indice auxit*. Paris: Les Belles Lettres.

- Dain, A. (1967) "Les stratégistes byzantins. Texte mis au net et compélé par J.-A. de Foucault", *Travaux et mémoires*. T. 2. Paris, 317-390.
- Darrouzès, J. (1960) *Épistoliers byzantins du Xe siècle* (Archives de l'Orient Chrétien. 6). Paris: Institut Français d'Études Byzantines.
- Dennis, G. (2010) *The Taktika of Leo VI*. Text, Translation, and Commentary by G. Dennis. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XLIX). Washington: Dumbarton Oaks.
- Foucault, J.-A., de. (1973) "Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos", *Travaux et Mémoires*. T. 5. Paris, 281-312.
- Haldon, J. A (2013) *Critical Commentary on the Taktika of Leo VI*. (Dumbarton Oaks Texts. XLIV). Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Hunger, H. (1961) *Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek*. Bd. I: Codices historici, codices philosophici et philologici. (Museion. N. F. 4. Bd. I. Tl. 1). Wien: G. Prachner.
- Jacoby, F. (1912) "Herakleitos, 13", *RE*. Hbhd. 15, 510.
- Kazarov, S.S. (2008) "Aleksandr II Epirskoj", *Aktual'nye problemy vseobshchej istorii* 6. Rostov-na-Donu, 173-180.
- Kirchner, I. (1901) *Prosopographia Attica*. Vol. I. Berolini: G. Reimerus.
- Kuchma, V.V. (1989) "Voenno-teoreticheskaya mysl", *Kul'tura Vizantii: Vtoraya polovina VII–XII v. M.: Nauka*, 276-295.
- Losev, A.F. (2008) *Istoriya antichnoj estetiki*. T. I, VII. M.: Folio; AST.
- MacCoull, L.S.B. (2006) "Menas and Thomas: Notes on the Dialogus de scientia politica", *Greek, Roman and Byzantine Studies* 46, 301-313.
- Martindale, J.R. (1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mazzucchi, C.M., ed. (1982) *Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus*. Milano: Vita e pensiero.
- McGeer, E. (1991) "Tradition and Reality in the 'Taktika' of Nikephoros Ouranos", *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 45. Washington, 129-140.
- McGeer, E. (1995) *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*. (Dumbarton Oaks Studies, 33). Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Meursius, I., ed. (1617) *Constantini Porphyrogenetae Imperatoris opera in quibus Tactica nunc primum prodeunt*. Lugduni Batavorum: Ex officina Elzeviriana.

- Meursius, I (1745) *Joannis Meursi operum volume sextum*. Ex rec. I. Lami. Florentiae: Sacrae Caesareae Maiestatis Typis.
- Migne, J.-P., ed. (1863) “ ‘Leonis imperatoris tactica’ . J. Meursius Graece primus vulgavit. J. Lamius ex absolutissimo codice Laurentiano mutilum supplevit atque restituit”, *Leonis Romanorum imperatoris Augusti ... opera quae reperti potuerunt omnia*. (Patrologiae cursus completus: Series Graeca. T. 107). Lutetiae Parisiorum. Col. 669–1120.
- Nefyodkin, A.K. (2002) “Antichnaya voennaya teoriya i ‘Strategemy’ Poliena”, *Polien. Strategemy*. Per. pod red. A.K. Nefyodkina. SPb.: Evraziya, 39-56.
- Nefyodkin, A.K. (2010) “Antichnye taktiki i ‘Takticheskoe iskusstvo’ Flaviya Arriana”, *Arrian. Takticheskoe iskusstvo*. Per. A.K. Nefyodkin. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstva SPbGU, 17-29.
- Pearson, L. (1955) “The Diary and the Letters of Alexander the Great”, *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 3. Hf. 4, 429-455.
- Rance, Ph. (2007) “The Date of the Military Compendium of Syrianus Magister (Formerly the Sixth-Century Anonymus Byzantinus)”, *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 100. Hf. 2, 701-737.
- Schmid, W. (1905) “Dion Cocceianus, 18”, *RE*. Bd. V, 848-877.
- Schwartz, E. (1894) “Alexandros, 88”, *RE*. Bd. I, 1449-1452.
- Toepffer, J. (1894) “Alkibiades, 1-4”, *RE*. Bd. I, 1515-1532.
- Trombley, F. (1997) “The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism”, P. Binkley, ed. *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 261-274.
- Vári, R. (1898) *Bölcs Leó császárnak “A hadi taktikáról” szóló munkája*. (Értekezések a történeti tudományok köréből. XVII.10). Budapest.
- Vári, R. (1901) “Praefatio”, *Incerti scriptoris Byzantini saecule X. Liber de re military*. Rec. R. Vári. Lipsiae: B.G. Teubnerus, V-XXII.
- Vári, R. (1917) “Praefation”, R. Vári, ed. *Leonis imperatoris Tactica*. T. I. Budapestini: Typis Regiae Universitatis Scientiarum Budapestinensis, IX-XXXV.
- Walbank, F.W. (1979) *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. III. Oxford: The Clarendon Press.
- Zuckerman, C. (1990) “The Military Compendium of Syrianus Magister”, *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 40, 209-224.

К ПЕРЕВОДУ ARS GRAMMATICA (I. 1. - 6.) ЭЛИЯ ДОНАТА*

М.С. ПЕТРОВА

Вниманию читателя предлагается полный комментированный перевод относящихся к фонетике разделов — «О звуке» (I. 1.), «О букве» (I. 2.), «О слоге» (I. 3.), «О стихотворных стопах» (I. 4.), «Об ударениях» (I. 5.) и «О положениях» (I. 6.) — из *Грамматической науки* (*Ars grammatica*)¹ римского грамматиста² Элия Доната (с. 350 г.)³ служившей учебником этой дисциплины вплоть до Нового времени⁴.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19-013-00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

¹ Наш комментированный перевод разделов «О частях речи» (II. 1.) и «Об имени» (II. 2) из *Науки грамматики* Доната, см.: Петрова, пер. (2011). С. 312-331; комментированный перевод *Краткой науки о частях речи* Доната с параллельным оригинальным текстом, см.: Петрова, пер. (1999). С. 306-344.

² Мы намеренно называем Доната и ранних авторов «грамматистами», а не грамматиками и отступаем от традиции, с целью устранения смешения между «авторами-грамматиками» и их сочинениями — «грамматиками». Подробнее см.: Петрова, пер. (2011). Примеч. 15. С. 325.

³ О Донате, его именах, времени его жизни и интеллектуальном окружении, см.: Петрова (2008). С. 80-92. О курьезной средневековой биографии Доната и истории ее изучения, см.: Петрова (2014). С. 5-30; Petrova (2016). P. 49-53; Petrova, tr. (2016). P. 54-59.

⁴ О развитии, рецепции, восприятии и усвоении грамматического знания последующими авторами, см. серию наших статей: Петрова (1999).

В целом, содержание этой работы четко разделяется на две части, которые в образовательной практике раннего Средневековья (как на Британских островах, так и на континенте) получили названия *Ars minor* (Малая грамматика) и *Ars maior* (Большая грамматика)¹. Первая часть, морфологического характера, посвящена разъяснению восьми частей речи: имени (*nomen*), местоимению (*pronomen*), глаголу (*uerbum*), наречию (*aduerbium*), причастию (*participium*), союзу (*coniunctio*), предлогу (*praepositio*), междометию (*interiectio*). Она составлена в форме вопросов-ответов и ориентирована на обучающихся основам латинской грамматики². Вторая часть, состоящая из трех книг, превышающая по объему первую примерно в пять раз, представляет собой пространное изложение, которое предназначено для тех, кто совершенствует свои знания в языке. В первой книге второй части изложены сведения фонетического и просодического характера. Ее основные темы таковы: звуки (*uox*), буквы (*littera*), слоги (*syllaba*), стихотворные стопы (*pedes*), ударение (*tonor*), положение (*positurae*). Во второй книге описываются те же части речи (*partes orationes*), что и в первой части “*Ars grammatica*”: имя (*nomen*), местоимение (*pronomen*), глагол (*uerbum*), наречие (*aduerbium*), причастие (*participium*), союз (*coniunctio*), предлог (*praepositio*), междометие (*interiectio*). В третьей книге речь идет о стилистике. В ней обсуждаются неправомерности языка — варваризмы (*barbarismus*), солецизмы (*soloecismus*), другие ошибки (*cetera uitia*), метаплазмы (*metaplasmus*), а также риторические фигуры (*schemata*) и тропы (*tropi*)³. На схеме это можно показать так⁴ (с. 85):

С. 295-305; Петрова (2009). С. 196-207; Петрова (2015). С. 110-132; Петрова (2019). С. 60-86. Петрова (2012). С. 36-63; Петрова (2011). С. 311-364. Петрова (2014). Р. 45-66.

¹ О названии частей, см.: Петрова (2020). С. 134-144.

² См.: Петрова (1999). С. 295-334.

³ В Средние века добавился четвертый раздел, состоящий из орфографии (*ortographia*), просодии и теории стиха (*prosodia*), этимологии (*ethimologia*), синтаксиса (*diasinastica*). См. Law (1997). Р. 260-261.

⁴ См.: Holtz (1981). Р. 583, с изменениями.

EDITIO PRIMA [*Ars minor* = Pars 1¹]

1. De partibus orationis — О частях речи	4. De verbo — О глаголе	7. De coniunctione — О союзе
2. De nomine — Об имени	5. De adverbio — О наречии	8. De praepositione — О предлоге
3. De pronomine — О местоимении	6. De participio — О причастии	9. De interiectione — О междометии

MAIORES PARTES [*Ars maior* = Pars 2. Liber 1]

I. 1. De voce — О звуке	I. 4. De pedibus — О стихотворных стопах
I. 2. De littera — О букве	I. 5. De tonis — Об ударениях
I. 3. De syllaba — О слоге	I. 6. De posituris — О положениях

EDITIO SECUNDA = [*Ars maior* = Pars 2. Liber 2]

II. 1. De partibus orationis — О частях речи	II. 4. De verbo — О глаголе	II. 7. De coniunctione — О союзе
II. 2. De nomine — Об имени ²	II. 5. De adverbio — О наречии	II. 8. De praepositione — О предлоге
II. 3. De pronomine — О местоимении	II. 6. De participio — О причастии	II. 9. De interiectione — О междометии

[*Ars maior* = Pars 2. Liber 3]

III. 1. De barbarismo — О варваризме	III. 4. De metaplasmo — О метаплазме
III. 2. De soloecismo — О солецизме	III. 5. De schematibus — О риторических фигурах
III. 3. De ceteris vitiis — О других ошибках	III. 6. De tropis — Об иносказаниях

---

¹ См.: Петрова, пер. (1999). С. 306-334.

² См.: Петрова, пер. (2011). С. 312-331.

* * *

При переводе мы стремились сохранить синтаксические конструкции оригинала и передать латинскую терминологию с наименьшими потерями. При составлении примечаний использованы тексты и исследования, указанные в библиографическом перечне. Публикуемые ниже фрагменты являются дополнением к нашим исследованиям (1999–2020 гг.)¹, посвященным анализу Донатовой *Науки грамматики* и образовательным практикам Поздней Античности и раннего Средневековья. Перевод выполнен по: *Ars Donati Grammatici Urbis Romae // Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe – IXe siècle) / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981. P. 603-612, с учетом раннего издания: Donati Grammatici Urbis Romae Ars Grammatica // Grammatici Latini / Ex rec. H. Keilii. Lipsiae, 1864. Vol. IV. P. 367-372.*

ДОНАТ ГРАММАТИСТ ГОРОДА РИМА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАУКА

I. 1. О ЗВУКЕ (De voce)

Звук есть исторгнутый воздух², воспринимаемый [нашим] слухом, [с той силой], которая заложена в нем самом. Всякий звук [может быть] или ясным, или смешанным (*confusa*). Ясный — [тот], который можно воспроизвести буквами на письме, смешанный — [тот], который нельзя написать.

I. 2. О БУКВЕ (De littera)

Буква есть малейшая часть членораздельного звука. Одни буквы — гласные (*vocales*), другие — согласные (*consonantes*). Из

---

¹ См. библиографический перечень.

² Вариант перевода: толчок воздуха. Ср. *Vict. Artis gram.* GL 4. P. 32-34: «...я хочу сначала сказать о произношении отдельных букв и о звуке, который образуется у нас во рту при различным образом изменяющемся ударе и усилении голоса. Голос же или звук производится не только получившим толчок воздухом, когда мы слышим...» (Пер. Я.М. Боровского).

согласных [букв] одни — полугласные (simivocales)¹, другие — немые (mutae)².

Гласные — [те буквы], которые произносятся сами по себе, и, [сочетаясь] между собой, они производят слог. По числу же [их] пять: *a, e, i, o, u*³.

Из них две [буквы] — *i* и *u* — [могут] попасть под влияние согласных, [а это случается тогда], когда они или сами между собой соединяются, или сочетаются с другими гласными, как *Iuno, vates* (*uates*⁴). Эти же [буквы] называются промежуточными (mediae), потому что в некоторых словах они не имеют ясного звука, [например], буква *i* — как [в слове] *vir*; *u*, как [в слове] *optumus*. Помимо такого вида (formam), буква *u* иногда не считается ни гласной, ни согласной; [это происходит тогда], когда она находится между согласной буквой *q* и какой-нибудь гласной, как [в словах] *quoniam, quidem*. К ней же обычно приписывается дигамма⁵, [что бывает тогда], когда она сама себе предстоит, как *servuus* (*seruus*⁶), *vulgus* (*uulgus*⁷)⁸. Однако [с тем], что буква *i* может быть удвоенной в одном слоге, многие не соглашаются. Все латинские гласные [звуки]⁹ могут быть и долгими, и краткими. Также считают, что некоторые из них произносятся с придыханием.

¹ Например: *l* и *v*.

² Например, *p, b, t*.

³ Здесь и далее выделения курсивом (за исключением поэтических цитат), полужирным шрифтом, полужирным курсивом и курсивом принадлежат нам. — М. П.

⁴ Don. *Ars gram.* (Holtz [ed. 1981]). P. 604, v. 1 sqq.

⁵ То есть двойная гамма, древнегреческая (эолийская) буква F, соответствующая латинской V.

⁶ Don. *Ars gram.* (Holtz [ed. 1981]). P. 604, v. 6.

⁷ Там же.

⁸ В оригинале, см.: Don. *Ars gram.* (Holtz [ed. 1981]). P. 604, vv. 5-6: “Huic item digammon adscribi solet, cum sibi ipsa praepositur, ut *servus vulgus*” Ср. Diom. *Artis gram.* GL I. P. 425, v. 32: “...u... geminata digammon accipit...”.

⁹ Здесь речь идет о звуке. Понятия буква и звук часто смешивались латинскими грамматистами. Подробнее см.: Троцкий (1996; перепеч. изд. 1936). С. 12-16.

Согласные — [те буквы], которые, хотя и произносятся сами по себе, однако, сами слога не производят. По числу же [их] семь: *f, l, m, n, r, s, x*. Из них одна — двойная, [это —] *x*, и четыре — плавные (liquidae): *l, m, n, r*, из которых [буквы] *l* и *r* производят обычный (communem) слог, а буква *s* имеет особое качество; кроме того, в стихе в большинстве случаев она теряет свойство согласной [буквы]. Также из тех [букв лишь] буква *f* помещается перед плавными [буквами *l* или *r*]¹, хотя ее таким же образом считают немой, и к тому же она производит собственный слог.

Немые — [те буквы], которые сами по себе не произносятся [и] слога не производят. Их всего девять, [это]: *b, c, d, g, h, k, p, q, t*. Из них *k* и *q* некоторым кажутся лишними, но они не знают, что каждый раз, когда *a* является последующей, перед ней нужно поставить *k*, а не *c*², и каждый раз, когда последующей является *u*, следует писать *q*, а не *c*³.

[Букву] *h* иногда считают согласной, иногда — знаком придыхания.

[Буквы] *y* и *z* остались [от греческого языка], за этими буквами мы, [латиняне], сохранили собственные греческие названия: ведь в самом деле, одна [из них] гласная, другая — двойная согласная. Отсюда следует, как полагают некоторые, что в латинском языке букв не больше семнадцати, [ведь так будет], если из двадцати трех одна является знаком придыхания, одна — двойной, две — лишними, две — греческими.

Некоторые устанавливают буквам три [признака]: имя (nomen), начертание (figura)⁴, свойство (potestas). Ведь [нам] известно, как буква называется, каково ее начертание, и на что она влияет.

---

¹ Напр., flabellum, i (n) — веер, опахало; fragmentum, i (n) — обломок, кусок.

² Например, Kalendae.

³ Например, quum (cum); quotus, a, um.

⁴ Термин “figura” здесь обозначает буквенное начертание, в отличие от значения этого же термина при описании состава слова у имен. См. также наш перевод Донатовой *Краткой науки о частях речи* — Петрова, пер. (1999). С. 306-307.

I. 3. О СЛОГЕ (De syllaba)

Слог¹ есть совокупность букв или звучание одной гласной, он характеризуется долготой².

Одни слоги — краткие, другие — долгие, третьи — общие. Краткие — те, что имеют краткую гласную и не оканчиваются на две согласные, на одну двойную или на какую-нибудь [еще букву], которая бывает перед двойными согласными. Долгими [слоги] бывают или по природе, или по положению. По природе [слог долг тогда], когда он растягивается за счет гласной, вроде **a**, **o**, или когда две гласные соединяются и образуют дифтонг, например, **ae**, **oe**, **au**, **eu**, **ei**. По положению слог долг тогда, когда за краткой гласной следуют две согласные, вроде **arma** [**arcus**], или когда за ней следует одна двойная [согласная], например, **axis**, или [когда за ней] на месте согласной помещаются одна согласная и другая гласная, как в [словах] **Iuno**, **Venus**, или [когда] на место согласной помещается буква **i**, которой соединяются две гласные, например:

aio te, Aeacida, Romanos vincere posse³.

Также есть слоги, которые называются общими, [такие слоги бывают тогда], [1] когда за краткой гласной следуют две согласные, из которых первая немая или полугласная **f**, а вторая — плавная; [2] когда за краткой гласной следует в окончании согласная **h**, которая

¹ См.: Don. *Ars gram.* (Keil [ed. 1864]). GL IV. P. 368, vv. 18-19: “*Syllaba est comprehensio litterarum uel unius vocalis enuntiatio temporum capax*” — Слог есть сочетание букв или выражение одной гласной [буквы], различающийся долготой. Ср. (сходства с текстом Доната выделены курсивом. — М. П.): [Serg.]. *Expl.* GL 4. P. 478, vv. 13-14: “*Syllaba est proprie congregatio aut comprehensio litterarum uel unius vocalis enuntiatio temporum capax*”; Diom. *Artis gramm.* GL I. P. 427, vv. 1-5: “*Syllaba est proprie congregatio aut comprehensio litterarum uel unius vocalis enuntiatio temporum capax*”; Cass. *Exp. (Inst.)*. GL VII. P. 215, vv. 6-7: “*Syllaba est comprehensio litterarum vel unius vocalis enuntiatio temporum capax*”. См. также: Marotta (2015). P. 72; Monceaux (1905). Т. III (ad loc.).

² Вариант перевода: «Слог есть совокупность букв или выражение одной гласной, различающийся долготой».

³ Enn. *Ann.* VI, 186: «Я говорю тебе, Эсида, что можно победить римлян» (перевод наш).

большей частью известна как знак придыхания; [3] когда за краткой гласной две согласные следуют, первая из которых *s*; [4] когда часть речи оканчивается на краткий слог, который завершается на согласную; [5] когда часть речи оканчивается на долгий слог, именуемый дифтонгом, который всегда следует за гласной¹; [6] когда долгая гласная следует за другой гласной; [7] когда местоимение, оканчивающееся на *s*, следует за словом, всегда начинающимся с гласной; [8] когда двойная греческая согласная *z* принимает краткую гласную; [9] когда за краткой гласной [в слог], завершая его, следует одна согласная.

Долгий слог имеет двойную [продолжительность во] времени, краткий — одну. У знатоков законов стихосложения слог называется *полустопой*.

I. 4. О СТИХОТВОРНЫХ СТОПАХ (De pedibus)

Стихотворная стопа есть определенное количество слогов и гласных.

Одни [слоги] в стопе оказываются ударными (арсис)², а другие — безударными (тесис)³, [они также различаются по] числу слогов, времени (tempus)⁴, слабости, фигуре, мере (metrum)⁵.

---

¹ Например, *meae*.

² *Arsis* — от др.-греч.: ἄρσις. В стихосложении — подъем.

³ *Thesis* — от др.-греч.: θέσις. В стихосложении — опускание. Первоначально «арсис и тесис» при декламации античных стихов под музыкальное сопровождение слабый такт обозначался дирижером поднятием (арсис) ноги или пальца, а сильный такт — их опусканием (тесис). Отсюда и соответствовавшие этим тактам элементы стиха стали называться «арсис» и «тесис». В позднелатинской метрике понятие «арсис и тесис» употреблялось для повышения («арсис») или понижения («тесис») голоса. В настоящее время в стихосложении «арсис» обозначает ударный слог в стопе, а «тесис» — безударный. См.: Ирмшер, Йоне (1989).

⁴ То есть длительности; *tempus* — в метрике и просодии «время», количество гласного или слога; слоговое количество.

⁵ *Metrum* (др.-греч.: μέτρον — метр, мера, мерило) — мера стиха, или его структурная единица. В античной метрике метр соответствует стопе или группе стоп, объединённых главным ритмическим ударением (иктом). В эпоху Поздней Античности под метром понимался и стихо-

Двусложных стихотворных стоп — четыре, трехсложных — восемь, составных — шестнадцать.

Итак, есть четыре вида двусложных стихотворных стоп — *пиррихий*, состоящий из двух кратких слогов двойной длительности, например, **fu-ga**; | ему противоположен *спондей*, состоящий из двух долгих слогов четверной длительности, например, **aes-tas**; *ямб* состоит из краткого и долгого слогов тройной длительности, например, **pa-rens**; | ему противоположен *трохей*, состоящий из долгого и краткого слогов тройной длительности, например, **me-ta**.

Трехсложных стихотворных стоп — восемь видов: *трибрахий*, состоящий из трех кратких слогов тройной длительности, вроде **ma-cu-la**; ему противостоит *молосская стопа*, состоящая из трех долгих слогов шестикратной длительности, вроде **A-e-nas**; *анапест* состоит из двух кратких слогов и одного долгого слога четырехкратной длительности, вроде **E-ra-to**; ему противостоит *дактиль*, состоящий из долгого и двух кратких слогов четырехкратной длительности, вроде **Mae-na-lus**; *амфибрахий* состоит из краткого, долгого и краткого слогов четырехкратной длительности, вроде **ca-ri-na**; ему противостоит *амфимахий*, состоящий из долгого, краткого и долгого слогов пятикратной длительности, вроде **in-su-lae**; *вакхическая стопа* состоит из краткого и двух долгих слогов пятикратной длительности, как **Ac-ha-tes**; ему противостоит *антивакхическая стопа*, состоящая из двух долгих и одного краткого слога пятикратной длительности, как [в слове] **na-tu-ra**.

Составных стихотворных стоп — *шестнадцать* видов: *прокелевматик*, состоящий из четырех кратких слогов четырехкратной длительности, вроде **a-vi-cu-la**; ему противостоит *двойной спондей*¹, состоящий из четырех долгих слогов восьмикратной длительности, вроде **o-ra-to-res**; *диямб* состоит из двух *ямбов* семикратной длительности, вроде **pro-pin-qui-tas**; ему противостоит

творный размер (например, гекзаметр), и общая схема звукового ритма стиха. См.: Гаспаров (2003). С. 58-76. По этой причине в зависимости от контекста мы переводим этот термин и как «мера», и как «размер».

¹ δισπόνδεος — двойной спондей или диспондей, состоящий из двух спондеев. Это античная сдвоенная (восьмидольная) стопа с четырьмя долгими слогами ∞ ∞ ∞ ∞. В античном стихе двойной спондей встречается редко, и только в дактилических размерах.

дипрохей, состоящий из двух трохеев шестикратной длительности, вроде **can-ti-le-na**; *антиспа́ст* состоит из краткого, двух долгих и краткого слога шестикратной длительности, вроде **Sa-lo-ni-nus**; ему противостоит *хориамб*, состоящий из долгого, двух кратких и долгого слога шестикратной длительности, вроде **ar-mi-po-tens**; *нисходящий ионик* состоит из двух кратких и двух долгих слогов шестикратной длительности, вроде **Di-o-me-des**; ему противостоит *восходящий ионик*, состоящий из двух долгих и двух кратких слогов шестикратной длительности, вроде **Iu-no-ni-us**; в *первом пионе* — первый долгий и три кратких слога пятикратной длительности, вроде **le-gi-ti-mus**; во *втором пионе* второй долгий и три кратких слога пятикратной длительности, вроде **co-lo-ni-a**; в *третьем пионе* третий долгий и три кратких слога пятикратной длительности, вроде **Me-ne-de-mus**; в *четвертом пионе* четвертый долгий и три кратких слога пятикратной длительности, вроде **ce-le-ri-tas**; им противостоят четыре *эпиприта*: в *первом эпиприте* — первый краткий и три долгих слога семикратной длительности, вроде **sā-cēr-dō-tēs**; во *втором эпиприте* второй краткий и три долгих слога семикратной длительности, вроде **cōn-dī-tō-rēs**; в *третьем эпиприте* — третий краткий и три долгих слога семикратной длительности, вроде **Dē-mōst-hē-nēs**; в *четвертом эпиприте* четвертый краткий и три долгих слога семикратной длительности, вроде **Fēs-cēn-nī-nūs**.

Из этих друг за другом рождаются и другие стихотворные стопы или их сочетания. Ибо точно так же двухсложные стихотворные стопы, удваиваясь четыре раза, образуют дважды по шестнадцать стоп, так же бывает, когда сочетание трехсложных стихотворных стоп само производит тридцать две [стопы]. А когда удваиваются трехсложные, [то] благодаря такому объединению, получается шестьдесят четыре.

За исключением *амфибрахия* (который знатоки законов стихосложения называют безобразным и грубым) и *эпиприта*, из которых первый — трехсложный, а второй мы разделяем на [четыре] эпиприта, у всей стихотворной стопы бывает три состояния. Ведь у одних деление равное, у других — двойное, у третьих — полуторное; и первое называется *дактилическим*, второе — *ямбическим*, третье — *пионическим*.

Стихотворные стопы внутри одного стихотворного размера (metro) бывают *правильные* и *заимствованные*. Простые стопы имеют не более трех слогов, двойные — не более шести.

I. 5. ОБ УДАРЕНИЯХ (De tonis)

Ударение одни называют акцентом, другие — тоном. Есть три [типа] ударения: *острое, тупое, обложенное*.

Острое ударение в греческих словах ставится в трех позициях — на последнем, предпоследнем и третьем от конца слоге; в латинском оно ставится на предпоследнем и третьем от конца слоге, на последнем же никогда не ставится. Обложенное ударение в слове может быть на всяком слоге, кроме предпоследнего. Тупое ударение в том же самом слове может ставиться и с острым, и с обложенным ударением, и этим оно отличается от прочих ударений.

Следовательно, односложные слова, которые имеют краткую гласную, мы будем произносить с острым ударением, например, **fax, pix, nux**; односложные с долгой гласной — с обложенным ударением, например, **res, dos, spes**.

В двусложных словах, имеющих сначала долгую, а затем краткую гласную, мы ставим обложенное ударение на начальный слог, например, **me-ta, Cre-ta**; там, где второй слог долгий, ставим острое ударение на начальный, краткий или долгий, слог, например, **ne-pos, le-ges**; а если оба слога краткие, ставим острое ударение на начальный слог, например, **bo-nus, ma-les**.

В трехсложных, четырехсложных словах и прочих, мы ставим острое ударение на третий от конца слог, если предпоследний краток, например, **Túl-lĩ-us, Hos-tĩ-lĩ-us**; если предпоследний долг по положению, он получает острое ударение, а третий от конца слог произносится с тяжелым ударением, например, **Cà-túl-lus, Mè-tél-lus**; однако так будет, если долгий по положению слог не состоит из немой и плавной букв, ибо это отодвинет ударение, например, **lá-te-brae, té-ne-brae**; если последний слог краткий, а предпоследний долгий по природе, то обложенное ударение падает на предпоследний слог, например, **Cet-hê-gus, pe-rô-sus**; если же последний слог по природе долгий, то предпоследний получает острое ударение, например, **At-hé-nae, My-cé-nae**.

В составных словах бывает не менее одного острого ударения в каждой части слова, например, **má-le-sá-nus, ín-ter-éa-ló-ci**.

В неизменяемых словах правило для острого ударения соблюдается, но в междометиях, иноземных глаголах и варварских именах нет никакой определенности.

Необходимость часто нарушает правило постановки ударения в случаях, когда слово требуется разделить, произнести правильно или распознать другое его значение.

Понятно, что греческие слова мы произносим с греческими ударениями. В латинском языке острое ударение никогда не ставится на последнем слоге, даже если нужно различить слово, как в наречии **pone**; по той же причине оно не ставится в повелительном наклонении глагола **putetur**; обложенное ударение ставится только в частице **ergô**.

Острое ударение есть наклонная черта, поднимающаяся в правую часть буквы [/], тяжелое ударение — знак, опускающийся в правую часть буквы [\], обложенное ударение — знак, составленный из острого и тяжелого ударений [^]. Есть еще длинная черта, горизонтально проведенная слева направо —, краткая провисающая по центру линия, искривленная и более короткая [~], небольшая линия в виде черточки (hyphen), помещаемая под стихотворной строкой: этим знаком, расположенным снизу, связывают, когда требуется, два слова, например: ‘ante [~] tulit gressum’¹ и

Turnus ut ante [~] volans tardum praecesserat agmen².

---

¹ Вергилий. *Энеида* VI, 677. Контекст этой фразы (ib. 677-678): “...dixit et ante tulit gressum camposque nitentis / desuper ostentat; dehinc summa cacumina linquunt” — «Так он сказал и пошел впереди и с горы показал им / Даль зеленых равнин» (здесь и далее курсив наш; пер. С.А. Ошерова).

² Там же IX, 47. Контекст (ib. 47-50): “...Turnus, ut ante volans tardum praecesserat agmen, // viginti lectis equitum comitatus, et urbi // improvisus adest: maculis quem Thracicus albis / portat equus cristaque tegit galea aurea rubra” — Вдруг, вперед пролетев и медлительный строй обогнавши, // Двадцать отборных бойцов на конях за собой увлекая, // К лагерю Турн подскочил. Фракийский в яблоках белых / Мчит его конь, и золотом шлем горит красногривый.

Ему противоположен знак диастолы (diastole): он имеет форму полукружия и помещается снизу буквы, с правой стороны; этим знаком плохо разделять внутреннюю связь, как ‘ereptae , virginis ira’¹ и |

...viridique in litore conspicitur , sus².

Схожим образом, апостроф, имеющий форму полукружия, помещается сверху буквы, с правой стороны; этим знаком, помещенным после согласной, мы показываем отсутствие в слове последней гласной, например:

tanton ’ me crimine dignum Duxisti?

Знаки густого придыхания (δασειαν) и слабого придыхания (ψιλην) в латинском языке отмечает буква **h**, добавленная к гласной букве или отнятая от нее.

I. 6. О ПОЛОЖЕНИЯХ (De posituris)

Всего имеется три положения или разделения, которые греки называют θέσεις (позицией; слоговой долготой по положению): *разделение, подразделение, среднее разделение*.

Разделение ставится там, где полностью заканчивается предложение: в этом месте мы ставим точку над буквой.

Подразделение ставится, когда до конца предложения еще остается немного слов, однако необходимость заставляет ввести такое разделение сейчас: в этом месте мы поставим точку под буквой.

Среднее разделение бывает, когда, как мы сказали, до конца предложения еще остается немного слов, однако, надо уже перевести дух: в этом месте мы поставим точку посередине.

---

¹ Там же II, 413. Контекст (ib. 413-414): “...tum Danaï gemitu atque ereptae virginis ira / undique collecti invadunt, acerrimus Aïax...” — «Враг сбежался на крик: за добычу отбитую в гневе, / Мчатся со всех сторон данайцы — оба Атрида...».

² Там же VIII, 83. Контекст (ib. 82-84): “Ecce autem subitum atque oculis mirabile monstrum, / candida per silvam cum fetu concolor albo / procubuit viridique in litore conspicitur sus” — «Тут изумленным очам внезапно чудо явилось: / Веприцу между стволов увидали белую тевкры, / С выводком белым она на траве лежала прибрежной».

При чтении вслух все предложение называется периодом, составляющими которого являются части стиха и речения.

*Перевод с латинского и примечания
М.С. Петровой*

Материал поступил в редакцию 08.03.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
24.03.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

Оригинальные тексты см. в базах данных или открытом доступе сети Интернет.

Holtz, L. (1981) *Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

Law, V. (1997) *Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages*. London – New York: Longman.

Marotta, G. (2015). “Syllable and Prosody in Latin Grammarians”, D. Russo, ed. *The of Syllable Across History, Theories and Analysis*. Cambridge Scholars Publishing, 55-86.

Monceaux, P. (1905) *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Vol. III. Le IVe siècle d'Arnobé à Victorin*. Paris: Leroux.

Petrova, M., tr. (2016) “The life of Donatus: trans. from Latin into English and Russian, notes and original text by M.S. Petrova”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 10.1, 54-59.

Petrova, M.S. (2014) “The Reception of Latin Grammar Knowledge in the Early Middle Ages: Bede and Donatus”, I. Woods, ed. and alii. (org.). *Mirabilia* 18. Leeds Congress, 2013, 45-66.

Petrova, M.S. (2016) “Taking a New Look at the Ancient Tradition of Suetonius-Donatus’ Biographies”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 10.1, 49-53.

Гаспаров, М.Л. (2003) *Очерк истории европейского стиха*. М.: Фортуна Лимиттед, 2 изд. дополненное.

Ирмшер, Й., Йоне Р. (1989) *Словарь Античности*, пер. с нем., отв. ред. В.И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989.

Петрова, М.С. пер. (1999) «Донат. «Краткая наука о частях речи», пер. с лат., примеч., публ. ориг. текста М.С. Петровой», *Диалог со временем* 1, 306-344.

- Петрова, М.С. пер. (2011) «Донат. “Наука грамматики”: О частях речи (II. 1.), Об имени (II. 2), пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой, *Диалог со временем* 35, 312-331.
- Петрова, М.С. (1999) “Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: Ars minor Доната”, *Диалог со временем* 1, 295-305.
- Петрова, М.С. (2008) “Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение”, *Диалог со временем* 22, 80-92.
- Петрова, М.С. (2009) “Рецепция Донатовой Ars grammatica Кассиодором Сенатором”, *Диалог со временем* 28, 196-207.
- Петрова, М.С. (2011) “Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других...)”, *Диалог со временем* 34, 311-364.
- Петрова, М.С. (2012) “Риторико-грамматические работы Беды Досточтимого в контексте лингвистического знания Поздней Античности и раннего Средневековья”, *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем* 1, 36-63.
- Петрова, М.С. (2014) “Просопография и реконструкция биографии Элия Доната”, *Специальные исторические дисциплины* 1, 5-30.
- Петрова, М.С. (2015) “Учебные тексты и грамматическая наука на рубеже Античности и Средневековья”, *Диалог со временем* 51, 110-132.
- Петрова, М.С. (2019) “Ars grammatica Доната и образовательные практики Поздней Античности: Сергей — Кледоний — Помпей”, *Hypothekai* 3, 60-86.
- Петрова, М.С. (2020) “О Донатовой ‘Ars Grammatica’ и заглавиях ее частей”, *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем* 5, 134-144.
- Троцкий, И.М. (1996; перепеч. изд. 1936) «Проблемы языка в античной науке», О.М. Фрейденберг, ред. *Античные теории языка и стиля (Антология текстов)*. СПб.: Алетейя, 9-32.

REFERENCES

- Gasparov, M.L. (2003) *Ocherk istorii evropejskogo stiha*. Moskva: Fortuna Limited, 2 izd. dopolnennoe.
- Holtz, L. (1981) *Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

- Irmsher, J., Jone R. (1989) *Slovar' Antichnosti*, per. s nem., otv. red. V.I. Kuzishhin. Moskva: Progress, 1989.
- Law, V. (1997) *Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages*. London – New York: Longman.
- Marotta, G. (2015). “Syllable and Prosody in Latin Grammarians”, D. Russo, ed. *The of Syllable Across History, Theories and Analysis*. Cambridge Scholars Publishing, 55-86.
- Monceaux, P. (1905) *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Vol. III. Le IV siècle d'Arnobé à Victorin*. Paris: Leroux.
- Petrova, M. per. (1999) “Donat. ‘Kratkaja nauka o chastjah rechi’ ”, per. s lat., primech., publ. orig. teksta M.S. Petrovoj, *Dialog so vremenem* 1, 306-344.
- Petrova, M. per. (2011) “Donat. ‘Nauka grammatiki’ ”: O chastjah rechi (II. 1.), Ob imeni (II. 2), per. s lat. i primech. M.S. Petrovoj, *Dialog so vremenem* 35, 312-331.
- Petrova, M.S., tr. (2016) “The life of Donatus: trans. from Latin into English and Russian, notes and original text by M.S. Petrova”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.1, 54-59.
- Petrova, M.S. (1999) “Grammaticheskaja nauka v Pozdnej Antichnosti i v Srednie veka: Ars minor Donata”, *Dialog so vremenem* 1, 295-305.
- Petrova, M.S. (2008) “Donat: zhizn', jepoha i intellektual'noe okruzhenie”, *Dialog so vremenem* 22, 80-92.
- Petrova, M.S. (2009) “Recepcija Donatovoj Ars grammatica Kassiodorom Senatorom”, *Dialog so vremenem* 28, 196-207.
- Petrova, M.S. (2011) “Vosprijatie latinskogo grammaticeskogo znanija ruskoj uchenost'ju v XVI veke (na primere Dmitrija Gerasimova i drugih...)”, *Dialog so vremenem* 34, 311-364.
- Petrova, M.S. (2012) “Ritoriko-grammaticheskie raboty Bedy Dostochtimogo v kontekste lingvisticheskogo znanija Pozdnej Antichnosti i rannego Srednevekov'ja”, *Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem* 1, 36-63.
- Petrova, M.S. (2014) “Prosopografija i rekonstrukcija biografii Jelija Donata”, *Special'nye istoricheskie discipliny* 1, 5-30.
- Petrova, M.S. (2014) “The Reception of Latin Grammar Knowledge in the Early Middle Ages: Bede and Donatus”, I.Woods, ed. and alii. (org.). *Mirabilia* 18. Leeds Congress 2013, 45-66.

- Petrova, M.S. (2015) "Uchebnye teksty i grammaticheskaja nauka na rubezhe Antichnosti i Srednevekov'ja", *Dialog so vremenem* 51, 110-132.
- Petrova, M.S. (2016) "Taking a New Look at the Ancient Tradition of Suetonius-Donatus' Biographies", *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 10.1, 49-53.
- Petrova, M.S. (2019) "Ars grammatica Donata i obrazovatel'nye praktiki Pozdnej Antichnosti: Sergij — Kledonij — Pompej", *Hypothekai* 3, 60-86.
- Petrova, M.S. (2020) "O Donatovoj 'Ars Grammatica' i zaglavijah ee chastej", *Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem* 5, 134-144.
- Trockij, I.M. (1996; perepech. izd. 1936) "Problemy jazyka v antichnoj nauke", O.M. Frejdenberg, red. *Antichnye teorii jazyka i stilja (Antologija tekstov)*. SPb.: Aletejja, 9-32.

**«СОБРАНИЕ» ГИППИЯ —
HANDBOOK ДЛЯ МУДРЫХ**

Р.В. СВЕТЛОВ

Даже несмотря на очевидный ренессанс интереса к Первой Софистике в последние десятилетия, Гиппий из Элиды достаточно редко рассматривается в контексте истории античного образования. Да и свидетельства о его философских воззрениях не трактуются как что-то значимое в развитии античной философской мысли. В большей степени Гиппия считают представителем зарождающего жанра доксографии. Между тем есть возможность попытаться рассмотреть свидетельства о его творчестве, учении, жанре его произведений с точки зрения становления «высших» уровней античного образования, предназначенных для успешных и автаркичных членов античного общества. Отметим, что этот социальный типаж возникает именно в эпоху Первой софики. Центральным предметом нашего исследования в этом контексте становится сочинения Гиппия «Собрание». Несмотря на минимум информации об этом тексте, находящемся в распоряжении современного исследователя, имеется устойчивая тенденция связывать именно с «Собранием» целый ряд свидетельств о творчестве Гиппия. Мы постараемся показать, что гипотетическое содержание «Собрания» достаточно хорошо соответствует имеющейся информации о типе мудрости Гиппия. Прежде всего оно соответствует его убеждению в многообразии и множественности сущего. Отсюда ведет происхождение «многознание» софиста — множественность бытия («тел сущего») вынуждает нас к развитию разнообразных знаний, касающихся самых разных сторон жизни, различных ее проявлений. С этим была связана методология его работы: Гиппий выделял наиболее важное и

«однородное», что позволяло ему классифицировать материал в полном соответствии со стоящими перед ним задачами. В результате, во-первых, «Собрание» стало попыткой систематизировать знания человечества о сущем в наиболее важных его разделах (начало всего, боги, история, опыт примечательных людей). Во-вторых, это был обучающий справочник, который позволял не только узнать различные факты, но и помогал формулировать суждения о прошлом так, что оно становилось источником опыта для настоящего. И в третью очередь оно было вспомогательным мнемотехническим средством, важным для процесса составления речей или риторических импровизаций.

«Гиппий из Элиды, сын Диопейта,
софист и философ, ученик Гегесидаса,
в качестве цели избирает самодостаточность.
Написал много»

Suda, s.v. Ἱππίας (i 543 Adler).

Гиппий из Элиды выглядит в платоновских диалогах, названных его именем, персонажем скорее комичным, чем серьезным: это хвастливый и не очень далекий человек, не способный различить при обсуждении вопроса о прекрасном атрибут и общее понятие. Впрочем, возможно, это связано не только с тем, что Платон относится к этому своему персонажу критически, ведь античная философия к моменту зарождения софистики уже начинает говорить о категориях. «Бытие», «несущее», «полное», «пустое» появляются в философских текстах именно как понятия — если не у Парменида (текст его «Поэмы» с этой точки зрения — предмет совершенно особой дискуссии), то уж почти наверняка у Горгия, Протагора, Демокрита. Нечувствительность Гиппия к смыслу вопросов Сократа, вероятно, связана с общефилософской интуицией элидца, которую можно обозначить как убеждение в многообразии и множественности сущего. В «Гиппии Большем» софист говорит Сократу: «Ты, Сократ, не рассматриваешь вещи в их целостности, впрочем, как и те, с кем ты обычно беседуешь. Ведь красоту и другие существующие вещи в своих рассуждениях вы изучаете, разделив и раздробив на мелкие части. Поэтому то от вас ускользают

тела, хотя по природе они и представляют собой большие и непрерывные сущности» (Pl. *Hr. mai.* 301b, пер. Е.В. Афонасина). Сократовская методика вычленения атрибутов и поиска оснований для их наличия (каковой оказываются соименные атрибутам идеи) Гиппий, похоже, рассматривает как дробление реальности на частности. Реальность для него — тела сущностей, именуемые в платоновском тексте «σώματα τῆς οὐσίας». Именно тела действуют или претерпевают, проявляя сходство или различие между собой — но не их гипостазированные атрибуты, о рассуждениях Сократа по поводу которых ниже Гиппий говорит, что все это всего лишь «ошметки и обрывки речей», «разрезанных на мелкие части» (Pl. *Hr. mai.* 304a). Отдельное тело или событие должно высказываться в речи как нечто целостное, оцениваемое в сравнении с другими целостностями, но не с какими-то фрагментами. Последнее происходит, когда речь философа-спорщика уводит слушателей от предметности телесного и очевидного мира к частностям — причем частностям даже не описания событий, а смысла слов, которые мы при этом используем.

Отсюда проистекала форма «полиматии» Гиппия — множественность бытия (тел сущего) вынуждает нас к развитию разнообразных знаний, касающихся самых разных сторон жизни, различных ее проявлений. Мудрец должен обладать способностью описать и зафиксировать в своих речах прошлое и настоящее, чтобы слушатель получил опыт и верное мнение. Такая многоучность невозможна без искусства мнемоники, о владении которым Гиппием у нас достаточно много свидетельств.

Для Платона подобный взгляд на природу существующего означает отказ от философии и мудрости — по крайней мере, в том виде, как основатель Академии их понимал. Отсюда и беспомощность платоновского Гиппия, знающего и умеющего много, но не способного дать определения или ответить на вопрос «почему».

Но оставим на совести Платона его оценку Гиппия как мыслителя. Для современной ему аудитории «палиматия» Гиппия была вполне уместным и «потребляемым» продуктом. С ней, видимо, была связана и автаркия как цель мудреца (см. выше, фрагмент из Суды, выбранный нами в качестве эпиграфа). В отличие от автаркии кинической и стоической, построенной на постоянной практи-

ке самоконтроля и отказе от всего, что не является необходимым для философа, Гиппий скорее всего имел в виду способность самостоятельно справляться с любыми проблемами, которые перед ним ставит жизненная ситуация, или вопросами, задаваемыми учениками. Здесь мы полностью согласны с предположениями о природе «автаркии» Гиппия, которые сделаны М. Венцовски и Е. Афонасиным¹.

Подтверждает такую трактовку известное место из «Гиппия Меньшего», где Сократ иронически описывает появление своего собеседника в Олимпии, представшего перед ее обитателями и многочисленными гостями в одежде и аксессуарах, полностью изготовленных им самим, а также принесшего на праздник многочисленные сочинения различных жанров, им же написанные (Pl. *Hr. mai.* 368b–e). Платоновский Гиппий особенно выделяет свою способность мгновенно ориентироваться во время беседы, не обращаясь ни к какой помощи извне: «прибывая всякий раз с родины, из Элиды, в Олимпию на всенародное празднество эллинов, я предоставлял себя в храме в распоряжение всякого, желающего послушать заготовленные мною образцы доказательств, и отвечал любому на его вопросы» (Pl. *Hr. mai.* 363c, пер. С.Я. Шейнман-Топштейн). Постоянно подчеркиваемая в античных источниках мнемоника Гиппия свидетельствует о том же. В некотором смысле софист из Элиды является наиболее ярким выражением «практико-ориентированного» понимания мудрости, с которым мы встречаемся во многих античных текстах.

Фигура Гиппия кажется практическим опровержением тезиса Гераклита о том, что многоученость уму не научает. В той сфере, где Гиппий нашел применение своим способностям, он был вполне успешен, следовательно, мог претендовать на статус мудрого. И перечень областей, в которых он слыл знатоком (мораль, геометрия, астрономия, музыка, изобразительное искусство, история, риторика) вызывает уважение. До александрийской эпохи, когда начинается более или менее четкая дифференциация в области интеллектуальной культуры (со своими представлениями о том, что действительно достойно ученого мужа), было еще далеко. Да и в

---

¹ См. Węcowski (2009). P. 1-2; Афонасин (2021). С. 165.

будущий, эллинистически-римский, период, никуда не делось почитание «полигисторов».

Если вспомнить ироничное противопоставление не сведущих в делах небесных обывателей и не разбирающихся в делах земных мудрецов из платоновского «Теэтета», то Гиппий безусловно не похож на тех витающих в облаках ученых мужей, образ которых так понравился Феодору Киренскому (Pl. *Th.* 172c и далее). Он вполне «посюсторонен» и не менее «досуж», чем его платоновский оппонент, Сократ. Но манера «демонстрации» его мудрости принципиально иная, чем у последнего.

Публичность, открытость и готовность в любой момент защитить свои способности, демонстрируя их отточенность в публичной полемике, для Гиппия (как и для большинства софистов) являются не только средствами обретения социальной успешности, но и необходимыми атрибутами свободного и достойного человека. Так, морально-поведенческие нормы не просто декларируются, но создается риторическое обоснование их — примером такого обоснования, видимо, был «Троянский диалог» Гиппия (Philostr. *V S.* I.11.4). Любой человек, получивший софистическое образование, в принципе мог легализовать свои действия — если они действительно законны — через риторическую апелляцию к общепринятому и к историческим прецедентам. Аристофан с одной стороны, платоновский Сократ с другой, показывают, как негативно воспринималась как минимум частью общества эта изощренная риторическая ловкость. Но сам Гиппий не трактовал ретиорику как умышленную ловкость: жанр его речей (в том числе «Троянской») имел эпидейктический характер. Гиппий в них не просто обсуждал какие-то примечательные случаи, но выносил суждения. Многообразие знаний в данном случае не приводило к релятивизации в аспекте морального поучения. Наоборот, оно служило основанием для обобщения: знание о примечательных событиях прошлого превращало его носителя в аналог эпических мудрецов, подобных Нестору из Гиппиева «Троянского диалога».

Одно из сочинений, авторство которого приписывают Гиппию, по ряду обстоятельств вызывает интерес именно в контексте понимания элидским мыслителем самой природы мудрости. Мы имеем в виду «Собрание», или «Сборник» (*Συναγωγή*), упомянутое

в «Пирующих софистах» Афиней. Миртил, один из участников этого диалога, говорит следующее: «красотой были прославлены многие женщины. Среди них — Фаргелия Милетская, которая замужем побывала четырнадцать раз и равно была знаменита красотой и мудростью, — об этом пишет софист Гиппий в книге под заглавием “Сборник”» (Athen. *Deipn.* XIII 608f, пер. К.Т. Голинкевича). Это, единственное, упоминание данного сочинения, а также характер информации, почерпнутой из него Афинеем, не препятствуют современным исследователям предполагать, что «Собрание» было чем-то большим собрания примечательных анекдотов. Важнейшим стимулом к этому является следующее свидетельство Климента Александрийского: «Но чтобы не длить далее это наше рассуждение, в котором мы показываем плагиат греков, приводя их собственные слова и мнения, вспомним свидетельство софиста Гиппия Элейского, который так писал о нашем предмете: «Одно из этого, пожалуй, сказано уже у Орфея, другое — у Мусея, третье — у Гомера, четвертое — у Гесиода, хотя вкратце и вразброс, а также у других поэтов и прозаиков, эллинских и варварских. Я же выбрал из всего этого наиболее важное и однородное, что придаст моему сочинению новизну и разнообразие» (Clem. *Strom.* VI. 15, 1-2, пер. Е.В. Афонасина).

Представляется вполне разумным предположить, что Климент цитирует именно «Собрание». М. Венцовски полагает, что данные слова взяты из проэмия к сочинению Гиппия¹. Действительно, Гиппий являлся одним из тех раннегреческих писателей, которые стояли у самого начала доксографии. Вполне вероятно, что целый ряд свидетельств о философских воззрениях «древних» и о мифо-теологических концепциях «варваров» позднейшие авторы заимствовали именно из «Собрания» Гиппия². Как пример, можно отметить указание Диогена Лаэртского на созвучие информации Гиппия и Аристотеля о концепции всеобщей одушевленности, приписываемой Фалесу (Diog. Laert. *De Vita.* I.24). Причем источником информации для Аристотеля, вполне возможно, был именно Гиппий.

¹ Węcowski (2009). P. 12; см. также Patzer (1986). P. 20-30.

² См.: Patzer (1986), Светлов (2012).

Стремление элидца к систематизации знания отчетливо проявляется в свидетельстве о других сочинениях Гиппия. Так, ему приписывают «Названия народов», а также список олимпиоников. Оба указанных сочинения почти наверняка имели не только историко-познавательное, но и политическое значение. Созвучия в именах народов позволяли эллинам встроить их в свою эпическую историю. Классический пример — предания о Меде сыне Медеи и Эгея (или Ясона), который якобы вернулся вместе с матерью в Колхиду, завоевал земли нынешнего Ирана и стал основателем царства медов, т.е. Мидии. Интересно единственное свидетельство о содержании «Названий народов»: Гиппий «рационализует» известный миф о «спартах» как прародителях знатных родов Фив. Он полагает, что это не люди, родившиеся из высеянных Кадмом драконьих зубов, но некое племя (*Scholia ad Apollonium Rhodium*. 3.1179).

Список олимпиоников также имел четкое политическое значение: и права на Олимпию, и история гегемонии Спарты в Пелопоннесе получала выражение в том, кто принимал участие и побеждал во время Игр. Гиппий, как известно, не раз бывал в Спарте, в том числе и с политическими целями, так что он вполне вероятно составлял список, опираясь на элейские и спартанские представления об истории — что видно из последующих перечней, опиравшихся на Гиппия как на источник¹. Правда, именно этот список (вкуче с ироничной оценкой философствования Гиппия со стороны Платона) часто становится поводом для обвинения элидского мыслителя в фальсификации².

Могло ли иметь какой-то политический контекст «Собрание», сказать сложно. С одной стороны, приведенный Климентом фрагмент говорит скорее об истории философских и мифотеологических взглядов на сущее. С другой, мы помним о том, что рассказывал Гиппий в Спарте во время своих поездок туда. Спартанцев интересовало прошлое: рода героев и знаменитых людей, история заселения земель, освоения городов. Это все Гиппий называет «археологией», т.е. повествованием о «началах» (*Pl. Hp. mai.*

---

¹ Christesen (2005). P. 350-352.

² См., например: Martínez (2014).

285b–286a). Могли ли быть эти истории включены в «Собрание»? Указание на Таргелию подсказывает, что как минимум некоторые исторические свидетельства, подтверждающие какое-то из суждений, вполне могли. И с этой точки зрения некие политические предпочтения или не предпочтения вполне могли туда попасть.

Обратим внимание на «дизайн» исследования, который выбирает Гиппий. Он хочет писать о том, что наиболее «важно и однородно» (τὰ μέγιστα καὶ ὁμόφυλα) (Clem. *Strom.* VI.2.15.1–2). Великое — то, что наиболее важно. «Однородное» — в данном случае значит классифицированное, объединенное в тематические группы. Хотя для современного восприятия текст «Собрания», где, помимо «археологии» натурфилософской и богословской, присутствовали рассказы о примечательных женщинах и, вероятно, об «археологии» исторической, выглядел бы как один из примеров жанра «Смесь», сам Гиппий с этим бы не согласился. Дошедшие до нас примеры «смесей» (позднеантичные «строматы», «застольные беседы») несмотря на кажущийся эклектизм, были вполне четко тематически структурированы. Во времена Гиппия уже имелись примеры создания произведений-«каталогов» (от знаменитого «Каталога кораблей» в «Илиаде» и псевдо-гесиодовского «Каталога женщин» до «Генеalogий» Гекатея. Отдельно следует упомянуть сборники оракулов, ко времени Гиппия уже ставшие предметом для подражания («О природе» Гераклита). Гиппий, вероятно, собирался еще более четко структурировать свое повествование.

Отсутствие сколь-либо внятного набора свидетельств о «Собрании» дает простор для исследовательской фантазии. Так, А. Патцер, рассматривавший Гиппия прежде всего, как историка мысли, предполагал, что тот говорит в «Собрании» о воде как первоначально, об изменчивости сущего, о первичном всеобщем смешении, об Эросе. Поскольку в это время не было еще Аристотеля, который четко различил философский и теологи-поэтический виды дискурса, отказав второму в научности, то истоком для Гиппия вполне могли быть не только Фалес и Гераклит, но и эпические поэты, а также «варвары», в мифологических повествованиях которых, особенно о начале мира, темы смешения, доисторических вод, движения как источника жизни, Любви вполне представлены.

М. Венцовски¹ полагает, что в «Собрании» имелись главы о древних поэтах и мудрецах, о натурфилософских идеях, старинных законах² и обычаях, о географии (возможно, с уточнением отдельных наименований), наконец, собственно исторический раздел об «археологии» — т.е. о важных и примечательных древностях. Нам представляется, что можно предположить также наличие раздела о примечательных людях древности — примером чего могут быть уже указанный фрагмент о Фаргелии, а также одно место из Плутарха, где Гиппий характеризует Ликурга как крайне воинственно-го политика (Plut. *Lycurg.* 23,1).

Едва ли это сочинения представляло собой что-то вроде «записной книжки», краткого указателя-пособие, который можно было использовать во время дискуссии, как это полагал Р. Пфайфер: «Напротив, наиболее подходящей формой всех антикварных сочинений Гиппия и его современников, кажется, был каталог, список, *πίναξ*. Софист нуждался в этих знаниях как оратор и учитель; как и в других областях, его усилия были вдохновлены не научным интересом к обычаям жизни в прежние времена и даже не «историей культуры», а практическими потребностями его призвания»³. Такая, «минималистская» позиция представляется излишне скептической. Уже отмеченное стремление Гиппия систематизировать исторический материал с точки зрения значимости и «однородности» представлял собой не подспорье для мнемотехнических способностей, а средство становления мудрости. Информация о прошлом, прошедшая необходимую сортировку, перестает быть набором фактов. Новизна заключается и в том, что Гиппий узнал во время своих «археологических» изысканиях, и в способе расположения фактов в его «Собрании». Сохраняя разнообразие, информация «кристаллизуется» в нечто структурно целое. Если наше предположение верно, то проект Гиппия исполнял сразу несколько задач.

Во-первых, это действительно стало попыткой систематизировать знания человечества о сущем в наиболее важных его разде-

---

¹ Węcowski (2009). P. 15.

² Что могло быть связано с его различением норм жизни «по природе» и «по закону». Ср. Pl. *Prot.* 337c.

³ Pfeiffer (1968). P. 52.

лах (начало всего, боги, история, законы, опыт примечательных людей). Гиппий настроен вполне «космополитично», источниками для него становятся не только эллинские авторы (исторические и выдуманные), но и варвары¹. Во-вторых, это был настоящий обучающий справочник, который позволял не только узнать различные факты, но и получить способность высказывать суждения о прошлом так, что оно становилось источником опыта для настоящего. И лишь в третью очередь он был вспомогательным мнемотехническим средством.

Важным элементом стратегии Гиппия было то, что сейчас мы бы навали «научной добросовестностью». Во всяком случае, на это может указывать рассуждения элидского мыслителя о недопустимости клеветы (Stob. *Flor.* 3.42.10). Возможно, шутливое посредническое вмешательство Гиппия в спор между Протагором и Сократом в диалоге «Протагор» свидетельствует не только о его дипломатических способностях и о стремлении к золотой середине при составлении речей, но и о принципах подхода к изучаемому материалу. Исследователь, давая слово прошлому, должен совмещать в себе одновременно председателя суда, распорядителя, следящего за характером свидетельств и, наконец, выступить арбитром (Pl. *Prt.* 337c–338a).

В связи с этим можно предположить, что «многоученый» Гиппий создал «Собрание» как книгу, которая вполне соответствовала его типу мудрости. В ней все разнообразное и важное объединялось по тематическим рубрикам, не смешиваясь друг с другом, и не растворяясь за пеленой частных историй. Книга позволяла обозревать сразу многое, свободно ориентироваться в примерах как суждений о различных важных для человека вещах, так и в примечательных поступках и исторических событиях. Такая группировка знаний была удобна и в формальном (мнемотехническом) и в содержательном аспектах: помня, как «оно все было» софист был способен выступить с прекрасной речью «в суде, совете или перед иными властями», убедить в своей правоте тех, кто ее слушает, и

---

¹ Особый вопрос, как он собирал эти сведения, особенно о «варварской» мудрости — в отличие от Фалеса, Пифагора, и даже Платона, вокруг Гиппия не сложилась мифология странствующего ради получений знаний мудреца. Светлов (2020). С. 210–212.

получить заслуженную награду, спася самого себя или своих друзей (Pl. *Hp. mai.* 304b). «Собрание» Гиппия было, возможно, чем-то вроде handbook'a для успешных и состоявшихся (самодостаточных, автаркичных) эллинов, сам типаж которых формируется именно во времена Первой софистики.

Материал поступил в редакцию 02.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
11.03.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Christesen, P. (2005) "Imagining Olympia: Hippias of Elis and the First Olympic Victor List", J.-J. Aubert, Z. Várhelyi, eds. *A Tall Order. Writing the Social History of the Ancient World. Essays in honor of William V. Harris*. Leipzig: K.G. Saur, 319-356.
- Martínez, J. (2014) "Hippias of Elis: Lessons from One Master Forger", J. Martinez, ed. *Fakes and Forgers of Classical Literature: Ergo Decipiatur!* Leiden- Boston: Brill, 163-178.
- Patzer, A. (1986) *Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker*. Freiburg-München: K. Alber.
- Pfeiffer, R. (1986) *History of classical scholarship from the beginnings to the end of the Hellenistic age*. Oxford: Clarendon Press.
- Węcowski, M. (2009) "Hippias of Elis", I. Worthington, ed. *Brill's New Jacoby*. Leiden – Boston: Brill Online.
- Афонасин, Е.В. (2021) *Греческие софисты: фрагменты и свидетельства*. СПб.: Издательство РХГА.
- Светлов, Р.В. (2012) «Тувал-каин, Гиппий, Платон и возможные ближневосточные корни образа софиста в одноименном диалоге Платона», *Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии* 13 (3), 44-51.
- Светлов, Р.В. (2020) «Странствующие мудрецы. Часть 2», *Вестник Российского Философского Общества* 1-2 (91-92), 210-219.

Roman V. SVETLOV

HIPPIA'S «COLLECTION» — HANDBOOK FOR THE WISE

Despite the obvious revival of interest in the First Sophistry in recent decades, Hippias of Elis is poorly considered in the context of the history of ancient education. Evidences about his philosophical views are not investigated as something significant in the development of ancient philosophy. Usually Hippias is interpreted as a representative of the nascent genre of doxography. Meanwhile, there is an opportunity to consider evidence of his work, teaching, genre of his texts as an element of the history of the “higher” levels of ancient education, intended for successful and self-sufficient members of ancient society. This social type was formed precisely in the era of the First Sophistry. The central subject of this paper is the «Collection» of Hippias. Despite the minimum of information about this text available to a modern scholar, there is a steady tendency to associate a number of evidences about the work of Hippias with this text. I will try to show that the hypothetical content of the “Collection” is in good agreement with the available information about the wisdom of Hippias. First of all, it corresponds to his belief in the diversity and plurality of being. This is the origin of the sophist's multi-scholarship — the multiplicity of being (the bodies of beings) forces us to develop a variety of knowledge concerning the most diverse aspects of life, its various manifestations. The methodology of his work was connected with this: Hippias singled out the most important and “homogeneous”. It allowed him to classify the material in full accordance with the tasks facing him. As a result, firstly, this text was an attempt to systematize human knowledge about existence in its most important sections (the beginning of everything, the gods, history, the experience of remarkable people). Secondly, it was a teaching guide that allowed not only to learn various facts, but also helped to formulate judgments about the past so that it became a source of experience for the present. And thirdly, it was an auxiliary mnemonic tool, important for the process of writing speeches or rhetorical improvisation.

REFERENCES

- Afonasin, E.V. (2021) *Grecheskie sofisty: fragmenty i svidetel'stva*. SPb.: Izdatel'stvo RHGA.
- Christesen, P. (2005) "Imagining Olympia: Hippias of Elis and the First Olympic Victor List", J.-J. Aubert, Z. Várhelyi, eds. *A Tall Order. Writing the Social History of the Ancient World. Essays in honor of William V. Harris*. Leipzig: K.G. Saur, 319-356.
- Martínez, J. (2014) "Hippias of Elis: Lessons from One Master Forger", J. Martinez, ed. *Fakes and Forgers of Classical Literature: Ergo Decipiatur!* Leiden – Boston: Brill, 163-178.
- Patzer, A. (1986) *Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker*. Freiburg-München: K. Alber.
- Pfeiffer, R. (1986) *History of classical scholarship from the beginnings to the end of the Hellenistic age*. Oxford: Clarendon Press.
- Svetlov, R.V. (2012) "Tuval-kain, Gippij, Platon i vozmozhnye blizhnevostochnye korni obraza sofista v odnoimennom dialoge Platona", *Vestnik Russkoj Hristianskoj Gumanitarnoj Akademii* 13 (3), 44-51.
- Svetlov, R.V. (2020) "Stranstvujushhie mudrecy. Chast' 2", *Vestnik Rossijskogo Filosofskogo Obshhestva* 1-2 (91-92), 210-219.
- Węcowski, M. (2009) "Hippias of Elis", I. Worthington, ed. *Brill's New Jacoby*. Leiden – Boston: Brill Online.

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КСЕНОФОНТА НА ПОЛКОВОДЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

А.А. КЛЕЙМЕНОВ

В статье рассматривается степень воздействия дидактических сочинений Ксенофонта на военную деятельность Александра Македонского. Определяется, что сообщения античных источников, содержащие прямые указания на знакомство Александра с произведениями Ксенофонта, либо малодостоверны в своей основе, либо допускают возможность различных трактовок. Тем не менее, сопоставление рекомендаций, изложенных в «Киропедии» и других работах афинского автора, с практической деятельностью Александра позволяет выявить очевидные параллели во взглядах на обучение личного состава войска, организацию соревнований в воинском мастерстве, обеспечение солдат богато украшенным вооружением, заботу о больных и раненных. Целый комплекс совпадений связан с политико-административной деятельностью Александра, который, как и Кир Старший в произведении Ксенофонта, показательно проявлял милосердие по отношению к побежденным, привлекал представителей местной элиты на службу, носил одежду, характерную для подчиненной страны. Большое количество подобных параллелей, хорошая образованность Александра и распространенность трудов Ксенофонта во второй половине IV в. до н.э. позволяют прийти к выводу, что македонский царь был знаком с содержанием трудов афинского автора. Однако, компоненты дидактического наследия Ксенофонта, связанные с методикой ведения боевых действий, с

полководческой практикой Александра соотносятся плохо. Выявляются кардинальные различия в вооружении конницы и тактике ее применения, глубине построения пехоты, роли родов войск на поле боя. Их причиной стал значительный рывок в области военного дела, имевший место в Македонии времен Филиппа II и приведший к появлению новой тактики, предусматривавшей сокрушение противника не фронтальной атакой тяжелой пехоты, а посредством комбинированного применения различных родов войск. Александр как военачальник сформировался в условиях нового, более развитого военного искусства и потому подавляющее большинство рекомендаций Ксенофонта, описывавшего конницу как сугубо вспомогательный род войск и считавшего классическую гоплитскую фалангу решающей силой в бою, для него были явно неактуальны и потому игнорировались.

Александр Македонский является одним из наиболее известных деятелей в военной истории, что во многом определено двумя обстоятельствами. Первое из них — масштаб свершений полководца, которому за одно десятилетие удалось создать обширнейшую державу, простиравшуюся от берегов Дуная до низовий Инда. Второе обстоятельство связано с возрастом Александра, внезапно скончавшегося на пике своего могущества, не прожив и 33-х лет. Поразительная военная карьера, закончившаяся в том возрасте, в котором большинство других известных военачальников только начинали свою полководческую деятельность, ожидаемо вызывает стремление объяснить необычную компетентность молодого завоевателя его хорошей теоретической подготовкой, компенсировавшей первоначальную неопытность. В этом случае невозможно обойти стороной другую знаковую для античной истории личность, прославившуюся не столько на военном, сколько на писательском поприще, создавшую свои знаменитые произведения до рождения македонского царя и через их посредство потенциально имевшую возможность стать наставником будущего завоевателя Азии. Речь идет об афинянине Ксенофонте, в богатом и хорошо известном литературном наследии которого нашлось место «Киропедии» — первому в европейской письменной традиции военно-дидактическому трактату, поданному в оболочке псевдоисториче-

ского сочинения, а также двум небольшим работам «Об обязанностях гиппарха» (Ἱππαρχικός) и «О коннице» (Περὶ ἵπλικῆς), представляющих собой практико-ориентированные наставления военного характера.

При попытке определить возможное воздействие произведений Ксенофонта на полководческую практику Александра мы неизбежно сталкиваемся с объективными трудностями, порожденными спецификой источниковой базы. Так, единственное прямое, но предельно краткое указание на связь между трудами Ксенофонта и успехами Александра содержат «Жизнеописания софистов» Евнапия, где указывается, что Ксенофонт своим примером учил военачальников и что без него Александр Великий не стал бы «великим» (ὁ γοῦν μέγας Ἀλέξανδρος οὐκ ἂν ἐγένετο μέγας, εἰ μὴ Ξενοφῶν) (Eunap. *Vit. Soph.* I.453). По мнению Б. Бурлиги, эта ремарка появилась под воздействием устойчивой литературной традиции, связывавшей свершения Александра и творчество Ксенофонта¹, однако весомых оснований для подобного заключения нет, так как его базой выступает сообщение автора, написавшего свой труд в конце IV в. н.э., при этом часто пользовавшегося сомнительными источниками, имевшего склонность к софистическому стилю, гиперболизации, искажению и утрированию фактов².

Гораздо более компетентным в вопросах истории македонских завоеваний был Флавий Арриан. В его «Анабасисе Александра» присутствует фрагмент с пересказом речи, якобы произнесенной завоевателем на собрании командиров перед битвой при Иссе 333 г. до н.э. В нем указано, что, «как рассказывают» (λέγεται δέ), Александр вспомнил Ксенофонта и его 10 000 воинов, которые с меньшим чем у македонян войском, не имея хорошей конницы и легковооруженных, кроме набранного наспех небольшого числа критян и родосцев, побеждали персов (Arr. *Anab.* II.7.8). Указанный отрывок содержит и упоминание Ксенофонта, и прямые отсылки к тексту его «Анабасиса»³, осуществленные лицом, хорошо знакомым с содержанием данного сочинения, а не просто слы-

¹ Burliga (2014). P. 140.

² Blockley (1981). P. 25-26; Rohrbacher (2002). P. 70-72.

³ К примеру, см. Xen. *Anab.* III.3.16-20; 4.15-17.

шавшим о деяниях Ксенофонта, как предположено К. Макгроарти¹. Интерпретация этого сообщения представляет собой значительную проблему, так как Арриан здесь ссылается не на свои излюбленные источники в виде сочинений Птолемея и Аристобула, а на некие менее достоверные, по мнению античного историка, «рассказы», возможно, восходившие к традиции «вульгаты»². Надо учитывать и то, что превратить упоминание действий 10 000 наемников в прямую отсылку к тексту Ксенофонта вполне мог сам Арриан: как установлено, он не просто был очень хорошо знаком с трудами афинянина, но и старался им подражать³. Второй блок информации, содержащий прямые указания на описанные Ксенофонтом события в контексте повествования о полководческой деятельности Александра, представлен одновременно и в работе Арриана, и в сочинении Курция Руфа. Связан он с операцией македонского царя по деблокированию т.н. «Киликийских ворот». По версии Арриана, Александр расположил часть войска, не участвовавшую в выбивании противника из указанного горного прохода, там, где ранее стоял лагерь Кир вместе с Ксенофонтом (καὶ ἀφικόμενος ἐπὶ τὸ Κύρου τοῦ ξὺν Ξενοφῶντι στρατόπεδον) (Arr. *Anab.* II.4.3), а Курций Руф, в свою очередь, указывает, что Александр накануне перехода через «Ворота» прибыл в место, называемое «лагерь Кира» (*quae Castra Cyri appellatur*) (Curt. III.4.1). Учитывая характер сообщений, сложно определить, появились ли они в результате того, что Александр благодаря «Анабасису» был осведомлен о действиях Кира Младшего и двигался его маршрутом, как предполагают некоторые из исследователей⁴, или же перед нами следствие при-

---

¹ McGroarty (2006). P. 106-107.

² Brunt (1976). P. 147.

³ Bosworth (1980). P. 6-7; Stadter (1980). P. 60-88; Due (1993). P. 54; Dorion (2016). P. 54-55; Liotsakis (2019). P. 5. Следует также заметить, что влияние работ Ксенофонта прослеживается и в творчестве Плутарха. Подробнее: Irigoin (1997). P. 55-62.

⁴ См. Hammond (1980). P. 92. Следует заметить, что данные Ксенофонта не позволяют уверенно говорить о прохождении армии Кира Младшего непосредственно через «Киликийские ворота», то есть тем же маршрутом, которым позже прошел Александр. Подробнее: Williams (1996) P. 303-314.

вязки действий македонского царя к известному географическому объекту, сделанной современниками событий или более поздними авторами. Еще более сомнителен вывод Р. Лайн Фокса¹, согласно которому Александр, следуя за текстом Ксенофонта, не только оказался в «лагере Кира», но и предпринял операцию по деблокированию «Киликийских ворот», позаимствовав ее замысел у Кира Младшего, в свое время нагнавшего страх на защитников этого горного прохода и вынудившего их отступить².

Подтверждением связи между Ксенофонтом и Александром многие из исследователей считают подчеркнуто уважительное отношение последнего к памяти создателя персидской державы Кира II Великого. На это обстоятельство античные историки действительно указывали неоднократно. Так, Страбон заметил, что Александр из-за восстаний разрушил основанный Киром город на реке Яксарт, хотя был «почитателем Кира» (φιλόκυρον) (Strab. XI.11.4). Плутарх в работе «Об удаче и доблести Александра» (Plut. *Mor.* 343a) заявил о наличии у Александра «духа (образа мыслей) Кира» (ἐχεῖν φρόνημα μὲν τὸ Κύρου). Если последнюю фразу можно посчитать сопоставлением риторического характера, то весьма убедительное доказательство особого отношения Александра к личности Кира приводит Арриан, который, ссылаясь на сочинение Аристубула, указывает, что последнему македонский царь поручил привести в порядок гробницу Кира в Пасаргадах, бывшую в запустении (Арр. *Anab.* VI.29.4-11). По распространенному мнению, настойчивое обращение Александра к фигуре Кира связано с образом идеального правителя, созданным Ксенофонтом в «Киропедии», соответственно, прочитанной македонянином³. Тем не ме-

¹ Lane Fox (1973). P. 154-155.

² Согласно Ксенофону, ответственный за защиту прохода Сиеннейский оставил свои позиции, узнав о проникновении в Киликию отряда Менона, а также под влиянием слухов о движении из Ионии вражеских триер и самого Кира (Хен. *Anab.* I.2.21-22). Александр, в свою очередь, очистил от противника «Киликийские ворота», предприняв ночную атаку силами отборных подразделений пехоты (Арр. *Anab.* II.4.2-4; ср. Curt. III.4.11-13), что намного более схоже с его же операцией, проведенной ранее в районе Термесса (см. Арр. *Anab.* I.27.5-8).

³ Wiesehöfer (1987). S. 119; Due (1993). P. 58; Brosius (2003). P. 175; Mitchell (2013). P. 101; Müller 2021. P. 113.

нее, в данном случае необходимо учитывать, что в эпоху Александра помимо сочинения Ксенофонта были широко распространены и другие труды, посвященные Киру Старшему, с которыми македонский монарх потенциально мог ознакомиться¹.

При наличии столь неоднозначных данных большое значение для выявления воздействия произведений Ксенофонта на полководческую практику Александра приобретает сопоставление решений македонского завоевателя с рекомендациями, содержащимися в дидактических произведениях афинского автора, или же с описанными только им военными событиями. Примеров применения данного подхода может быть приведено немало. В частности, уже упомянутый выше Р. Лайн Фокс увидел следы влияния описанных в «Анабасисе» действий греческих наемников при форсировании Евфрата в решении Александра использовать плоты из шкур для пересечения Дуная в 335 г. до н.э.² В данном случае действительно присутствует схожесть приемов, однако особо заметной ее делает именно текст Арриана: как и Ксенофонт (Хеп. *Anab.* I.5.10), указанный автор говорит о применении набитых сеном кожаных тентов от палаток (διφθέρας), причем упоминает их не только в рассказе о пересечении Истра-Дуная (см. Агг. *Anab.* I.3.6), но и при описании форсирования Окса-Амударьи (Агг. *Anab.* III.29.4) и Яксарта-Сырдарьи (Агг. *Anab.* IV.4.4). Использование македонянами мехов подтверждается и Курцием Руфом, который в аналогичных случаях говорит о кожаных бурдюках (*utris*) (см. Curt. VII. 5.18; 7.16). Весомых оснований для восприятия этой практики как явно заимствованной у Ксенофонта нет: набитые сеном или соломой бурдюки в качестве плавательного средства применяли представители многих древних армий³, а дополнительную схожесть рассказам Ксенофонта и Арриана могло придать стремление последнего подражать афинскому автору, частично влиявшее, в том числе, на используемую лексику⁴. Более примечательные параллели между наставлениями Ксенофонта и практикой Александра от-

---

¹ См. Burliga (2014). P. 141.

² Lane Fox (1973). P. 83.

³ К примеру: Nealy (1991). P. 12; Черненко (1984). С. 76.

⁴ О сознательном использовании Аррианом терминологии Ксенофонта, а также других классических авторов см. Bosworth (1980). P. 49.

носятся к принципам работы с личным составом армии. В частности, в «Киропедии» присутствует рекомендация проводить соревнования бойцов и целых отрядов в воинском мастерстве с последующим назначением командиров отличившихся подразделений на высокие должности (Хен. *Cyrop.* II.1.22-23). Организацию состязаний воинов Ксенофонт также упоминает в качестве совета в «Об обязанностях гиппарха» (Хен. *Hipp.* I.26) и сообщает о данной практике в небольшом сочинении, посвященном деятельности Агесилая (Хен. *Ages.* I.25). Александр, в свою очередь, в период пребывания в Ситтакене осенью 331 г. до н.э. устроил соревнования воинов в доблести, удостоив победителей назначения на командные посты, причем известно об это не из сочинения явно подражавшего Ксенофонту Арриана, а из работ Диодора (Diod. XVII.65.2-3) и Курция Руфа (Curt. V.2.1-3). Нельзя не согласиться, что описанное этими авторами мероприятие практически буквально соответствует рекомендациям, встречающимся в трудах Ксенофонта¹. И афинский автор, и знаменитый завоеватель критически относились к спортивным упражнениям как способу подготовки воинов. Ксенофонт в небольшом сочинении «О псовой охоте» (Хен. *Cyneg.* 12) и «Киропедии» (Хен. *Cyrop.* I.2.10) описывает пользу от занятия охотой для воинской подготовки, в последнем из произведений также отмечая, что овладеть каким-либо искусством можно только отбросив все лишнее, потому Кир, соответственно, для воинов оставил лишь боевые упражнения в панцире, с мечом и щитом (Хен. *Cyrop.* II.1.21). Александр, согласно указанию Плутарха, организовывал для своих подчиненных охотничьи состязания, при этом не любил атлетов и не поощрял соревнования в спортивных единоборствах (Plut. *Alex.* 4). Схожие элементы также обнаруживаются в отношении к внешнему виду представителей войска. В литературном наследии Ксенофонта неоднократно отмечалось, что боевой дух воинов можно повысить, выдав им богато украшенное вооружение (см. Хен. *Cyrop.* III.3.11-12; *Hipp.* I.26; *Ages.* XI.11). Здесь, соответственно, следует вспомнить данные античных авторов о мероприятиях Александра, нацеленных на снаб-

---

¹ Махлаюк (2006). С. 309.

жение солдат эффективной экипировкой¹. Кроме того, Александр проявлял особую заботу о больных и раненных в своем войске (см. Агг. *Anab.* I.16.4-6; Curt. VII.1.17; VIII.4.9), что делал и главный герой «Киропедии» (Xen. *Cyrop.* V.4.16).

Целый комплекс интересных совпадений между практикой Александра и текстом «Киропедии» связан с политико-административной деятельностью македонского царя и идеологическим оформлением его правления. В частности, подобно Киру, милостиво обходившемуся со знатными противниками и их семьями (Xen. *Cyrop.* III.1.37; VI.1.45-48), Александр благородно отнесся к попавшей в плен семье Дария III (Агг. *Anab.* II.11.9; II.12.3-8; Diod. XVII.37.3-38.7; Plut. *Alex.* 21; *Mor.* 338d-e; Curt. III.12.1-26; Just. XI.9.12-16) и приказал воссоединить внучку Артаксеркса III Оха с ее мужем Гистаспом (Curt. VI.2.6-8). Александр после завоевания Персии стал носить восточную одежду (см. Агг. *Anab.* IV.7.4; Plut. *Alex.* 45; Diod. XVII.77.5; Curt. VI.6.4), аналогично тому, как Кир облачился в костюм покоренных им мидийцев (Xen. *Cyrop.* VIII.1.40). Кир в произведении Ксенофонта советует приближать к себе полезных людей из разных стран (Xen. *Cyrop.* II.2.26-27), а Александр, как известно, весьма рано начал привлекать представителей местных элит к управлению регионами новой державы (см. Агг. *Anab.* I.23.7-8; III.16.4; Curt. III.4.1; IV.1.16-28; Just. XI.10.8). Эти совпадения подтолкнули часть специалистов к не лишним основаниям выводам о сознательном стремлении Александра подражать образу идеального монарха, созданному Ксенофонтом².

---

¹ Курций Руф (Curt. VIII.5.4) и Юстин (Just. XII.7.5), описывая подготовку Александра к индийскому походу, упоминают, что по приказу царя уздечки коней и доспехи воинов были покрыты серебром, причем первый из авторов сообщает и о золочении части вооружения. Помимо того, согласно Диодору (Diod. XVII.95.4) и Курцию Руфу (Curt. IX.3.21), в лагерь армии Александра на индийской реке Акесин были доставлены, а затем распределены между солдатами 25 тысяч комплектов пехотного снаряжения, которое Диодор называет «превосходным» (*διαπρεπείς*), а Курций Руф — украшенным золотом и серебром (*auro et argento caelata pertulerat*).

² Об этом: Luccioni (1947). P. 305; Stark (1958). P. 203-210; O'Brien (1994). P. 51, 78; Briant (2010). P. 73. Мнение Дж. Татума, назвавшего

Конечно, параллели между практикой Александра и содержанием литературного наследия Ксенофонта отрывисты и не всегда однозначны. Как справедливо отмечено Ф. Старк, многие из решений македонского царя, тождественные положениям «Киропедии», вполне ожидаемы от любого хорошего военачальника и к ним Александр мог прийти без подсказки¹. Упомянутые действия завоевателя, связанные с привлечением восточной элиты к управлению регионами, совпадают не только с рекомендациями Ксенофонта, но и с реальной политикой отца Александра Филиппа II, активно бравшего к себе на службу уроженцев разных регионов Греции и даже «варваров»². Также не следует сбрасывать со счетов очевидное стремление первых историков Александра придать ему облик благородного и мудрого героя-победителя, для чего периодически осуществлялось обращение к созданному Ксенофонтом образу Кира³. Тем не менее, внушительное количество различных совпадений, как указанных выше, так и менее очевидных, значительная распространенность трудов Ксенофонта во второй половине IV в. до н.э.⁴ и хорошая образованность Александра позволяют полагать, что последний должен был ознакомиться с содержанием работ афинянина, являвшегося автором первых военно-дидактических трактатов и единственным из греческих писателей, одновременно обладавшим большой компетентностью в военном деле и осведомленностью о персидских реалиях. Впрочем,

---

Александра имитатором Кира, чья карьера стала продолжением «Киропедии» (Tatum [1989]. P. 238-239), тем не менее, следует оценивать как излишне категоричное. Отдельно стоит отметить любопытные выводы Дж. Фарбера, согласно которым «Киропедия» оказала значительное влияние не на Александра, но и на идеологию возникших позже эллинистических монархий. См. Farber (1979).

¹ Stark (1958). P. 204-205.

² Об этом античные авторы сообщают часто и с разным отношением: Theop. FGh 320. F224j = Athen. IV.167b; Dem. II.17-19; Isocr. V.19; Polyb. VIII.11.6. Присутствует предположение, что данный компонент кадровой политики Филиппа также мог появиться под влиянием «Киропедии»: Kienast (1973). S. 259; Ellis (1981) P. 40-42.

³ См. Pédech (1984). P. 81-82; Kegerreis (2015). P. 134-161; Müller (2021). P. 114-115.

⁴ Münscher (1920). S. 24-32; Luraghi (2016). P. 98-99.

данный вывод еще не дает оснований считать сочинения Ксенофонта важным подспорьем для Александра в его сугубо полководческой деятельности. Обращаясь к этому аспекту, следует упомянуть известную характеристику македонского монарха, оставленную Плутархом: Александр, благодаря Аристотелю, пристрастился к различной литературе, читал много и охотно, при этом лучшим напутствием в военной доблести (τῆς πολεμικῆς ἀρετῆς ἐφόδιον) считал и называл Илиаду (Plut. *Alex.* 8). В этом сообщении можно обнаружить не только подтверждение начитанности Александра, но и его достаточно пренебрежительное отношение к военно-теоретической литературе, в том числе вышедшей из-под пера Ксенофонта, которой полководец предпочел эпическую поэму о подвигах героев древности. Для появления подобных воззрений были весомые основания, так как военная отрасль за сравнительно недолгий срок, отделявший период литературного творчества Ксенофонта от времен Александра, изменилась кардинальным образом.

В частности, значительную часть военно-дидактического наследия знаменитого афинянина составляло рассмотрение вопросов, связанных с организацией, обучением и боевым применением кавалерии. Ксенофонт в работе «О коннице» не только подробно описал принципы выбора лошади и ее обучения, но и вооружение всадника, куда, по рекомендации автора, должны входить шлем, панцирь, воротник, наруч (ὄπλον τὴν χεῖρα καλούμενην) на левую руку, меч-махайра и два дротика (δύο παλὰ), более удобные и крепкие по сравнению с длинным копьем (δόρατος καμάκινου). Здесь же Ксенофонт упоминает защитную экипировку лошади в виде налобника, нагрудника и неких набедренников (παράπριδιόις), прикрывающих также наездника (Xen. *De re eq.* XII.1-11). Описанный комплект снаряжения был «идеальным» по мнению писателя вариантом, видимо, созданным благодаря совмещению элементов экипировки греческих и персидских всадников¹. Немало внимания Ксенофонт уделил обучению кавалеристов.

---

¹ Gaebel (2002). P.29; Sidnell (2006). P. 30-32; Snodgrass (1967). P. 109; Горелик (1982) С. 94-95; Нефёдкин (2019). С. 615-617. Иное мнение см. Андерсон (2006). С. 200-205.

Оно подразумевало отработку быстрого сближения с противником для его поражения дротиком, преследования отступающего врага, быстрых разворотов для уклонения от неприятельской атаки (Хеп. *De re eq.* VIII.9; XII.13; *Hipp.* III.6-10; VIII.17-25). Показательно, что действия конницы, описанные Ксенофонтом, преимущественно связаны с проведением рейдов, охраной границ или засадами, а не с полномасштабными битвами¹. В данном случае Ксенофонт уже не обращался к «идеальным» категориям, а описывал меры, нацеленные на приспособление всадников к выполнению их функций в афинском войске, где кавалерия, как и в большинстве греческих армий классического времени, играла сугубо вспомогательную роль на полях сражений, настоящими и безраздельными хозяевами которых были гоплиты².

Иное место конница занимала в «военной машине», созданной Филиппом II и позже использованной Александром в Азии. Как констатируется исследователями уже на протяжении многих лет, в македонской армии эпохи великих завоеваний, экипированная для ближнего боя и приученная действовать в сомкнутом строю, кавалерия гетайров стала важной ударной силой, атаковавшей наиболее уязвимые участки вражеских боевых порядков и вносившей весомый вклад в победу³. Значительно отличавшаяся по функциям от конницы, описанной Ксенофонтом, македонская кавалерия Александра имела принципиально другое вооружение в виде длинных ударных копий-ксистонов (*ξυστόν*), благодаря которым гетайры, как отмечено в известном фрагменте сочинения Арриана, в ближнем бою превосходили оснащенных дротиками персидских всадников (см. Арг. *Anab.* I.15.5-6)⁴. По обоснованному выводу Дж. К. Андерсона, теоретические положения Ксенофонта в области использования конницы были отвергнуты практикой применения македонской кавалерии времен Александра, и это же де-

---

¹ Wheeler (2007). P. 222.

² См. Sidnell (2006). P. 38-41; Bugh (2020). P. 67.

³ К примеру: Rüstow, Köchly (1852). S. 242-243; Tarn (1930). P. 51-62; Hammond (1980). P. 30-32; Gabriel (2010). P. 79-81; Дельбрюк (1999). С. 136-137.

⁴ Наиболее обстоятельный анализ этого элемента вооружения кавалерии Александра см. Нефёдкин (2019). С. 672-679.

лало практически бесполезными инструкции афинского автора по обучению кавалеристов, так как они предполагали перестрелки с применением дротиков и уход из-под вражеского удара после метания¹. Мало того, из-за изменений в качествах кавалерии и отдельные тактические приемы, казавшиеся Ксенофону несомненно эффективными, для Александра таковыми уже не являлись. В частности, писатель важным условием обеспечения превосходства конницы над всадниками противника называет использование пехотинцев-гамиппов (ἄμιπλους πεζοὺς), сражавшихся вместе с кавалерией в смешанном строю и к помощи, которых, по мнению Ксенофонта, необходимо прибегать при любой возможности (см. Xen. *Hipp.* V.13). Во времена Александра действенность подобного приема не была однозначной. Р. Гейбел, в целом оценивающий применение гамиппов как редкое явление и в греческом военном деле, назвал его отсутствие во времена Филиппа и Александра вполне очевидным². Против этого тезиса в рамках отдельной публикации выступил В. Хеккель, который при опоре на некоторые античные свидетельства пришел к заключению о наличии в тактическом инструментарии Александра практики применения кавалерии и пехоты в смешанных боевых порядках³. Признавая оправданность последней позиции, следует подчеркнуть, что для Александра, в противовес заключениям Ксенофонта, инкорпорирование пехоты в порядки кавалерии не было главным способом обеспечения боевой эффективности всадников. В ряде случаев македонский полководец действительно использовал смешанное конно-пешее построение в напряженной рукопашной схватке с вражеской кавалерией, как это было в битве при Гранике (см. Агг. *Anab.* I.16.1), или для лишения противника свободы маневра, что было осуществлено в сражении со среднеазиатскими «скифами»

---

¹Андерсон (2006). С. 205.

²Gaebel (2002). P. 140.

³Указанный автор отметил, что в роли «гамиппов» выступали т.н. «царские гипасписты», поддерживавшие действия ударного отряда гетайров, возглавляемого самим Александром (Heckel [2012]. P. 16-19). Согласно мнению Н. Секунды (Sekunda [2007]. P. 329) «гамиппами» в армии Александра служили агриане, специально обученные поддерживать всадников.

на Яксарте-Сурдарье (см. Arr. *Anab.* IV.4.5-7; ср. Curt. VII.9.9-13; Metz Epit. 12). Тем не менее, основой тактики применения македонской кавалерии времен Александра была решительная атака, проводившаяся силами сугубо конной формации, быстро сближавшейся с противником благодаря присущей именно этому роду войск мобильности¹.

Согласно тактическим воззрениям Ксенофонта, изложенным в «Киропедии», основной силой на поле боя являлись тяжеловооруженные пехотинцы. Несмотря на то, что повествование Ксенофонта посвящено эпохе полководческой деятельности Кира Старшего, пехота, с которой последний сокрушает ассирийцев и египтян, представляет собой идеализированный вариант греческой гоплитской фаланги классического периода при существенном преобладании элементов, заимствованных из военной практики Спарты². По версии автора, это были приученные сражаться в плотном строю и экипированные тяжелыми доспехами пехотинцы, разделенные на декасы, лохи и таксисы (см. Xen. *Cyrop.* II.1.21-22). Образованная из них фаланга в сражении с ассирийцами перешла на бег и решительно атаковала главные силы противника, в то время как кавалерия Кира отдельно вела бой с вражескими всадниками (Xen. *Cyrop.* III.3.57-68). Во фрагменте, описывающем подготовку Кира к битве с армией Креза, Ксенофонт вкладывает в уста своего героя критические слова о слишком глубоких боевых порядках противника, построившего свою армию в 30, а местами и в 100 рядов, из-за чего не все воины имели возможность применять оружие в схватке. Сам Кир при этом построил пехоту в фалангу глубиной в 12 рядов посредством разделения лоха из 24 воинов надвое (см. Xen. *Cyrop.* VI.3.18-25). Тяжелая пехота, которой располагал Александр, от фаланги классического образца весьма отличалась. К числу наиболее заметных новшеств традиционно относят увеличение глубины формации и использование длинных копий-сарисс в качестве основного вооружения³. В противовес ре-

¹ Об этом: Нефёдкин (2019). С. 143-148.

² Anderson (1970). P. 98-100; Pritchett (1971). P. 129; Mueller-Goldingen (1995). S. 69-70; Konijnendijk (2017). P. 45-48.

³ О данном аспекте, к примеру: Markle (1977). P. 323-339; Noguera Borel (1996). P. 839-850; Le Bohec-Bouhet (1999). P. 77-79.

комендациям Ксенофонта, македонская фаланга, в зависимости от обстановки, могла строиться в 8, 16 и даже в 32 ряда, о чем свидетельствуют эллинистические тактические трактаты (см. *Asclep. Tact.* 2.1; 4.1-3; *Ael. Tact.* 4-11; *Arr. Tact.* 5.5-6), информация которых, безусловно, может быть экстраполирована на времена Александра¹. Это было построение, более устойчивое к вражескому воздействию, но явно не способное к быстрым наступательным действиям, столь ярко описанным в «Киропедии»: из-за особенностей вооружения и боевых порядков македонские фалангиты не могли двигаться бегом и приближались к противнику, в лучшем случае, быстрым шагом².

Выявленные различия не просто связаны с характеристиками отдельных родов войск времен Ксенофонта и Александра, а являются результатом процесса трансформации методики ведения боевых действий, которая привела к появлению свойственной для македонского завоевателя тактики, подразумевавшей сокрушение противника не фронтальным натиском тяжелой пехоты, а через комбинированное применение фаланги, кавалерии и легковооруженных пехотинцев. Наиболее наглядным и масштабным ее проявлением стал прием, неизменно приносивший Александру успех в генеральных сражениях и получивший в современной историографии броское наименование «тактика молота и наковальни». Его суть заключалась в сочетании мощного фронтального давления фаланги на противника и удара конницей и легковооруженной пехотой в наиболее уязвимые участки вражеских боевых порядков с фланга или тыла³. Конечно, само понимание эффективности комбинированного использования разных родов войск на тот момент времени не было принципиально новым явлением. Так, взаимосвязанное применение гоплитов, легкой пехоты и конницы может быть прослежено в рамках полководческой деятельности выдающихся греческих военачальников позднеклассического времени⁴.

---

¹ Bosworth (1988). P. 260-261; English (2009). P. 21.

² Matthew (2015). P. 347-348.

³ См. Ferrill (1997). P. 199-203, 206-211; Snodgrass (1967). P. 115; Matthew (2015). P. 371-373.

⁴ Об этом: Hanson (1999). P. 128-131; Gaebel (2002). P. 136-137; Brizzi (2004). P. 31; Sears (2019). P. 139-140.

Отмечал эффективность подобных действий и Ксенофонт, в наиболее полном виде отразивший свои воззрения по этому вопросу в описании сражения между войсками Кира и Креза (см. *Хен. Сироп.* VII.7.21-40). Насколько сильно этот фрагмент дидактического наследия афинского автора мог повлиять на тактику сражений Александра? Р. Гейбел, отмечая наличие у всадников Кира в «Киропедии» не дротиков, а копий, обратил внимание, что в указанном сочинении персидскому царю удалось посредством сложного маневрирования разгромить фланги войск Креза, при этом ударив конницей в слабое место фаланги египтян. Исследователь уподобляет действия Кира тактике эллинистического времени, указывая на координированные действия персидской пехоты и кавалерии, но признавая, что сам ход сражения описан нереалистично¹. Тем не менее, в контексте рассматриваемого вопроса следует учитывать ключевой нюанс: помимо весьма запутанного и сугубо гипотетического рассказа Ксенофонта в период формирования полководческих качеств Александра существовала реальная военная практика, характерная для страны, породившей и его самого, и одну из самых поразительных «военных машин» древности. Как справедливо отмечено К. Макгроарти, в поисках следов греческого культурного влияния на личность завоевателя Азии, нельзя забывать, что он был, прежде всего, македонянином².

Впервые в античной военной истории полноценное боевое взаимодействие различных родов войск было обеспечено именно в Македонии, став характерной чертой новой военной системы, созданной Филиппом II, при котором фалангиты, легкая пехота и ударная кавалерия стали эффективно решать задачи, хорошо соответствующие их вооружению и навыкам, в рамках общего тактического замысла³. План, предусматривавший наступление фаланги с одновременной кавалерийской атакой во фланг неприятельского построения, был успешно реализован уже в первом масштабном сражении Филиппа, произошедшем у Лихнидского озера в 358 г. до н.э. и своим рисунком во многом походившим на будущие три-

---

¹ Gaebel (2002). P. 306-307.

² McGroarty (2006). P. 121.

³ Наиболее полный на настоящий момент анализ данной проблемы см. Wrightson (2019). P. 181-188.

умфы Александра¹. Последний, в свою очередь, сформировался как полководец в рамках системы, частью которой уже являлись профессиональная организация армии и высокая боеспособность основных родов войск, сочетавшаяся с их отличной приспособленности к взаимодействию. Александр имел явно больше возможностей постичь принципы работы этого механизма не из теоретических трудов афинянина, делавшего лишь туманные намеки на взаимосвязанное использование конницы и разнотипной пехоты в бою, а непосредственно в рамках своей военной деятельности, начавшейся очень рано. Как известно, уже в 340 г. до н.э., когда царевичу Александру было всего 16 лет, он во главе части отцовской армии нанес поражение фракийскому племени медов (Plut. *Alex.* 9). Спустя два года сын Филиппа командовал одним из флангов македонского войска в судьбоносной битве при Херонее, внося весомый вклад в победу (см. Diod. XVI.86.1-5). Ключом к ней, без сомнения, стали координированные действия македонской конницы и фаланги, которым греческие оппоненты Филиппа, действовавшие в русле старых тактических схем, не смогли противостоять².

Именно передовой характер македонского военного дела, подразумевавший новое отношение к боевым функциям пехоты и кавалерии, иной характер их вооружения, организации и подготовки, сделал для Александра во многом бесполезными наставления Ксенофонта, напрямую касавшиеся методики ведения боевых действий. Отразилось это не только на тактике, но и на непосредственно связанной с ней стратегии. Так, принцип Ксенофонта, запрещавший разделять войска на отдельные части без возможности их быстрого соединения, сформулированный, что примечательно, и в «Киропедии» (Xen. *Cyrop.* V.4.19-20) и в «Об обязанностях гиппарха» (Xen. *Hipp.* IV.17), Александр, обладавший кардинальным тактическим превосходством над противником, постоянно нарушал. Этим он обеспечивал для себя возможность захватывать обширные территории в результате синхронных действий не-

---

¹ Le Bohec-Bouhet (1999). P. 83; Matthew (2015). P. 43-44; Bardunias, Ray (2016). P. 143; Нефёдкин (2019). С. 47.

² Wrightson (2019). P. 192-194.

скольких автономных соединений смешанного состава, что стало основным способом ведения военных кампаний в рамках средне-азиатского и индийского этапов его завоевательной деятельности¹. Мало того, колоссальный разрыв между содержанием теоретических произведений Ксенофонта и реалиями военной практики Александра присутствовал в такой специфической, но чрезвычайно важной отрасли как осадное дело. Не секрет, что перед великим завоевателем за годы его насыщенной полководческой деятельности неоднократно вставали задачи по захвату хорошо укрепленных городов и крепостей, успешно решавшиеся благодаря применению передовой осадной техники в виде таранов, передвижных башен и катапульт. Наличие этих приспособлений и квалифицированных военно-технических кадров было, прежде всего, результатом действий Филиппа II, превратившего Македонию в ведущий центр развития осадного дела². Александр, в свою очередь, не только хорошо освоил методику захвата укреплений и развил ее, но и умел использовать технические новинки весьма нетривиально, в том числе задействовать катапульты для обстрела противника в полевом сражении (см. Арг. *Anab.* I. 6. 8; IV. 4. 4; Curt. VII. 9. 2-9). Ксенофонт в этом деле наставником явно быть не мог: проблемы полиоркетики в своих сочинениях он обходил стороной, а метательные орудия, появившиеся еще в начале IV в. до н.э. на Сицилии, вовсе не упоминал³. Обозначенные выше факторы, конечно, не означают, что Александр не мог использовать отдельные описанные Ксенофонтом второстепенные тактические приемы, методы работы с личным составом армии или учитывать сообщения афинянина о персидской армии и театре военных действий. Впрочем, значение последнего аспекта явно не стоит преувеличивать. Ксенофонт в «Анабасисе» сравнительно подробно описал лишь отдельные территории Малой Азии и Месопотамии, с которыми были связаны некоторые этапы полководческой деятельности Александра, к тому же, за семь десятков лет, отделявших при-

---

¹ Специальное исследование данного аспекта см. Клейменов (2019). С. 92-162.

² Об этом, к примеру: Tarn (1930). P. 103-107; Kern (1999). P. 192-226; Кэмпбелл (2008). С. 59-63.

³ Keyser (1994). P. 30-31.

ключения греческих наемников в Азии и Восточный поход Александра, многое в местных условиях могло значительно измениться¹. Македонский царь, в свою очередь, имел возможность получать более актуальную и детальную информацию другими способами, весьма разнообразными и вполне действенными².

Подводя итог, следует констатировать, что Ксенофонта, несмотря на его большую компетентность в военных вопросах и несомненный литературный талант, нельзя воспринимать как автора, через свои труды ставшего настоящим наставником Александра. Последний, очевидно, был знаком с содержанием основных произведений знаменитого афинянина, и прежде всего, с «Киропедией», опирался на некоторые рекомендации Ксенофонта при определении характера своей политики на завоеванных землях и выборе методов работы с личным составом войска. Тем не менее, значительный рывок в развитии военного дела, совершенный в Македонии в годы правления Филиппа II, сделал для Александра явно неактуальными подавляющее большинство рекомендаций Ксенофонта, связанных с методикой ведения боевых действий. Труды родоначальника античной военно-дидактической мысли могут быть оценены лишь как одна из частей свойственного той эпохе мощного интеллектуального фона, придавшего некоторые оттенки полководческому почерку завоевателя Азии, но не определившего его основные черты.

Материал поступил в редакцию 02.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
11.03.2021*

---

¹ Этот нюанс на конкретном примере, связанном с военными действиями в районе «Киликийских ворот», был рассмотрен еще Дж. Гротом (Grote [1872]. S. 423).

² Подробнее об организации сбора разведывательной информации в период азиатской экспедиции Александра см. Engels (1980). О зависимости маршрутов движения македонского войска в Малой Азии не от описаний Ксенофонта, а от других источников: McGroarty (2006). P. 121.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anderson, J.K. (1970) *Military theory and practice in the age of Xenophon*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- Barduinias, P.M., Ray, F.E. (2016) *Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750–100 BCE*. Jefferson: McFarland & Company.
- Blockley, R.C. (1981) *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*. Vol. 1. Liverpool: F. Cairns.
- Bosworth, A.B. (1980) *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 1. Commentary on books I–III. Oxford: Clarendon Press.
- Bosworth, A.B. (1988) *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Briant, P. (2010) *Alexander the Great and his empire. A short introduction*. Princeton – Oxford: Oxford University Press.
- Brizzi, G. (2004) *Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au legionnaire*. Monaco: Jean-Paul Bertrand.
- Brosius, M. (2003) “Alexander and the Persians”, J. Roisman, ed. *Brill's companion to Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 169–193.
- Brunt, P. A. (1976) *Arrian's History of Alexander and Indica*. Vol 1. Cambridge – London: Harvard University Press.
- Bugh, G.R. (2020) “Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Re-appraisal”, L.L. Brice, ed. *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken: Wiley Blackwell, 65–80.
- Burliga, B. (2014) “Xenophon's Cyrus, Alexander φιλόκυρος. How carefully did Alexander the Great study the *Cyropaedia*?”, *Miscellanea Anthropologica et Sociologica* 15.3, 134–146.
- Dorion, L.-A. (2016) “Xenophon and Greek Philosophy”, M.A. Flower, ed. *The Cambridge companion to Xenophon*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 37–56.
- Due, B. (1993) “Alexander's Inspiration and Ideas”, J. Carlsen, O.S. Due, P. Paulson, B. Due, eds. *Alexander the Great: Reality and Myth*. Rome: L'Erma di Bretschneider, 53–60.
- Ellis, J.R. (1981) “The Unification of Macedonia”, M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos, eds. *Philip of Macedon*. London: Heinemann, 36–47.

- Engels, D.W. (1980) "Alexander's Intelligence System", *Classical Quarterly* 30.2, 327-340.
- English, S. (2009) *The Army of Alexander the Great*. Barnsley: Pen & Sword.
- Farber, J.J. (1979) "The Cyropaedia and Hellenistic Kingship", *American Journal of Philology* 100.4, 497-514.
- Ferrill, A. (1997) *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder: Westview Press.
- Gabriel, R.A. (2010) *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington: Potomac Books.
- Gabel, R.E. (2002) *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Grote, G. (1872) *A History of Greece: From the Earliest Period to the Close of the Generation Contemporary with Alexander the Great*. Vol. X. London: J. Murray.
- Hammond, N.G.L. (1980) *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge: Noyes Press.
- Hanson, V.D. (1999) *The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture*. London: Cassel.
- Healy, M. (1991) *The Ancient Assyrians*. Oxford: Osprey.
- Heckel, W. (2012) "The Royal Hypaspists in Battle: Macedonian hamippoi", *Ancient History Bulletin* 26.1, 15-20.
- Irigoin, J. (1997) *Tradition et critique des textes grecs*. Paris: Les Belles Lettres.
- Kegerreis, C. (2015) "The Cyropaedia among Alexander's Lost Historians", *The Ancient World* 46, 134-161.
- Kern, P.B. (1999) *Ancient Siege Warfare*. Bloomington: Indiana University Press.
- Keyser, P.T. (1994) "The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great", *The Ancient World* 25.1, 27-59.
- Kienast, D. (1973) *Philipp II von Makedonien und das Reich der Achameniden*. München: Wilhelm Fink.
- Konijnendijk, R. (2017) *Classical Greek Tactics: A Cultural History*. Leiden – Boston: Brill.
- Lane Fox, R. (1973) *Alexander the Great*. London: Folio Society.

- Le Bohec-Bouhet, S. (1999) "L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C.", P. Brun, dir. *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris: Armand Colin, 73-96.
- Liotsakis, V. (2019) *Alexander the Great in Arrian's Anabasis: A Literary Portrait*. Berlin – Boston: de Gruyter.
- Luccioni, J. (1947) *Les Idées politiques et sociales de Xénophon*. Paris: Publications de la Sorbonne.
- Luraghi, N. (2016) "Xenophon's Place in Fourth-Century Greek Historiography", M.A. Flower, ed. *The Cambridge companion to Xenophon*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 84-100.
- Markle, M.M. (1977) "The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor", *American Journal of Ancient History* 81.3, 323-339.
- Mattew, C.A. (2015) *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley: Pen & Sword.
- McGroarty, K. (2006) "Did Alexander the Great read Xenophon?", *Hermathena* 181, 105-124.
- Mitchell, L. (2013) "Alexander the Great: Divinity and the Rule of Law", L. Mitchell, C. Melville, eds. *Every Inch a King: Comparative Studies on Kings and Kingship in the Ancient and Medieval Worlds*. Leiden – Boston: Brill, 91-108.
- Mueller-Goldingen, C. (1995) *Untersuchungen zu Xenophons Kyrupädie*. Stuttgart – Leipzig: Teubner.
- Müller, S. (2021) "Alexander at Naqsh-e Rostam? Persia and the Macedonians," J. Walsh, E. Baynham, eds. *Alexander the Great and Propaganda*. London; New York: Routledge, 107-128.
- Münscher, K. (1920) *Xenophon in der griechisch-römischen Literatur*. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung.
- Noguera Borel, A. (1996) "L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse", *Ancient Macedonia* 6. Sixth International Symposium, Vol. 2. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 839-850.
- O'Brien, J. (1994) *Alexander the Great: The Invisible Enemy*. London – New York: Routledge.
- Pédech, P. (1984) *Historiens, compagnons d'Alexandre: Callisthène, Onésicrite, Néarque, Ptolémée, Aristobule*. Paris: Belles Lettres.
- Pritchett, W.K. (1971) *The Greek State at War*. Part I. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.

- Rohrbacher, D. (2002) *The Historians of Late Antiquity*. London – New York: Routledge.
- Rüstow, W., Köchly, H. (1852) *Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus*. Aarau: Verlags Comptoir.
- Sears, M.A. (2019) *Understanding Greek Warfare*. London – New York: Routledge.
- Sekunda, N. (2007) “The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces”, P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby, eds. *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 325-357.
- Sidnell, P. (2006) *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*. London – New York: Hambledon Continuum.
- Snodgrass, A.M. (1967) *Arms and armor of the Greeks*. Ithaca – New York: Cornell University Press.
- Stadter, P.A. (1980) *Arrian of Nicomedia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Stark, F. (1958) *Alexander's Path from Caria to Cilicia*. London: John Murray.
- Tarn, W.W. (1930) *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tatum, J. (1989) *Xenophon's Imperial Fiction: On The Education of Cyrus*. Princeton: Princeton University Press.
- Wheeler, E.L. (2007) “Archaic and Classical Greece: Land battle”, P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby, eds. *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 186-223.
- Wieschöfer, J. (1987) “Kyros und die unterworfenen Völker. Ein Beitrag zur Entstehung von Geschichtsbewusstsein”, *Quaderni di Storia* 13.26, 107-126.
- Williams, F. (1996) “Xenophon's Dana and the Passage of Cyrus' Army over the Taurus Mountains”, *Historia* 45.3, 284-314.
- Wrightson, G. (2019) *Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors*. New York: Routledge.
- Андерсон, Дж. К. (2006) *Древнегреческая конница*, пер. с англ. М.Н. Се-
рафимова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Горелик, М.В. (1982) «Защитное вооружение персов и мидян ахеменид-
ского времени», *Вестник древней истории* 3, 90-106.
- Дельбрюк, Г. (1999) *История военного искусства в рамках политической
истории*. Т. 1. СПб.: Наука, Ювента.

- Клейменов, А.А. (2019) *Стратегическая симфония: Координированное наступление в македонском военном искусстве эпохи Александра Великого*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.
- Кэмпбелл, Д.Б. (2008) *Искусство осады. Знаменитые штурмы и осады Античности*. М.: Эксмо.
- Махлаюк, А.В. (2006) *Солдаты римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство Акра, 2006.
- Нефёдкин, А.К. (2019) *Конница эпохи эллинизма*. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена.
- Черненко, Е.В. (1984) *Скифо-персидская война*. Киев: Наукова думка.

Alexander A. KLEYMEONOV

THE INFLUENCE OF XENOPHON'S DIDACTIC WRITINGS ON THE MILITARY LEADERSHIP PRACTICE OF ALEXANDER THE GREAT

The article examines the influence of Xenophon's didactic works on the military activities of Alexander the Great. It is revealed that messages from ancient sources containing direct indications of the fact that Alexander was familiar with Xenophon's works are either fundamentally unreliable or subject to different interpretations. Nevertheless, a comparison of the recommendations proposed in "Kyropedia" and other Athenian author's writings the with Alexander's practical activities reveals obvious similarities in their views on training military personnel, organizing competitions in military skill, providing soldiers with richly decorated weapons, and caring for the sick and wounded. A set of coincidences is associated with the political and administrative activities of Alexander, who, like Cyrus the Elder in Xenophon's writings, demonstratively showed mercy towards the vanquished, attracted representatives of the local elite to the service, wore clothes traditional for a conquered country. A large number of similarities, good education of Alexander and the popularity of Xenophon's writings in the second half of the 4th century BCE allow us to conclude that the Macedonian king was familiar with the works of the Athenian author. However, the components of Xenophon's didactic legacy associated with the methods of warfare do not correlate well with Alexander's military leader-

ship practice. The fundamental differences are revealed in the armament of the cavalry and their tactics, the depth of the infantry formation, the role of army branches on the battlefield. They were caused by a significant breakthrough in the art of war that took place in Macedonia during the time of Philip II. This breakthrough also led to the emergence of new tactics that provided for crushing the enemy not with a frontal attack of heavy infantry, but through the combined use of various types of troops. Alexander as a military leader was raised under the conditions of a new, more developed military art. Thus, the overwhelming majority of Xenophon's recommendations, which described the cavalry as a purely auxiliary branch of the army and considered the classical hoplite phalanx a decisive force in battle, were clearly irrelevant for him and therefore ignored.

REFERENCES

- Anderson, J.K. (1970) *Military theory and practice in the age of Xenophon*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- Anderson, Dzh.K. (2006) *Drevnegrecheskaya konnitsa*, per. s angl. M.N. Serafimova. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta.
- Bardunias, P.M., Ray, F.E. (2016) *Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750–100 BCE*. Jefferson: McFarland & Company.
- Blockley, R.C. (1981) *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*. Vol. 1. Liverpool: F. Cairns.
- Bosworth, A.B. (1980) *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 1. *Commentary on books I–III*. Oxford: Clarendon Press.
- Bosworth, A.B. (1988) *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Briant, P. (2010) *Alexander the Great and his empire. A short introduction*. Princeton – Oxford: Oxford University Press.
- Brizzi, G. (2004) *Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au légionnaire*. Monaco: Jean-Paul Bertrand.
- Brosius, M. (2003) “Alexander and the Persians”, J. Roisman, ed. *Brill's companion to Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 169–193.

- Brunt, P.A. (1976) *Arrian's History of Alexander and Indica*. Vol 1. Cambridge – London: Harvard University Press.
- Bugh, G.R. (2020) “Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Re-appraisal”, L.L. Brice, ed. *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken: Wiley Blackwell, 65-80.
- Burliga, B. (2014) “Xenophon’s Cyrus, Alexander φιλόκυρος. How carefully did Alexander the Great study the *Cyropaedia*?”, *Miscellanea Anthropologica et Sociologica* 15.3, 134-146.
- CHernenko, E.V. (1984) *Skifo-persidskaya vojna*. Kiev: Naukova dumka.
- Del'bryuk, G. (1999) *Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politiche-skoj istorii*. T. 1. SPb.: Nauka, YUventa.
- Dorion, L.-A. (2016) “Xenophon and Greek Philosophy”, M.A. Flower, ed. *The Cambridge companion to Xenophon*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 37-56.
- Due, B. (1993) “Alexander’s Inspiration and Ideas,” J. Carlsen, O.S. Due, P. Paulson, B. Due, eds. *Alexander the Great: Reality and Myth*. Rome: L’Erma di Bretschneider, 53-60.
- Ellis, J.R. (1981) “The Unification of Macedonia”, M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos, eds. *Philip of Macedon*. London: Heinemann, 36-47.
- Engels, D.W. (1980) “Alexander's Intelligence System”, *Classical Quarterly* 30.2, 327-340.
- English, S. (2009) *The Army of Alexander the Great*. Barnsley: Pen & Sword.
- Farber, J.J. (1979) “The *Cyropaedia* and Hellenistic Kingship”, *American Journal of Philology* 100.4, 497-514.
- Ferrill, A. (1997) *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder: Westview Press.
- Gabriel, R.A. (2010) *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington: Potomac Books.
- Gaebel, R.E. (2002) *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Gorelik, M.V. (1982) “Zashchitnoe vooruzhenie persov i midyan ahemennidskogo vremeni”, *Vestnik drevnej istorii* 3, 90-106.
- Grote, G. (1872) *A History of Greece: From the Earliest Period to the Close of the Generation Contemporary with Alexander the Great*. Vol. X. London: J. Murray.
- Hammond, N.G.L. (1980) *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge: Noyes Press.

- Hanson, V.D. (1999) *The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture*. London: Cassel.
- Healy, M. (1991) *The Ancient Assyrians*. Oxford: Osprey.
- Heckel, W. (2012) "The Royal Hypaspists in Battle: Macedonian hamippoi", *Ancient History Bulletin* 26.1, 15-20.
- Irigoin, J. (1997) *Tradition et critique des textes grecs*. Paris: Les Belles Lettres.
- Kegerreis, C. (2015) "The *Cyropaedia* among Alexander's Lost Historians", *The Ancient World* 46, 134-161.
- Kempbell, D.B. (2008) *Iskusstvo osady. Znamenitye shturmy i osa-dy Antichnosti*. M.: Eksmo.
- Kern, P.B. (1999) *Ancient Siege Warfare*. Bloomington: Indiana University Press.
- Keyser, P.T. (1994) "The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great", *The Ancient World* 25.1, 27-59.
- Kienast, D. (1973) *Philipp II von Makedonien und das Reich der Achamieniden*. München: Wilhelm Fink.
- Klejmenov, A.A. (2019) *Strategicheskaya simfoniya: Koordinirovan-noe nastuplenie v makedonskom voennom iskusstve epohi Aleksandra Velikogo*. Tula: TGPU im. L. N. Tolstogo.
- Konijnendijk, R. (2017) *Classical Greek Tactics: A Cultural History*. Leiden – Boston: Brill.
- Lane Fox, R. (1973) *Alexander the Great*. London: Folio Society.
- Le Bohec-Bouhet, S. (1999) "L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C.", P. Brun, dir. *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris: Armand Colin, 73-96.
- Liotsakis, V. (2019) *Alexander the Great in Arrian's Anabasis: A Literary Portrait*. Berlin – Boston: de Gruyter.
- Luccioni, J. (1947) *Les Idées politiques et sociales de Xénophon*. Paris: Publications de la Sorbonne.
- Luraghi, N. (2016) "Xenophon's Place in Fourth-Century Greek Historiography", M.A. Flower, ed. *The Cambridge companion to Xenophon*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 84-100.
- Mahlayuk, A.V. (2006) *Soldaty rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaya mental'nost'*. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Izdatel'stvo Akra, 2006.

- Markle, M.M. (1977) "The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor", *American Journal of Ancient History* 81.3, 323-339.
- Matthew, C.A. (2015) *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley: Pen & Sword.
- McGroarty, K. (2006) "Did Alexander the Great read Xenophon?", *Hermathena* 181, 105-124.
- Mitchell, L. (2013) "Alexander the Great: Divinity and the Rule of Law", L. Mitchell, C. Melville, eds. *Every Inch a King: Comparative Studies on Kings and Kingship in the Ancient and Medieval Worlds*. Leiden – Boston: Brill, 91-108.
- Mueller-Goldingen, C. (1995) *Untersuchungen zu Xenophons Kyrupädie*. Stuttgart – Leipzig: Teubner.
- Müller, S. (2021) "Alexander at Naqsh-e Rostam? Persia and the Macedonians", J. Walsh, E. Baynham, eds. *Alexander the Great and Propaganda*. London – New York: Routledge, 107-128.
- Münscher, K. (1920) *Xenophon in der griechisch-römischen Literatur*. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung.
- Nefyodkin, A.K. (2019) *Konnica epohi ellinizma*. SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gercena.
- Noguera Borel, A. (1996) "L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse", *Ancient Macedonia* 6. Sixth International Symposium, Vol. 2. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 839-850.
- O'Brien, J. (1994) *Alexander the Great: The Invisible Enemy*. London – New York: Routledge.
- Pédech, P. (1984) *Historiens, compagnons d'Alexandre: Callisthène, Onésicrite, Néarque, Ptolémée, Aristobule*. Paris: Belles Lettres.
- Pritchett, W.K. (1971) *The Greek State at War*. Part I. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- Rohrbacher, D. (2002) *The Historians of Late Antiquity*. London – New York: Routledge.
- Rüstow, W., Köchly, H. (1852) *Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus*. Aarau: Verlags Comptoir.
- Sears, M.A. (2019) *Understanding Greek Warfare*. London – New York: Routledge.
- Sekunda, N. (2007) "The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces", P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby, eds. *The Cambridge history*

- of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 325-357.
- Sidnell, P. (2006) *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*. London – New York: Hambledon Continuum.
- Snodgrass, A.M. (1967) *Arms and armor of the Greeks*. Ithaca – New York: Cornell University Press.
- Stadter, P.A. (1980) *Arrian of Nicomedia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Stark, F. (1958) *Alexander's Path from Caria to Cilicia*. London: John Murray.
- Tarn, W.W. (1930) *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tatum, J. (1989) *Xenophon's Imperial Fiction: On The Education of Cyrus*. Princeton: Princeton University Press.
- Wheeler, E.L. (2007) "Archaic and Classical Greece: Land battle", P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby, eds. *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 186-223.
- Wiesehöfer, J. (1987) "Kyros und die unterworfenen Völker. Ein Beitrag zur Entstehung von Geschichtsbewusstsein", *Quaderni di Storia* 13.26, 107-126.
- Williams, F. (1996) "Xenophon's Dana and the Passage of Cyrus' Army over the Taurus Mountains", *Historia* 45.3, 284-314.
- Wrightson, G. (2019) *Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors*. New York: Routledge.

ТРАКТАТ ГАЛЕНА «О КОСТЯХ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ»

И.В. ПРОЛЫГИНА

Небольшой трактат Галена (129–210/217 гг. н.э.) «О костях для начинающих» («De ossibus ad tirones») — одно из самых известных сочинений, входящих в серию так называемой «малой анатомии» Галена. Оно было написано около 180 г., в первый римский период Галена, и по замечанию самого автора предназначалось для личного использования друзьями и учениками (*Libr. propr.*, prol. 6, 9; I, 5; *De ord. libr.* I, 2). Позднее, во второй римский период, Гален исправил и собрал сочинения «для начинающих» в единый корпус текстов, чтение которых служило введением в изучение медицины (*Libr. propr.*, prol. 8; I, 1).

Это сочинение интересно тем, что Гален приводит в нем одну из первых анатомических номенклатур, терминология которой и по сей день лежит в основе современной остеологии. Начиная с VI в., этот текст входил в Александрийский медицинский канон сочинений Галена, а на протяжении всего Средневековья и эпохи Возрождения был обязательной частью программы различных медицинских факультетов. Такую популярность этому тексту обеспечивал, прежде всего, его небольшой объем и сжатая форма изложения материала в виде учебника-каталога для легкого запоминания (ὁλόμνημα). Медицинская практика была основана на знании природы тела и его функций, поэтому изучение анатомии было первой ступенью в изучении медицины. Возможность исследовать внутреннее строение органов человека была доступна только практикующим врачам во время военных компаний или в гладиаторских школах при лечении различных травм и ранений. Вскрытие человеческих тел во времена Галена почти никогда не

производилось¹, поэтому изучение анатомии происходило либо по книгам, либо на примере диссекции животных, что стало причиной целого ряда ошибочных анатомических заключений.

Гален начинает трактат с обоснования цели изучения костей. По его мнению, их знание полезно, прежде всего, для лечения переломов и вывихов. Перед тем, как перейти к их перечислению и описанию, он предлагает рассмотреть их форму. Одни кости большие, полые и содержат костный мозг, другие — маленькие, крепкие и не имеют полостей и костного мозга. Скелет представляет собой совокупность костей, и особого внимания заслуживают способы их соединения. Кости могут сочленяться между собой посредством симфиза — естественного сращения костей между собой — или посредством суставов. В свою очередь, существует два типа суставов: диартроз и синартроз. Среди диартрозов есть три разновидности: энартроз, артродия и гинглим. А синартроз подразделяется на шов, скрепление и слаженность. Соединение костей посредством симфиза тоже может быть различным — либо непосредственным, либо посредством плоти (сиссаркоз), хряща (синхондроз) или нервов (синневроз). После изложения общей классификации типов соединений костей с определениями основных терминов Гален переходит к описанию каждой кости человека в порядке *a capite ad calcem*. Последовательно рассматриваются кости головы (гл. I), скуловая кость (гл. II), кости верхней челюсти (гл. III), кости носа (гл. IV), зубы (гл. V), кости нижней челюсти (гл. VI), кости позвоночного столба (гл. VII), шейные позвонки (гл. VIII), грудные (гл. IX) и поясничные (гл. X), крестцовая кость (гл. XI), копчик (гл. XII), кости грудной клетки (гл. XIII), лопатки (гл. XIV), ключицы (гл. XV), плечевая кость (гл. XVI), предплечье (гл. XVII), запястье (гл. XVIII), пясть и пальцы (гл. XIX), кости, сочлененные с крестцовой костью (гл. XX), бедренная кость (гл. XXI), голень (гл. XXII), надколенник (гл. XXIII), кости стопы (гл. XXIV).

Несмотря на некоторые ошибки, например, в описании строения черепа и крестцовой кости, которое основано на анатомии животных, в целом систематический характер остеологии Галена в этом трактате не утратил своей актуальности вплоть до XIX в.

---

¹ Lloyd (1973); Boudon (1994). P. 1446.

В отличие от большинства своих других трактатов Гален не приводит в этом тексте никаких цитат других авторов и не вступает в полемику, предлагая начинающим изучать медицину исчерпывающую и детальную информацию о строении человеческого скелета.

Русский перевод выполнен по изданию: Galien. Les os pour les débutants. L'anatomie des muscles. T. VII. / Texte établi et annoté par I. Garofalo. Paris: Belles Lettres, 2005.

ΓΑΛΗΝΟΥ ΠΕΡΙ ΟΣΤΩΝ ΤΟΙΣ ΕΙΣΑΓΟΜΕΝΟΙΣ

ГАЛЕН О КОСТЯХ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

1а. 1. Я утверждаю, что врач должен знать, какова каждая из костей сама по себе и как она соединяется с другими костями, если он хочет правильно лечить их переломы и вывихи. 2. Ибо совершенно очевидно, что, как и во всех областях медицины, целью необходимо иметь естественное [состояние]¹. И тот, кому это неизвестно, не будет знать ни того, каким образом пораженные [части] отклоняются от природы, ни того, как следует приводить их в естественное состояние; так что он не сможет ни распознать болезни, ни правильно их лечить. 3. Кости — самые твердые и сухие части живого существа и, так сказать, самые землистые². Они расположены внутри и служат словно бы опорой для остальной сущности тела подобно неким основаниям³. Ибо все образуется и крепится на костях. 4. Среди костей одни — большие и имеющие очень большие полости, полные костного мозга; другие — маленькие, твердые и плотные, без костного мозга и какой-либо заметной по-

---

¹ Ср. *In Hipp. de fract.* (Kühn, XVIII, В 337 sq.).

² Ср. *De elem.* (Kühn, I, 453, 11). Речь идет о земле, как одном из четырех первоэлементов.

³ Ср. *De anat. adm.* I, 1 (Kühn, II, 218).

лости. У большинства больших костей на конце есть *эпифизы*¹ других костей, как например, у плечевой кости — сверху, у локтевой — снизу, а у лучевой², бедренной, большеберцовой и малоберцовой костей — с обоих концов. Нижняя челюсть имеет костный мозг, но не имеет эпифиза; из двух ее концов нижний соединяется в *симфизе*³, а верхний имеет два *апофиза*⁴: один — в виде венца, а второй — только в виде шейки. Ибо апофиз отличается от эпифиза тем, что эпифиз представляет собой соединение одной кости с другой, а апофиз — часть целой кости⁵.

5. Быть может, следует сразу сказать и о других терминах, которые мы будем использовать в этом трактате, дабы при их использовании в ходе повествования сказанное не оказалось неясным и не нарушалась связность изложения всякий раз, как мы захотим разъяснить новое [понятие]. Мне кажется, что лучше всего начать именно с этого.

6. У людей полное сочетание всех костей, соединенных друг с другом, называется *скелетом*; так что некоторые называли таким образом даже свои книги⁶, в которых рассуждали о костях. 7. Спо-

---

¹ Эпифиз (ἐπίφυσις) буквально означает «вырост», «приращение». По всей видимости, Гален употребляет этот термин уже в техническом значении, хотя оно и отличается от современного определения. Современная анатомия в длинных (трубчатых) костях различает два концевых отдела, каждый из которых подразделяется на метафиз и эпифиз.

² Лучевая кость (κερκίς) буквально означает «ткацкий челнок» (*Iliad.* XXII.448). В анатомическом значении до Галена этот термин означал большеберцовую кость (Heroph, fr. 129, von Staden 1989: 227; Rufus, *De corp. hum.*, 123; Plut., *Alex.*, 45; Pollux II, 191). Поллукс упоминает о том, что лучевая кость называлась также *παρὰ τῆς χεῖρος* (I, 142). Латинский термин *radius* представляет собой семантическую кальку и встречается уже у Цельса (VIII, 1, 19). См. Skoda (1988). P. 33; Garofalo (2005). P. 39.

³ Симфиз (σύνφυσις) буквально означает «сращение».

⁴ Апофиз (ἀπόφυσις) буквально означает «отросток». Здесь подразумеваются ветвь нижней челюсти, в верхней части которой имеются венозный и мышечковый отросток.

⁵ Об эпифизе Гален подробно рассуждает в *De usu part.* XI, 18 (Kühn, III, 934; Helmreich II, 171, 9).

⁶ В *De anat. adm.* I, 1 (Kühn, II, 220) Гален упоминает о том, что еще они назывались «остеологиями».

соб же их сочленения — двоякий по своему роду: один — посредством сустава, а другой — посредством симфиза. А виды каждого из этих родов и их различия — многочисленны. 8. *Сустав* (ἄρθρον) — это естественное сочетание (σύνταξις) костей, а симфиз — естественное соединение (ἔνωσις) костей. В каждом из этих определений присутствует слово «естественное», потому что кости, подвергнутые искривлению или вывиху, хотя и прилегают друг к другу, но неестественным образом; также как те, которые после перелома срослись благодаря костной мозоли, соединены, но неестественно.

9. Гиппократ же часто называет суставом конец одной из двух сочленяющихся костей, но не всякий, а закругленный и входящий в полость соседней кости¹. 10. Существуют две разновидности суставов: *диартроз* и *синартроз*. Они отличаются друг от друга количеством движения. 11. Ибо *диартроз* есть сочетание костей, которые имеют отчетливое движение по отношению друг к другу, *синартроз* также есть сочленение костей, но их движение не отчетливо и не значительно, а слабо и трудноразлично. 12. И совершенно очевидно, что нет никакой разницы в словоупотреблении [терминов] сочетание (σύνταξις), сочленение (σύνθεσις), соположение (παράθεσις) или связность (ὁμλία) костей. 13. И существуют три вида диартроза: современные врачи называют их *энартроз*, *артродия* и *гинглим*². 14. Упомянутые термины были не совсем типичны для древних врачей. Однако в их сочинениях можно найти выражения «сочленяться внутри» (ἐνερθρῶσθαι) и соединяться друг с другом «посредством сочленения» (ἄρθρωδῶς) и «посредством состыковки» (γυγγλυμοειδῶς); и еще термины «сочлененный» и

¹ Ср. *In Hipp. de fract.* (Kühn, XVIII B, 621, 6).

² Энартроз — разновидность сустава, когда шар глубоко заходит в разъем (Kühn, XVIII, A, 596, 10; XVIII, B, 955, 1). В качестве примера можно привести трехосный чашеобразный тазобедренный сустав. Артродия — когда поверхности только слегка вогнуты и выгнуты. К ним в современной терминологии можно отнести двухосные эллипсоидные, мышелковые, а также плоские суставы (напр., лучезапястный, коленный). Термин ἄρθρωδης встречается у Ксенофонта (*Сул.* IV, 1). Гинглим означает буквально «шарнир», «стык», «паз», термин встречается у Аристотеля (*De anima* 433b). Здесь, возможно, имеется в виду блоковидный сустав, имеющий одну ось вращения (напр. голеностопный), или позвонки. См. Boudon (1994). P. 1450.

«состыкованный». И, возможно, нет ничего неуместного в том, чтобы создавать новые термины ради ясности преподавания, исходя из уже существующих слов.

15. *Энартроз* (ἐνάθρωςις) бывает в том случае, когда воспринимающая полость имеет значительную глубину и входящая в нее головка удлинена. *Артродия* (ἀρθρωδία) — когда полость поверхностная, и головка низкая. 16. Я называю головку удлинённой и низкой, относя каждое из этих [прилагательных] к шейкам, на которых они образуются. А шейки — это узкие отростки костей, которые на конце имеют более толстое и округлое завершение, которое называется головкой. А когда отросток имеет на конце острое завершение, то он называется уже не головкой, а венцом (κορώνη)¹. И нет никакой разницы, если ты назовешь его короной (κορώνον). 17. Среди полостей, которые принимают головки, самая глубокая называется *вертлужной впадиной* (κοτύλη)², и это название привычно для всех врачей, а поверхностную полость некоторые называют *гленоидальной впадиной* (γλήνη)³. Третий вид диартроза, который, как мы сказали, называется *гинглим* (γίγγλυμος), встречается, когда сочetaющиеся между собой кости взаимно входят друг в друга, как бывает у позвонков и в диартрозе между локтем и плечевой костью. И здесь также бывает различие: у позвонков средняя часть входит в каждый из соседних позвонков, тогда плечевая кость и локоть входят друг в друга.

18. Равным образом существует три вида синартроза: *шов*, *скрепление* и *слаженность*. *Шов* (ῥαφή) — это сочленение наподобие портняжного шва, как бывает у костей головы. Стремящиеся к

---

¹ Термин κορώνη буквально означает «ворона». В анатомическом смысле у Гиппократa он означал «венечный отросток плечевой кости» (*Art.* 18). В современной анатомической номенклатуре этот корень сохранился в наименовании отростка нижней челюсти и локтевой кости (processus coronoideus).

² Термин κοτύλη буквально означает «впадина» или «чашка» и представляет собой метафору, заимствованную по внешнему сходству из предметов быта. В анатомическом смысле встречается уже у Гомера (*Iliad.* V, 306–307). См. Skoda (1988). P. 53–54.

³ Термин также встречается уже у Гомера (*Iliad.* XIV, 494) в значении «глазное яблоко» или «зрачок». В значении полости он встречается у Гиппократa, *Art.*, 79. См. Skoda (1988). P. 56.

яности называют его одни — пилообразным сочленением, а другие — «сочетанием до ногтя»¹. Тем самым, я думаю, они хотели показать и напомнить нам: первые — о взаимном вхождении друг в друга зубьев пилы, при котором выступы одного зубца входят в полости другого, а вторые — о взаимном вхождении того, что называется «сочетаться до ногтя». Это вхождение возникает тогда, когда выступы наподобие ногтя входят в подходящие для них полости. 19. *Слаженность* (ἀρμολία) — это синартроз по прямой линии. Так соотносятся между собой некоторые из костей верхней челюсти и с ними — некоторые из костей головы. А *скрепление* (ὑμφοσις) — это синартроз с крепким сочленением. Этот вид двойственный и близкий к симфизу², поэтому, когда что-либо прочно скреплено, у него уже не остается ни малейшего движения, как бывает с зубами. Однако очевидно, что зубы не остаются в симфизе с альвеолами, когда их вырывают или они сами выпадают.

20. Поскольку мы сказали о всех различиях и видах, касающихся сустава, далее следовало бы сказать и о *симфизе*. У него также есть два первых различия. Ибо одни кости соединяются [непосредственно] между собой, а другие — посредством других костей. Между собой соединяются кости более пористые и мягкие, а посредством других костей — более сухие и плотные. 21. Этот симфиз посредством других костей в целом имеет три различия. Их названия не древние³. Тот, кто желает использовать современные названия, может называть *синхондрозом* сращение посредством хряща, *синневрозом* — соединение посредством сухожилия (νεῦρον) и *сиссаркозом* — посредством плоти.

22. Но поскольку мы упомянули слово *жилы* (νεῦρα), то хорошо бы и им дать определение. Итак, мы сказали, что существует

¹ То есть, точным, идеальным сочетанием. Выражение εἰς ὄνυχα ἀφικνεῖσθαι, букв. «доходить до ногтя», «подвергаться проверке ногтем» происходило из области скульптурной техники и означало «заканчивать тщательной отделкой».

² Под симфизом (σύνφυσις) подразумевается соединение или сращение между костями.

³ Термины синхондроз (συνχόνδρωσις) и синневроз (συννεύρωσις) встречаются только у Галена; сиссаркоз (συσσάρκωσις) засвидетельствовано у Орибазия (*Coll.*, XLIV, 23. 47), но в другом значении.

три рода жил, и ничто не мешает назвать их различиями или видами. 23. Одни называют произвольными: они берут начало из головного и спинного мозга, другие — связующими: они происходят из костей. Третья их разновидность называется сухожилием и рождается от мышц. 24. И дабы избежать здесь какой-либо неясности вследствие омонимии, те жилы, которые рождаются из головного и спинного мозга, мы называем *произвольными* (προαιρετικά); те, что происходят из мышц — *сухожилиями* (τένοντας); а те, что из костей — *связками* (συνδέσμους). 25. Вслед за этой договоренностью о терминах пора уже сказать и о каждой кости в отдельности, начав с черепа. Ибо таким образом называют кость головы.

Ιβ. О костях головы

1. Прежде мы уже сказали, что *черепом* (κράνιον) называется кость головы и что на нем существуют некие швы¹. А о том, каково число, природа и вид каждого из этих швов, сказано еще не было, но будет сказано далее; и прежде всего о том, что их положение и число меняется в зависимости от формы головы. 2. Существует естественная форма головы, которая более всего похожа на вытянутый шар, и еще одна — так называемая заостренная. И вот, естественная форма, склоняясь в значительной степени вперед и назад, имеет на себе все три шва: два поперечных, один из которых расположен на *затылке* (ίνιον), а другой на *темени* (βρέγμα), и помимо них еще третий вдоль головы, который простирается от середины заднего шва к середине переднего шва. И шов в передней части называют *венечным* (στεφανιαίαν), потому что главным образом на эту часть головы возлагают венки, а задний — *лямбдовидным* (λαβδοειδῆ), потому что по своей форме в целом он похож на букву Λ. А сама форма трех швов более всего напоминает букву Н².

---

¹ Термин шов (ράφη) встречается уже у Гиппократы (*De cap. vuln.*, I), который дает его точное определение. Латинская калька sutura встречается у Цельса (VIII, 1, 2 и 4, 3). О швах и их функциональной характеристике Гален упоминает также в *De usu part.* IX, 17 (Helmreich II, 49). В современной анатомической терминологии raphe обозначает шов мягких тканей, тогда как sutura — костный шов.

² Имеется в виду заглавная буква греческого алфавита «эта» (Η).

3. Швы черепа, сформированного естественным образом, расположены названным способом. А швы заостренной формы расположены следующим образом. Когда задний выступ утрачивается, то вместе с ним утрачивается и лямбдовидный шов, а когда передний, то — венечный. И в каждом из двух случаев форма оставшихся швов подобна букве Т. 4. А когда исчезают оба выступа, то два остающихся шва пересекают друг друга под прямым углом по типу буквы Х. 5. Поперечный шов расположен главным образом по середине головы, а продольный простирается сзади кпереди, как у всех других черепов. Ибо продольный шов сохраняется всегда, тогда как другие швы меняют свое [положение] в соответствии с изменениями формы всей головы. 6. Еще есть две другие линии параллельные этому продольному шву, которые простираются сзади кпереди над ушами¹. Они образованы двумя сообщающимися между собой костями, но не имеют формы шва как выше-названные. 7. Постепенно истончаясь до чешуи, кость, которая спускается от темени, заходит под кость, которая поднимается снизу от ушей. Вот почему некоторые не называли эти линии просто швами, но или чешуйчатыми швами или чешуйчатыми слипаниями. 8. Что касается нас, то мы ради ясности учения будем называть эти околоушные линии *чешуйчатыми* (λεπίδοειδείς) швами. Таким образом, существует пять отличительных швов головы: лямбдовидный, венечный, прямой продольный² и два ему параллельных, расположенных на чешуевидных костях.

Затем есть еще два другие шва, общие с верхней челюстью и костью, расположенной посередине двух [других костей]³, которую одни относят к голове, а другие к верхней челюсти.

9. И я расскажу тебе теперь, каков вид этой кости, какова величина и в каком месте она располагается. Нижние концы краев лямбдовидного шва простираются до основания головы, спускаясь между каменистыми костями и суставом первого позвонка. 10. Здесь они соединяются некоторой короткой линией в поперечном направлении. И, во-первых, представь, что эта линия сообщается с головой и костью, о которой мы рассуждаем. Ведь эта линия, под-

¹ Имеются в виду верхние височные линии (или чешуйчатые швы).

² Речь идет о сагиттальном шве.

³ Имеются в виду клиновидные кости (ossa sphenoidalia).

нимаясь с двух сторон к височным полостям, доходит до того же места, что и спускающиеся туда концы венечного шва. 11. Затем, повернув оттуда снова вниз и отклонившись к крайним зубам, она доходит до внутренней части неба, соединяясь сама с собой. И кость, ограниченная вышеупомянутым швом, расположена подобно некоему клину между головой и верхней челюстью¹. 12. Часть линии, которая восходит к концам венечного шва, сообщается с головой; а та часть, которая нисходит с каждой стороны к небу, образует границу между верхней челюстью и *клиновидной* (σφηνοειδοῦς) костью. Пусть она так называется ради ясности учения. У этой кости есть *крыловидные* (πτερυγώδεις) отростки вместе с полостями с каждой стороны.

13. А другой шов головы, который ограничивает ее у верхней челюсти, берет начало от височных полостей там, где встречаются, как было сказано, общий шов головы и клиновидной кости с концами венечного шва. Оттуда этот шов простирается к глазницам² и, проходя посреди них, соединяется сам с собой между бровями.

14. Таким образом, в голове в целом существует всего шесть костей, не считая клиновидной: две в области темени³, имеющие общий шов — прямой и продольный; ниже [располагаются] две другие кости, по одной около каждого уха⁴; пятая кость вдобавок к этим — в области затылка и шестая — в области лба. 15. Теменные кости ограничены сзади сторонами лямбдовидного шва, а спереди — венечным швом, снизу — чешуйчатыми швами, а сверху — прямым продольным швом.

Следующие за ними кости, которые располагаются около каждого уха, отграничены сверху чешуйчатыми швами, сзади — отростками сторон лямбдовидного шва, а спереди — общим швом

---

¹ Имеется в виду клиновидная кость (os sphenoidale) черепа. Латинский калькированный термин os cuneiforme в современной анатомии относится к клиновидным костям стопы.

² Термин ὥρα τῶν ὀφθαλμῶν у Галена означает глазницу (лат. orbita), см. Skoda (1988). P. 135.

³ Имеются в виду теменные кости (ossa parietalia). Термин βρέγμα у Гиппократы (*De cap. vuln.*, 2) и Аристотеля означал темя или верхушку головы. В значении теменной кости этот термин впервые встречается у Галена.

⁴ Имеются в виду височные кости (ossa temporalia).

головы и клиновидной кости. Теменные кости — четырехсторонние, а следующие, о которых было сказано — трехсторонние. 16. Пятая кость головы, затылочная, ограничена лямбовидным швом вместе с его отростками и швом, который, как мы сказали, их соединяет. И эта кость содержит в себе самое большое из отверстий головы возле первого позвонка. И, наконец, лобная кость ограничена венечным швом и общим швом головы и верхней челюсти. 17. И из этих шести названных костей теменные кости — самые пористые и слабые, самая плотная и крепкая — затылочная кость, а лобная кость — средняя между ними.

18. Каждая из двух оставшихся костей около ушей бывает различной. Ибо одна их часть называется *каменистой* (λιθοειδής)¹, что справедливо. Она ограничена удлинненными краями лямбовидного шва. И в ней находится *шиловидный* (στυλοειδής) отросток², который я называю игловидным и грифельвидным и который окаймляет слуховой проход. 19. Другая следующая за ней часть образована отростками — так называемым *сосцевидным* (μαστοειδῆ) и еще *скуловым* (τοῦ ζυγώματος). И третья часть на этой кости — *височная* (κατὰ τὸν κρόταφον). 20. А об отверстиях головы³ будет сказано в анатомии сосудов и нервов. Ибо они образованы ради них и через каждое из этих отверстий проходит или артерия, или вена, или нерв, или по отдельности или все вместе.

II. О скуловой кости

1. Перед височной мышцей расположена кость, которая содержит посередине косой шов, так что вся его задняя часть прилегает к кости головы, где находится ухо, а передняя часть — к концу брови около маленького угла глаза. Вся эта кость называется *скулой* (ζυγώμα)⁴.

¹ Латинская калька этого термина (греч. λιθοειδής) petrosus, «каменистый» употребляется до сих пор.

² Имеется в виду «височный шиловидный отросток» (processus styloideus temporalis).

³ Об отверстиях головы Гален рассуждает в *De usu part.* XI, 10. Также сохранилось два трактата Галена — «Об анатомии нервов» (*De nerv. diss.*, Kühn II, 831-856) и «Об анатомии вен и артерий» (*De ven. art. diss.*, Kühn II, 779-830).

⁴ Речь идет о скуловой дуге.

III. О костях верхней челюсти

1. Итак, выше мы сказали о швах, отграничивающих *верхнюю челюсть* (ἄνω γένυς) от головы и клиновидной кости. А далее будем говорить о швах самой челюсти. Но сначала, может быть, лучше разъяснить употребление слова «шов» у современных анатомов. 2. Ибо обычно они называют швами слаженные сочленения¹, что вполне справедливо. В самом деле, невозможно найти на всех черепях в равной мере строго зазубренного сочленения во всех швах, но иногда в одном и том же сочетании [костей] на одном черепе можно увидеть шов, а на другом слаженность. Однако мы сами, часто рассекая некоторые из таких костей, взаимно входящих друг в друга в глубине, обнаружили, что их сочленение больше похоже на шов, чем на слаженность. Поэтому можно без всякого сомнения все [такие сочленения] называть швами.

2. Первый шов верхней челюсти расположен под отростком скуловой кости. И одна его часть заканчивается, уходя назад в полость, расположенную под самой скуловой костью, и соприкасаясь здесь со швом общим с клиновидной костью. 3. А другая его часть, поднимаясь вертикально по косой линии к глазницам, доходит до середины их нижней дуги². Затем, снова разделяясь на три части, она восходит одной частью к межбровью около большого внешнего угла глаза, другой частью, следующей за первой, она достигает через полость, расположенную под самым углом глаза, общего с головой шва; так что сам угол глаза и расположенное под ним естественное отверстие³, которое представляет собой самое большое отверстие из всех существующих в этом месте, охватываются двумя названными швами. 4. Третья часть вышеназванного разделения, переходя за нижний выступ глазницы, уходит по прямой глаубоко внутрь и здесь соединяется с общим с головой швом.

---

¹ Выше Гален пояснял, что «слаженность — это синартроз по прямой линии» (Ia, 18).

² Имеется в виду скуловерхнечелюстной шов (sutura zygomaticomaxillaris).

³ По всей видимости, перепутаны клиновиднонебное отверстие и слезный канал, см. *De usu part.* (Helmreich II, 25; II, 95), Garofalo (2005). P. 53, n.1.

Таким образом, с каждой стороны — справа и слева — существует три кости верхней челюсти, которыми она крепится к голове. 5. И самая большая из них — кость возле скулы. И действительно, она охватывает собой часть виска, брови и глазницы и включает в себя весь малый угол глаза, спускаясь до так называемой щеки¹. 6. За этой костью по местоположению и размеру следует кость, которая располагается возле самого глаза. В ней содержатся жилы, простирающиеся к верхней челюсти. А самая маленькая из всех костей находится в области большого угла глаза. 7. Некоторые из анатомов пишут, что эти три кости представляют собой одну² — то ли вовсе не зная о двух швах, которые ответвляются к корню глаз, то ли сознательно опускают эти вещи как малозначимые.

8. Под всеми этими швами с каждой стороны находится одна кость, расположенная под тремя вышеназванными костями и довольно значительная по размеру. И, действительно, то, что называется щекой, есть только часть этой кости, а также альвеолы всех зубов, кроме резцов. 9. И их ограничивают четыре шва: сверху — шов, который, как мы сказали чуть выше, простирается от скуловой кости к межбровью; снизу — прямой шов в середине неба; два остальных шва соединяют два предыдущих: один начинается от межбровья, простирается вдоль носа и выходит между так называемыми клыками и резцами, а другой шов имеет одну часть общую с клиновидной костью, которая огибает последний зуб, а другая часть — его собственная, пока он не соединится с прямым швом неба.

10. Рядом с этими костями, весьма большими, как было сказано, располагаются две другие кости³, маленькие, благодаря которым нос соединяется с небом. 11. Их пределы таковы: собственная часть вышеназванного шва и поперечный шов клиновидной кости, который находится между крайними зубами. Эти швы отделяют их

¹ Видимо, речь идет о скуловой кости, отростке верхней челюсти.

² Гален сам упоминает об одной кости в *De usu part.* (Helmreich II, 180, 9-10).

³ Имеются в виду решетчатые кости (*ossa ethmoidalia*). Для обозначения этой кости у Галена встречается термин ἡθμοειδής (от ἡθμός — сито, решето), но чаще он использует термин σπογγώδης, «губчатый», «ноздреватый» (*De usu part.* VIII, 7: Helmreich I, 472, 22-26), который встречается еще у Гиппократы (*Gland.*, 1).

от окружающих их костей, а между собой они разграничены прямым швом неба.

IV. О носе

1. Костей *носа* (ρίς) также две. Они разграничены швами, спускающимися от межбровья, которые в только что предложенном рассуждении о самых больших костей я посчитал все третьими. В самом носу существует некий отличный от них третий шов, общий с собственными костями носами, который начинается от межбровья и прямо простирается через весь нос. Нижний край этих костей имеет эпифиз из хрящевидных тонких тел, которые называются крыльями.

2. И, наконец, есть одна кость на конце челюсти, в которой содержатся корни резцов и их альвеолы. Эта кость кажется, как правило, простой из-за строгой слаженности составляющих ее [частей]; однако иногда на хорошо обработанных скелетах отчетливо виден шов, протянувшийся по прямой к шву, который проходит через все небо.

3. Итак, уже стало ясно, что существуют обоснованные разногласия относительно числа костей верхней челюсти. Ибо одни причисляют к ним не шесть, а [только] две первые из всех, пренебрегая теми маленькими костями, которые находятся внутри возле самих глаз. А другие относят к большим костям даже те кости, которые расположены около носового прохода. Есть и те, кто их различает, но полагает, что обе эти кости образуют единое [целое]. 4. Кроме того, как уже было сказано, некоторые утверждают, что кость на вершине челюсти¹ простая, тогда как другие считают, что она состоит из двух костей. Но прежде всего прочего большинство [анатомов] причисляют клиновидную кость к костям верхней челюсти². 5. Поэтому, если бы кто захотел назвать наибольшее число костей верхней челюсти, то он сказал, что их всего пятнадцать, а если бы он сократил их до наименьшего числа, то их было не более восьми.

---

¹ Речь идет о так называемой premaxilla — кости, которая встречается у обезьян, ср. *De usu part.* (Helmreich II, 177), Garofalo (2005). P. 56, n. 2.

² В *De usu part.* (XI, 20) Гален упоминает о том, что некоторые считают эту кость костью головы.

6. Я последовательно перечислю все эти кости, начав с первого разделения на пятнадцать. Первых костей из упомянутых нами будет шесть. Они ограничены общим с головой швом и швом, который поднимается от висков под скуловой костью и нижними веками глаз к межбровью. Вслед за ними две большие кости, в которых находятся, как мы сказали, щеки и почти все зубы, и еще две кости у носовых проходов. Затем, еще две кости самого носа и, кроме того, еще две кости на вершине верхней челюсти, в которых располагаются резцы. И, прежде всего, клиновидная кость, единственная из всех не имеющая пары.

7. Деление на восемь костей верхней челюсти следующее: первые шесть костей считаются двумя, [две] кости на вершине верхней челюсти считаются одной, также как и кости у носовых проходов, еще две собственные кости самого носа, и последние две кости — самые большие кости во всей челюсти, в которых находятся скулы и почти все зубы, как было сказано выше.

V. О зубах

1. К костям следует причислять и *зубы* (ὀδόντες), даже если некоторые из софистов иного мнения. Впрочем, они были бы правы, если убеждали нас называть их не так, но давать им какое-нибудь другое название. 2. Однако совершенно очевидно, что называть их хрящами, или артериями, или венами, или жилами не подобает и, тем более жиром, или волосами, или плотью, или железами, или какой-либо иной из частей тела вообще. 3. Но если мы не будем говорить о них ни в анатомии вен, ни в анатомии артерий, нервов, мышц и внутренностей, ни в настоящем трактате о костях, мы не скажем о них вообще никогда. Стало быть, следует послать софистов подальше.

4. В каждой челюсти существует 16 зубов: четыре передних, называемых *резцами* (τοῖς), которые имеют все по одному корню; далее с каждой стороны есть *клыки* (κυνόδοντες), которые также имеют один корень; затем следуют *коренные* (ὀμόφυοι) зубы, по пять с каждой стороны — те, что на верхней челюсти, имеют три корня, а те, что на нижней — два корня, хотя на верхней челюсти часто встречаются коренные зубы с четырьмя корнями, а на нижней — с тремя корнями, особенно, первые два из всех них, [если

считать] изнутри, реже — третий. Но у некоторых вырастает с каждой стороны не пять, а четыре коренных зуба. Они называются не только *коренными*¹, но и *мельницами*² (μύλαι), словом женского рода, получив это название метафорически, как я думаю, потому что мы растираем и измельчаем ими пищу подобно тому, как мельничными камнями растираем плоды Деметры. 5. Также и *клыки*³, будучи в высшей степени схожи с зубами собак, получили от них свое название. А *резцы* были названы так оттого, что они режут подобно ножу ту пищу, которую можно разрезать. И очевидно, что разрезать можно мягкую пищу, для которой они и созданы природой, также как для твердой пищи она создала клыки, которые способны не резать, а рвать. Все зубы закреплены в ямках альвеол⁴: альвеолами называются содержащие их кости, а ямками — полости, в которых они укреплены. И среди костей только зубы принимают от мозга мягкие нервы⁵, потому только они имеют ярко выраженную чувствительность.

VI. О костях нижней челюсти

1. Кость *нижней челюсти* (κάτω γένυς) вовсе не простая, как можно было бы подумать. В самом деле, если ее выварить, то она распадается на вершине подбородка, так что становится отчетливо видно, что она имеет сращение⁶. Часть, которая простирается к

---

¹ Термин γομφίος, «коренной зуб» происходит от глагола γομφόω, «скреплять, сколачивать».

² Современное название коренных зубов «моляры» происходит от латинского (dens) molaris с тем же корнем mol-, «молоть, размалывать», что и греч. μύλ-.

³ Буквально «собачьи зубы». О наименовании этих зубов встречается упоминание в «Афоризмах» Гипократа (III, 25) и изречениях Эпихарма (21, 3 Kaibel).

⁴ Греческие термин для обозначения альвеол φάτνια буквально означает «маленькие ясли». Он встречается до Галена у Сорана (II, 49, 3). См. Skoda (1988). P. 89.

⁵ Видимо, имеется в виду тройничный нерв.

⁶ По всей видимости, Гален описывает строение нижней челюсти обезьяны, поскольку нижняя челюсть у человека является непарной костной структурой.

головке¹, оканчивается двумя концами. У острого конца она принимает сухожилие, которое спускается от височной мышцы, а у другого присоединяется к кости головы под сосцевидным отростком, проникая по некоей мышцелковидной окружности в расположенную в этом месте суставную ямку.

VII. О позвоночнике

1. Во всем *позвочнике* (ράχις) — двадцать четыре *позвонка* (σπόνδυλοι). Ибо большее или меньшее число противоестественно, также как головы заостренной формы. 2. Полное сочленение подразделяется на шею, спину, поясницу и крестцовую кость. Шея соединяется с головой; затем располагается спина, которая имеет такую же длину, как и грудная клетка². То, что остается внизу, называется поясницей. А на ее конце находится так называется крестцовая кость³, а некоторые называют ее широкой. 3. Шейных позвонков — семь, спинных — двенадцать, поясничных — пять. Сначала мы скажем о позвонках выи. Ибо неважно, как ее называть — шейей или выей.

VIII. О шейных позвонках

1. Два первых *шейных* (κατὰ τὸν αὐχένα) позвонка сочленены целиком, тогда как передняя часть пяти других позвонков соединена крепкой связкой. Ибо их соединяет не хрящ, как думают некоторые, а *перепонка* (χιτών), которая окружает с внешней стороны две *мозговые оболочки* (μήνιγγας) спинного мозга, вторгаясь в область между [каждой парой] позвонков и становясь общей для них связкой. Так обстоит дело со всеми позвонками, кроме двух первых, как было сказано.

2. Голова имеет два вида движений: один — когда мы наклоняем ее вперед и назад, а другой — когда мы вращаем ее в разные стороны. И первое движение осуществляет главным образом кос-

---

¹ Имеется в виду головка нижней челюсти.

² Ср. Gal. *Ars med.* X, 5: «Грудная клетка прикрепляется к той его [позвоночного столба — прим. пер.] части, которая расположена в верхней области спины, как корабль к килю, так что она неизбежно будет иметь длину равную верхней области спины».

³ Буквально, «священная кость» (τὸ ἱερὸν ὄσθον).

точковидный отросток второго позвонка, а второе — сочленение первого позвонка с венцами головы¹. 3. Но эти движения совершаются благодаря латеральным частям первого позвонка и самой головы. Косточковидный отросток — восходящий, он начинается в передних частях второго позвонка и связан с головой при помощи некоей крепкой и одновременно круглой связки². Первый позвонок предоставляет этому отростку подходящее место, на которое он прочно опирается, и еще одна поперечная связка, которая рождается в самом первом позвонке, располагается на нем с внутренней стороны. 4. Некоторые называют этот отросток *зубовидным* (ὀδοντοειδῆ)³. А Гиппократ из-за этого отростка некогда назвал зубом и весь второй позвонок целиком⁴. 5. Первый позвонок имеет еще две другие *расширенные полости* (κοιλότητες ὑληνοειδεῖς), с нижней стороны, подобные тем, которые с верхней стороны; но верхние полости — больше, что вполне справедливо, поскольку они сочленяются с головой, а нижние, которыми он окружает второй позвонок, меньше. 6. Первый позвонок — самый толстый и в то же время самый тонкий; следующий за ним — уже, но крепче. Таким образом, и все другие последующие. Ибо насколько спинной мозг становится тоньше, расточаясь на ответвления нервов, настолько убывает величина нижних позвонков, поскольку она равна толщине содержащего в ней спинного мозга. Это характерно для всех позвонков, а также для латеральных отростков и еще для восходящих и нисходящих отростков, по которым позвонки сочленяются друг с другом. Другие черты [позвонков] по большей части общие, в некоторых случаях они различаются, о чем я скажу далее.

7. Все позвонки обладают задним отростком, который мы называем «шипом»⁵, кроме первого: только у него есть маленький отросток спереди. Среди всех других только шейные позвонки имеют латеральные отростки всегда с отверстиями, кроме седьмого, который последний среди них; но редко и у него можно обнаружить отверстия. 8. И только у шейных позвонков те же самые

---

¹ То есть венечными отростками.

² Имеется в виду поперечная связка атланта.

³ Речь идет о зубе осевого позвонка.

⁴ Hippoc. *Epid.* II, 2, 24 (Littré V, 96, 2).

⁵ См. Herod. IV, 72; Hippoc. *Art.* 14 и 45.

отростки несколько раздвоены за исключением первых двух, ибо у них они простые. У шестого позвонка они отчетливо двойные и самые большие среди всех других, также как и сам позвонок — самый большой. А один из отростков, внутренний — достаточно широкий. 9. Передняя часть каждого позвонка, с помощью которой они срастаются друг с другом, удлинена, особенно в шейных позвонках за исключением первого. 10. И что касается нервов, которые рождаются из спинного мозга и проходят через сочленения позвонков, то каждый из шейных позвонков в равной степени имеет отношение к их каналу, а у всех других позвонков только верхний позвонок — или в значительной степени, или полностью.

IX. О позвонках спины

1. Выше мы уже сказали о том, что существует двенадцать *грудных* (τοῦ θώρακος) позвонков. Однако изредка у некоторых можно обнаружить один недостающий или избыточный, и среди них избыточный встречается реже, чем недостающий. Все эти позвонки имеют весьма большие шиповидные отростки вплоть до десятого; не менее большие латеральные отростки, с помощью которых они сочленяются с ребрами. 2. Само же их тело в области первого позвонка слегка удлинено книзу, а у последующих это удлинение постепенно исчезает. И вот, еще они имеют шип до десятого позвонка, обращенный сверху вниз, подобно шейным позвонкам. И наоборот, начиная с десятого позвонка шип принимает наклон снизу вверх, не очень отчетливый в двух первых позвонках, следующих за десятым, и отчетливый во всех других. 3. То же самое происходит в латеральных отростках: те, которые находятся над десятым позвонком, всегда склоняются вниз, а те, которые после него — вверх; только отростки десятого позвонка не имеют никакого наклона. Ибо этот позвонок единственный обладает не только восходящими, но и нисходящими отростками, заканчивающимися *мышцелковидными* (κοινδύλωδη) концами, также как первый из шейных позвонков имеет две *расширяющиеся* (ὑληνοειδεῖς) [полости]. А что касается других позвонков, то те, которые находятся над десятым позвонком, имеют восходящие отростки мышцелковидные, а нисходящие — расширяющиеся; а у тех, которые ниже десятого позвонка — все наоборот.

Х. О поясничных позвонках

1. О *поясничных* (κατὰ τῶν ὀσφύων) позвонках почти все уже было сказано — то, что их пять; что они самые большие из всех и самые толстые, что внутреннее отверстие каждого позвонка — узкое, а спинной мозг в них — тонкий. 2. И прежде также было сказано, что их отростки наклонены вверх, и что нерв проходит только через вышерасположенный позвонок, и что среди восходящих и нисходящих отростков, которыми они соединяются друг с другом, концы верхних отростков расширяющиеся, а нижних отростков — мышелковидные. Теперь же мы скажем, имеют ли они какую-то отличительную особенность по сравнению с другими позвонками. 3. И вот, во внутренней части каждого из поясничных позвонков существуют беспорядочно расположенные отверстия, в которые прорастают вены. В других позвонках таких отверстий ты не увидишь вообще, или же они совсем маленькие, тогда как в этих позвонках они видны отчетливо и в большом количестве. 4. Кроме того, у них есть еще один избыточный нисходящий отросток, расположенный около места произрастания нерва. Этот отросток встречается иногда во всех позвонках, а иногда в двух последних, и он или совсем маленький, или его вообще нет. Три верхних позвонка имеют его всегда, также как два последних позвонка спины.

XI. О крестцовой кости

1. *Крестцовая кость* (ἱερὸν ὀστοῦν) также имеет сходство с позвонками, по крайней мере, в ее сочленении с вышерасположенным позвонком; ибо она принимает его нисходящие отростки, также как тот позвонок сам получает отростки предшествующего позвонка. Кроме того, крестцовая кость имеет шип похожий на шип других позвонков. Его боковые отростки — большие и широкие и с внешних сторон имеют некую расширенную полость, в которую входят кости боков. 2. Она состоит из трех частей, словно бы из неких собственных позвонков, к которым прилегает на конце еще одна четвертая кость, которую мы называем *копчиком* (κόκκυξ)¹. Если разделить в процессе разваривания все ее части, то

---

¹ Термин κόκκυξ буквально означает «клюв кукушки». В анатомическом смысле термин впервые встречается у Руфа (*De corp. hum.*, 114).

становится видно, что ее сочленение похоже на сочленения позвонков. 3. Нервы, исходящие из спинного мозга через ее отверстия, выходят к сочленениям словно бы находящихся в ней позвонков, как во всем позвоночнике; но не в боковых частях, а во внутренних и внешних. И всего [в ней] три пары нервов.

ХII. О копчике

1. На конце широкой кости находится другая кость, называемая копчиком. Она также состоит из трех собственных частей, которые более хрящевидны, чем части широкой кости и особенно прилегающей на конце части. И в их сочленениях, в задних частях, проходят нервы: первая пара — в тех частях, где копчик соприкасается с крестцовой костью, вторая — в сочленении первой кости со второй, третья — в сочленении второй кости с третьей. А оставшийся от спинного мозга [нерв] на конце самой третьей кости проходит один без пары.

ХIII. Кости грудной клетки

1. *Грудина* (στέρνον), *ребра* (πλευραί) и спинные позвонки позвоночника представляют собой кости грудной клетки; с каждой стороны — двенадцать ребер, и столько же позвонков; ибо каждое ребро сочленяется посредством диартроза с позвонком, а кости грудины соединены между собой посредством синартроза¹. Их семь, также как ребер, которые сочленяются с грудиной. 2. На нижнем конце грудины вырастает треугольный хрящ. Сочленение каждого из ребер с позвонками происходит следующим образом. Начало ребра входит при помощи мышцелковидного выступа в корень бокового отростка позвонков. Полость, которая вмещает этот выступ — поверхностная и маленькая, и обе они — и полость и начало ребра — в значительной степени склоняются кверху. Затем, ребро опирается на весь боковой отросток и когда находится уже на его конце, производит другое сочленение, которое склоняется

---

¹ Гален высказывает ошибочное суждение, описывая здесь строение грудины у обезьяны. У человека грудина представлена одной костью. Ошибка Галена была отмечена и исправлена Везалием во втором издании *De humani corporis fabrica* 1555: 114; см. Май (1968). Р. 378, Garofalo (2005). Р. 69, п. 1.

книзу, так что ребро имеет двойное сочленение с позвонком. 3. В свою очередь, сочленение ребер с грудиной видно менее отчетливо, однако и оно становится различимо, если устранить окружающие его перепончатые связки. Ибо хрящевидная часть каждого ребра, оканчивающегося мышцелковидной головкой, сочленяется здесь с каждой из костей грудины, которые обладают некоей поверхностной полостью. И их движение столь незначительно, что это сочленение даже можно назвать синартрозом. 4. Часто и в других частях тела сочетания костей бывают двусмысленными, так что мы не знаем, называть ли их сочленение диартрозом или синартрозом.

5. Форма грудины в целом похожа на меч (ξίφος), поэтому некоторые называют ее *мечевидной* (ξιφοειδής) костью; другие дают это название не всей кости, а только хрящу, расположенному на его конце. 6. Форма же ребер ни единая и не простая, ибо после их сочленения с позвонками они, направляясь вперед и вниз и долго сохраняя это направление, снова поднимаются вверх к грудины, делая некий резкий поворот. Поэтому вся их часть до грудины уже не кость, а хрящ. 7. Остальные пять ребер называются ложными; они соединяются с диафрагмой и между собой, заканчиваясь настоящим хрящом. Только последнее ребро отделяется от них на конце, и оно поистине ложное. Ни эти ребра, ни другие не имеют одинаковой длины; но верхние и нижние ребра короче, а средние — длиннее.

XIV. О лопатках

1. *Лопатки* (ὀμοπλάται) находятся за грудной клеткой; они соединяются мышцами с затылочной костью головы, шипом позвоночного столба, ребрами грудной клетки и костью, расположенной перед гортанью. 2. Они достаточно неровные и неодинаковые [во всех своих частях]. Ибо они изогнуты вовне, вогнуты внутри; и их нижнее основание — тонкое и удлиненное, а верхний конец — толстый и короткий. Во многих местах их покрывает хрящ и более всего у основания, откуда начинается некий низкий хребет, который постепенно увеличивается, поднимаясь до облас-

ти *акромиона* (ἀκρόμιον)¹; в этом месте к лопатке посредством си-
нартроза крепится ключица. И некоторые анатомы само их соеди-
нение называют акромионом, а другие утверждают, что помимо
этих двух сочетающихся костей есть еще третья, которая встреча-
ется только у людей, и они называют эту кость *засовом*
(κατακλεις)² или акромионом. 3. Под этим местом находится некий
отросток лопатки, который называется шейкой лопатки, и с его
концом, заканчивающимся в вертлужной впадине³, соединяется
посредством диартроза головка плечевой кости. 4. Есть и еще один
отросток лопатки с внутренней стороны, острый и маленький, ко-
торый одни называют якоревидным, а другие — клювовидным⁴,
потому что его конец склоняется вовне, как клюв вороны.

XV. О ключицах

1. Каждая из двух *ключиц* (κλεις)⁵ соединена диартрозом с
верхним концом грудины, будучи пещеристой и неравномерной по
форме и толщине. Ибо их нижняя часть, которой они соединяются
диартрозом с грудиной, толще других и круглее; следующая за ней
часть намного тоньше, но еще круглее; и вся эта часть совершенно
неравномерна вплоть до места соединения с лопаткой, где она не-
сколько расширяется. 2. Средние части всей ключицы изогнуты
вовне, особенно в тех местах, которые склоняются к лопатке.

XVI. О плечевой кости

1. *Плечевая кость* (βραχίον), самая большая из всех костей за

¹ Акромионом называется вершина плеча.

² См. Hippoc. *Art.*, 13 (Littre IV, 116), Rufus, *De oss.*, 73, 1 (Daremberg, 142). Об этой кости см. также *De usu part.* XIII, 11; *De anat. adm.* V, 3 (Kühn II, 49); см. May (1968). P. 612, n. 51.

³ В современной анатомии это гленоидальная полость. См. Skoda (1988). P. 55.

⁴ Оба термина впервые встречаются у Галена. В современной ана-
томии этот отросток называется processus coracoideus, «клювовидный
отросток».

⁵ Термин *ключица* (κλεις) представляет собой метафору по сходству
кости с засовом и встречается уже у Гомера, *Iliad.* VIII, 325. См. Skoda
(1988). P. 30-32.

исключением бедренной кости, сочленяется посредством диартроза на каждой из своих концов — верхнем и нижнем. Со стороны плеча она имеет отросток, представляющий собой большую головку на маленькой шейке. И в ее передней части находится некая полость похожая на широкий разрез, который разделяет всю головку на две части похожие на *мышцелки* (κόνδυλος)¹; нижний конец заканчивается неравными мышцелками; и с внешним мышцелком соединяется с помощью диартроза головка лучевой кости, а с внутренним не соединяется вообще никакая кость. Поэтому он кажется намного больше внешнего мышцелка, даже если он лишь ненамного больше. 2. На нижнем конце плечевой кости есть полость похожая на полости валиков, вокруг которой движется предплечье. Там, где заканчивается эта полость, в обеих частях находится другая полость на каждом конце, передняя — меньше, чем задняя. 3. Эти полости принимают концы предплечья: в крайних сгибах передняя полость принимает передний конец, а в разгибаниях — задняя полость принимает задний конец. Что касается других частей, то плечевая кость — закругленная; но она не прямая и не равная со всех сторон, ибо изогнута вперед и вовне, и вогнута назад и вовнутрь.

XVII. О предплечье

1. *Предплечьем* (πῆχυς) называется как все сочленение между плечевой костью и запястьем, так и одна из двух костей этого сочленения — та, которая больше² и располагается под другой, называемой *лучевой костью* (κερκίς). И вот эта последняя [локтевая кость] на своем верхнем конце объемлет поверхностной полостью внешний мышцелок плечевой кости; и функция этого диартроза состоит в том, чтобы вращать всей рукой внутрь и наружу. 2. Локтевая кость имеет два отростка в форме клюва вороны, передний из которых — меньше³, а другой — больше¹, и они окружают сигмо-

---

¹ Термин κόνδυλος (букв. кулак) в медицинском значении «мышцелок» встречается еще у Гиппократов (Art., 2) применительно к суставам пальцев. Об этом термине в анатомии и патологии см. Skoda (1988). P. 255-256.

² Имеется в виду локтевая кость.

³ Речь идет о венечном отростке (processus coronoideus) локтевой кости.

видную полость локтевой кости, в которую входит валикообразная округлость плечевой кости, расположенная между ее мышелками; и функция этого диартроза — разгибать и сгибать всю руку. На каждом из своих концов локтевая кость связана с лучевой костью крепкими связками, но в середине кости отстоят друг друга. 3. Каждая из них в частях у запястья имеет эпифиз, выгнутый снаружи и полый внутри; локтевая кость — около маленького пальца, а лучевая — около большого. Запястье входит здесь в полость и сочленяется с ней посредством диартроза. 4. Кроме того, у локтевой кости есть так называемый шиловидный отросток, который также сочленяется с запястьем. Но его функция состоит в том, чтобы производить боковые вращения запястья, тогда как функция другого сочленения — в том, чтобы производить прямые движения, посредством которых мы разгибаем и сгибаем кисть.

XVIII. О запястье

1. *Запястье* (καρπός) состоит из восьми костей, расположенных в два ряда; они все твердые, маленькие, лишены спинномозгового вещества и разнообразны по форме. Ибо, с одной стороны, они выпуклые, с другой — впалые; с одной стороны, прямые, а с другой — закругленные. Все они связаны жилохрящевыми связками, будучи соединены друг с другом синартрозом, а не симфизом, как полагают некоторые. Они слегка изогнуты на внешней поверхности и полые на внутренней. 2. Итак, верхняя часть запястья, состоящая из трех костей и слегка закругленная, соединяется диартрозом с локтевой и лучевой костью, не считая того, что кость запястья, расположенная около маленького пальца², объемлет короткой расширенной полостью шиловидный отросток локтевой кости. 3. Средняя кость³ между ними заняла ровно то пространство, где соединяются друг с другом локтевая и лучевая кости. А третья кость⁴ окружена лучевой костью, будучи двойной. 4. Нижняя часть запястья своими четырьмя костями сочленяется посредством синартроза с пястью и имеет еще

---

¹ Имеется в виду локтевой отросток (olecranon).

² Так называемая трехгранная кость (os triquetrum).

³ Имеется в виду полулунная кость (os lunatum).

⁴ Имеется в виду ладьевидная кость (os scaphoideum).

пятую кость, которая опирается на те части запястья, где как раз находится шиловидный отросток локтевой кости.

ХІХ. О пясти и пальцах

1. Промежуточная область между запястьем и пальцами называется *пястью* (μετακάρτιον); она сочленяется посредством синартроза с запястьем и посредством диартроза с первыми *фалангами* (φάλαγγας)¹ пальцев — ибо так называются кости пальцев, а некоторые называют их палочками (σκυταλίδας)² — и только у большого пальца первая фаланга сочленяется посредством диартроза с самим запястьем латерально. Каждый из пальцев состоит из трех костей, и первая фаланга всегда входит в полость, расположенную в начале следующей. 2. И справедливо, в самом деле, утверждать, что большой палец также состоит из трех костей, и не причислять к пясти его первую фалангу, которая с обеих сторон формирует диартроз, что характерно для первых костей пальцев, а не костей пясти. 3. Поэтому справедливо было бы сказать, что у пясти — четыре кости, а у пяти пальцев — пятнадцать костей. А те, кто причисляет третью кость большого пальца к пясти, говорят, что у пальцев — четырнадцать костей, а у пясти — пять.

XX. О костях, сочлененных к крестцовой кости

1. С боковыми отростками широкой кости, вертикальными и большими, соединяются две кости, которые не имеют названия³, применимого к своей совокупности. Ибо верхние широкие части этих костей называются боковыми костями; внешние и нижние части, которые расположены после вхождения (бедренной кости) — *седалищными* (ισχίον) костями, а части, которые поднимаются оттуда вперед, тонкие, с отверстиями и соединяющиеся на конце друг с другом — *лобковыми* (ἰβης) костями. 2. В каждой из седалищных костей есть весьма большая впадина, которая крепится при помощи очень крепкой связки к головке бедренной кости.

---

¹ Буквально означает «ствол», «бревно».

² См. Rufus, *De corp. hum.*, 84.

³ Так называемые безымянные кости, ossa innominata.

XXI. О бедренной кости

1. *Бедренная* (κατὰ τὸν μηρόν) кость — самая большая из всех костей у живых существ; сверху она сочленяется посредством диартроза с седалищем, а внизу — с большеберцовой костью. И сверху она имеет эпифиз головки, совершенно круглой, на удлиненной шейке, которая склоняется внутрь, а внизу она оканчивается двумя мыщелками, слегка расширяясь. И столь большие мыщелки можно назвать головками. 2. Кроме того, бедренная кость связана с большеберцовой, не только перепончатыми связками, которые окружают весь сустав, но и тремя другими крепкими и вместе с тем круглыми связками: одна протягивается с наружных частей всего сустава, вторая — с внутренних, третья — в промежуточной области между задней и внутренней областью. 3. Бедренная кость в целом по своей форме выгнута вперед и вовне, и вогнута назад и вовнутрь. Она имеет два отростка чуть ниже шейки, которые называют *вертелами* (τροχαντήρας); и внешний отросток, который называется *ягодицей* (γλουτός), — намного больше.

XXII. О голени

1. *Голенью* (κνήμη) называется, с одной стороны, вся часть ноги между коленом и лодыжкой, а, с другой, большая кость этой части [ноги]¹. Эта кость расположена на внутренней стороне, и только с ней сочленяется посредством диартроза бедренная кость. 2. Ибо кость с внешней стороны, называемая *малоберцовой* (περόνη), значительно уступает этой большеберцовой кости в толщине, и длиной не достигает колена. Она сочленяется с большеберцовой костью на обоих концах; а во всей промежуточной области две кости отстоят друг от друга. 3. Но большеберцовая кость там, где она соединяется с бедренной костью, имея на своем конце большой эпифиз, принимает бедренную кость, которая входит в две ее полости; а в середине этих полостей есть некое жилохрящевидное возвышение, которое проникает в пространство между мыщелками, словно в некую глубокую расщелину. Вся передняя часть большеберцовой кости, без плоти и тонкая, называется *антикнемион* (ἀντικνήμιον), а концы этой части с каждой стороны —

---

¹ То есть, большеберцовая кость.

нижняя часть большеберцовой и малоберцовой кости — лодыжка-ми. 4. Наконец, изогнутые, полностью лишенные плоти и выступающие наружу части в этом месте многие совершенно ошибочно называют *астрагалами* (ἄστρογάλλους)¹; ибо астрагал окружен этими частями с двух сторон, будучи полностью скрыт, так что до него невозможно дотронуться; а эти части представляют собой концы апофизов большеберцовой и малоберцовой кости, которые выгнуты снаружи, как можно заметить, и вогнуты внутри.

XXIII. О надколеннике

1. На сочленении бедренной и большеберцовой кости с внешней стороны располагается хрящевидная кость закругленной формы, которая окружает соответствующими полостями выпуклые и как бы мышцеловидные части нижерасположенных костей; а также занимает благодаря короткому выступу широкое пространство между бедренной и большеберцовой костью. Эту кость одни называют *надколенником* (ἐπιγονατίς), а другие — *коленной чашкой*² (μύλη).

XXIV. О костях стопы

1. Астрагал³ окружен вышеупомянутыми апофизами, расположенными на нижних концах большеберцовой и малоберцовой кости, и имеет так называемый *четырёхгранник*⁴ (τέτρωρον), который устремлен вверх. Что касается других его частей, то задние

---

¹ Иначе, таранными костями.

² Термин μύλη буквально означает «мельничный камень». В медицинском смысле встречается уже у Гиппократы (*Off.*, 9).

³ Астрагал (ἄστρογάλλος, лат. talus) иначе называется таранной костью.

⁴ Об этом термине упоминает также Руф (*De oss.*, 38). Таранные кости животных использовались в качестве игровых бабок. Поверхность под названием τέτρωρον, по-видимому, равнялась 4. Далее Гален упоминает еще о грани под названием «хиос» (= 1, сторона большеберцовой кости). Другие стороны упоминаются у Руфа: сторона малоберцовой кости равнялась 6, нижняя сторона пяточной кости называлась «эпитрион» и равнялась 3. Стороны, соответствующие 2 (передняя часть) и 5 (задняя часть) не упоминаются.

части — гладкие и слегка закругленные, устремленные главным образом вверх, а передние — при помощи шарообразной головки на удлинненной шейке соединяются посредством диартроза с костью, называемой *ладьевидной* (σκαφοειδής)¹. 2. Заканчиваясь с каждой стороны, с правой и левой, гребнеобразными выступами, астрагал окружен полостями, которые образуют большеберцовая и малоберцовая кости, и имеет с внутренней стороны грань, похожую на Хиос. 3. Под астрагалом расположена самая большая кость стопы; она называется *пяточной костью* (πτέρνα), окружая закругленные части астрагала и вводя некие два выступа в соответствующие для этого полости. 4. Пяточная кость слегка закруглена и расширена в тех частях, на которые мы наступаем при ходьбе. Сзади она также закруглена и значительно превышает в этом месте прямую линию голени. 5. В передней области пяточной кости часть в направлении большого пальца расположена под головкой и не имеет никакой соединяющейся с ней кости; а ее конец около малого пальца соединяется посредством синартроза с костью, называемой *кубовидной* (куβοειδής)². Эта кость располагается с внешней стороны стопы рядом с ладьевидной костью. 6. Но эта последняя — вогнутая в области, где она сочленяется посредством диартроза с астрагалом, тогда как кубовидная — выпуклая. 7. Затем следуют три маленькие кости³, соединяющиеся посредством синартроза с нижним краем ладьевидной кости, и рядом с ними с внешней стороны простирается кубовидная кость.

8. После этих четырех костей предплюсна стопы заканчивается и начинается так называемая *подошва* (πεδίον), состоящая из пяти костей, за которыми следуют пальцы стопы, состоящие все из трех фаланг подобно пальцам кисти за исключением большого

¹ В современной анатомии для обозначения этой кости используется калькированный термин *os naviculare*. А транслитерированный термин *os scaphoideum* обозначает ладьевидную кость запястья. Греческий термин σκαφοειδής впервые встречается в медицинском значении у Галена, см. *De usu part.* III, 6 (Helmreich, I, 142), *In Hipp. de fract.* (Kühn XVIII B, 434).

² Впервые этот термин встречается у Галена, см. также *De usu part.* III, 7 (Helmreich I, 146), *In Hipp. de fract.* (Kühn XVIII B, 433, 16).

³ В современной анатомии эти кости называются клиновидными (*os cuneiformia*).

пальца; ибо среди них только он образован из двух костей. 9. Их сочленения связывают перепончатые связки, которые в астрагале и пяточной кости очень крепкие и некоторые из них круглые и в то же время жилохрящевые.

10. Начинаящим, на мой взгляд, достаточно этих знаний о костях. Ибо их сочетание и представляет собой скелет. А если встречается маленькая кость в какой-то иной части, как например, в сердце¹, гортани, носу, или в некоторых пальцах бывают так называемые сесамовидные (σεσαμοειδῆ) кости или что-либо иное подобного рода, то теперь нет необходимости говорить об этом.

*Перевод с древнегреческого и примечания
И.В. Пролыгиной*

Материал поступил в редакцию 04.03.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
24.03.2021*

СОКРАЩЕНИЯ

Сочинения Галена

Ars med. — Ars medica

De anat. adm. — De anatomicis administrationibus

De nerv. diss. — De nervorum dissectione

De elem. — De elementis secundum Hippocratem

De usu part. — De usu partium

De ven. art. diss. — De venarum arteriarumque dissectione

In Hipp. De fract. — In Hippocratis De fracturis

De ord. libr. — De ordine librorum suorum

Libr. propr. — De libris propriis

Другие авторы и их сочинения

Hippoc. — Hippocrates

Art. — De articulis

De cap. vuln. — De capitis vulneribus

Off. — De officina

---

¹ См. *De anat. adm.* VII, 10 (Garofalo (2000). P. 441).

Epid. — *Epidemiae*
Gland. — *De glandulis*

Oribasius

Coll. — *Collectiones medicae*

Plut. — Plutarchus

Alex. — *Alexander*

Rufus

De corp. hum. — *De corporis humani appellationibus*

De oss. — *De ossibus*

Xenophon

Сун. — *Cynegeticus*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Издания и переводы текста De ossibus ad tirones

Boudon, V. (1994) “Les oeuvres de Galien pour les débutants (“De sectis”, “De pulsibus ad tirones”, “De ossibus ad tirones”, “Ad Glauconem de methodo medendi” et “Ars medica”): médecine et pédagogie au IIe s. ap. J.-C.”, *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, Band II 37.2. Berlin – New York: W. de Gruyter, 1421-1467.

Kühn, C.G., ed. (1821–1833) *Claudii Galeni opera omnia*. T. II. Leipzig.

Garofalo, I., dir. (2005) *Galien. Les os pour les débutants. L'anatomie des muscles*. T. VII. Paris: Belles Lettres.

Singer, C. (1952) “Galen’s Elementary Course of Bones”, *Proceed. of the Royal Society of Medicine*, Sect. Hist. of Med 45, 767–776.

Исследования

Lloyd, G.E.R. (1973) *Greek Science after Aristotle*. New York: W.W. Norton & Co.

May, M.T. (1968) *Galen on the usefulness of the parties of the body*. Ithaca – N.Y.: Cornell University Press.

Skoda, F. (1988) *Médecine ancienne et métaphore*. Paris: Peeters.

von Staden, H. (1989) *Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge: Cambridge University Press.

ФИВЫ, АМФИАРАЙ И АЛКМЕОН В ПИФИЙСКОЙ ВОСЬМОЙ ОДЕ ПИНДАРА

НАСТАВЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЮ*

А.Ю. МОЖАЙСКИЙ

В статье рассматривается дидактическая составляющая Пифийской восьмой оды Пиндара. Данная ода выбрана для разбора по причине включения в нее фиванской мифоисторической линии, а именно сюжета о «Семеро против Фив» и похода эпигонов на Фивы, что необычно для эпиникиев Пиндара, прославляющих эгинских аристократов. В данной оде, Пиндар наставляет победителя на Пифийских играх — эгинета Аристомена с помощью прорицания Амфиараая. Несмотря на прославление победителя, Пиндар наставляет его в том, чтобы

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10001, <https://rscf.ru/project/18-78-10001/>. Выражаю благодарность коллегам по семинару в НИУ «Высшая школа экономики» «Пиндар. Пифийские оды» Ольге Ахуновой (руководитель), Вере Мостовой, Григорию Стариковскому, Сергею Степанцову и Варваре Жаркой, которые сделали очень ценные замечания относительно данной статьи и уберегли меня от некоторых ошибок. Если бы не еженедельные встречи в течение учебного года, посвященные Пиндару в НИУ «Высшая школа экономики», я бы не решился сделать свой перевод фрагментов *Pyth.* 8, однако включенность в исследование Пифийских од и опыт коллег меня сильно вдохновили. Я также очень признателен Аскольду Иванчику и Анне Ивановой за возможность углубиться в изучение древнегреческого языка. Все возможные неточности исключительно мои собственные.

Аристомен не возгордился сверх меры, не перешел границы дозволенного, ведь, Гесюхия может низложить любого, кто впустит в сердце «безжалостную злобу» как это произошло с Адрастом и его сыном. При этом, Пиндар сравнивает Аристомена с героем Алкмеоном, сыном Амфиарая, подчеркивая, что в жилах обоих течет славная кровь их отцов. Однако, представленное здесь прочтение фрагмента Pind. *Pyth.* 8.56-60 отличается от традиционного тем, что Пиндар встречает не Алкмеона, а Амфиарая, получая от последнего прорицание. Согласно представленному взгляду именно Амфиарай назван «соседом» Пиндара и «стражем» имущества фиванцев. Предлагается мнение, что явление Амфиарая Пиндару происходит в Дельфах или по дороге из Фив в Дельфы. Данная интерпретация текста Пиндара основана на сопоставлении литературных источников, в частности текста Пиндара с фрагментом из сочинения Геродота (Hdt. 8.134.1-2), а также на исследованиях палеотопографического, археологического и эпиграфического характера. Учитывая, что никаких сведений о культе Алкмеона в Фивах и на Эгине на данный момент не существует, наиболее вероятным представляется, что Пиндар подразумевает свою встречу с Амфиараем, святилище которого располагалось по мнению целого ряда ученых, включая автора статьи, у Фив. Однако, в соответствии с сообщением Геродота о том, что фиванцы не могли вопрошать оракул Амфиарая в этом святилище, а также на основании возможного расположения данного святилища в стороне от дороги на Дельфы, предложена версия, что явление Амфиарая Пиндару произошло не в святилище Амфиарая.

В заключение скажу, что я имею некоторое право говорить о древних языках. В эти тридцать лет я никогда не переставал ими заниматься и даже теперь каждое утро читаю по две или три страницы какого-нибудь греческого автора. Я недавно кончил Пиндара и теперь перечитываю «Одиссею». Вы эдак видите, что я могу быть беспристрастным судьей в деле классиков.

Владимир Сергеевич Печерин
(из письма к А.В. Никитенко, 1869 г.)¹.

---

¹ Печерин (2011). С. 149.

Введение. Слова, выбранного нами эпиграфа, показывают насколько важным было изучение наследия Пиндара в европейском классическом образовательном пространстве XIX столетия. Владимир Сергеевич Печерин глубоко знал это европейское образовательное пространство, поскольку обучался в Санкт-Петербургском, Дерптском и Берлинском университетах, где, в последнем, слушал лекции по методологии филологических наук знаменитого антиковеда Августа Бёка, исполнял должность э.-о. профессора по кафедре греческой словесности и древности Московского университета, а после эмиграции из России, приняв католичество и вступив в монашеский орден Редemptористов, некоторое время преподавал историю, греческий и латинский языки в семинарии в Виттеме (Нидерланды). Позже, В.С. Печерин был направлен в Ирландию, с которой окончательно связал свою жизнь, сблизился с профессором Дублинского университета Аткинсоном и продолжил, помимо всего прочего, изучать тексты древнегреческих авторов, среди которых, судя по письмам Владимира Сергеевича, особое место занимали сочинения Пиндара¹. Подобное отношение к творчеству Пиндара как к одному из авторов, привлекательных для изучения на пути к классическому образованию стало характерным уже ранее XIX столетия². Учитывая невероятно внушительную историографию, касающуюся самых разных вопросов изучения произведений Пиндара, мы не беремся приводить здесь труды по истории становления текстов Пиндара как учебных текстов и их рецепции на широком хронологическом отрезке, а постараемся осветить вопрос, который связан с темой изучения Фив, к которым на страницах журнала *Hypothekai* мы возвращаемся уже в четвертый раз.

---

¹ Об образовании В.С. Печерина, его переводах и рецепции античности в его мемуарах см.: Можайский (2020).

² Следует отметить, что в Европе нового времени, внимание к изучению Пиндара значительно усилилось еще в XVII столетии после публикации близких по времени двух собраний сочинений Пиндара, где был представлен текст на древнегреческом языке, его перевод на латинский язык и пространный комментарий: первое было опубликовано в 1616 году Эразмом Шмидтом в Виттенберге, а второе — в 1620 году Жаном Бёнуа в Сомюре. Подробнее об изучении Пиндара и его рецепции в XVII–XIX вв., особенно в поэзии см.: Wilson (2012), Dimoula (2012).

Таким образом, мы продолжим серию публикаций, связанных с Фивами и предпримем попытку проследить педагогический аспект Пифийской восьмой оды Пиндара в связи с его обращением к мифоистории Фив.

Итак, *Пифийская восьмая ода*. Следует отметить, что дата этой оды Пиндара известна — 446 г. до н.э. и написана она в честь победы Аристомена из Эгины в борьбе среди мальчиков на Пифийских играх данного года. Кроме того, эта ода сравнительно короткая, что, на первый взгляд, облегчает ее понимание. Однако загадок эта ода представляет предостаточно и лично для нас она интересна не только самой темой эпигонов и «Семерых против Фив» но, в первую очередь введением Амфиарая, который прорицает, будучи уже не в мире живых, а как бы в промежуточном состоянии между живыми и мертвыми¹. Следует полагать, что слова его прорицания должны относиться к главной теме оды, обозначенной в самом ее начале (1-12)²:

...φιλόφρον Ἦσυχία, Δίκας
ὃ μείσιτόπολι θυγάτερ,
βουλᾶν τε καὶ πολέμων
ἔχοισα κλαῖδας ὑπερτάτας,
Πυθιόνικον τιμᾶν Ἀριστομένει δέκευ.

---

¹ Мы подробно рассматривали античную литературную традицию об Амфиарае и Фивах, совмещая ее с топографией в наших прошлых публикациях, см.: Mozhajsky (2014), Mozhajsky (2020). Следует отметить, что несмотря на распространенное толкование о том, что Амфиарай прорицает, будучи уже героизированным, поглощенным землей, есть и другая точка зрения. Так, П.Е. ван 'т Вут полагает, что живой Амфиарай прорицает во время первого похода, обращаясь пророческим взглядом в будущее, см.: van 't Wout (2006). Однако, как будет видно далее, наша точка зрения не противоречит последней, поскольку мы полагаем, что Пиндару было видение Амфиарая, где он и мог передать это пророчество Пиндару, которое когда-то изрек во время первого похода на Фивы (если в этой части версия ван 'т Вута верна), смотри ниже.

² Мы приводим греческий текст по изданию, которое содержится в библиотеке “The Perseus Digital Library”: Pindar. The Odes of Pindar including the Principal Fragments with an Introduction and an English Translation by Sir John Sandys, Litt.D., FBA. Cambridge, MA.: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd., 1937.

τὸ γὰρ τὸ μαλθακὸν ἔρξαι τε καὶ παθεῖν ὁμῶς
ἐπίστασαι καιρῷ σὺν ἀτρεκεῖ·
τὸ δ', ὅποταν τις ἀμείλιχον
καρδίᾳ κότον ἐνελάσῃ,
τραχεῖα δυσμενέων
ὑπαντιάξαισα κράτει τιθεῖς
ῥῆβριν ἐν ἄντλῳ.

Тишина,
Благосклонная дочь Правды,
Возвеличивающая города,
Блудущая ввыси затворы войны и думы,
Направь к Аристомену
Эту почесть пифийских побед!
В должный час
Ты умеешь кроткое творить и кроткое любить;
Но кто впустит в сердце неласковый гнев,
Тем круто встанешь ты поперек вражде,
Спесь их низвергнув в бездну.

(Пер. М.Л. Гаспарова)

На наш взгляд, пророчество Амфиарая раскрывает смысл слов ὅποταν τις ἀμείλιχον καρδίᾳ κότον ἐνελάσῃ, τραχεῖα δυσμενέων ὑπαντιάξαισα κράτει τιθεῖς ῥῆβριν ἐν ἄντλῳ (дословно «когда же кто-либо безжалостную злобу вгонит в сердце, сурово враждующая выйдешь на встречу силе врага, низложишь Гордыню¹ на дно²»).

---

¹ ῥῆβριν — sg. fem. acc. от ῥῆβρις. ῥῆβρις практически непере译имое слово на русский язык, справедливо может быть переведено как «гордыня», однако оно шире и включает в себя совокупность некоторых других понятий. Кроме того, существуют расхождения как трактовать обращение к этому термину у того или иного античного автора, также существуют и различные современные концепции относительно данного термина, см.: Cairns (1996), с библиографией вопроса. Нам важен негативный моральный аспект данного термина, который показывает здесь Пиндар, где ῥῆβρις соответствует безжалостная злоба и гордыня вне человеческих рамок, обладатель которой неизбежно будет покаран божеством. Причем у Пиндара наказанными оказываются Адраст, его погибший сын Эгиалей, а, возможно, и сам Амфиарай с его сыном Алкмеоном.

² Здесь использована метафора, ἐν ἄντλῳ — буквально — вниз корабля, где оседает вода.

В строках 12-19 эта мысль иллюстрируется кратким упоминанием мифологических сюжетов, связанных с гигантом Порфирионом и Тифоном, оба, по версии Пиндара, пали от молнии¹ и стрел Аполлона. С этих строк Пиндар связывает Аполлона с благоволением к сыну Ксенара и далее прославляется родина Аристомена — Эгина и восхваляется сам победитель, за что Пиндар и приводит ему слова Амфиарая (38-42):

...αὔξων δὲ πάτραν Μιδυλιδᾶν λόγον φέρεις,
τὸν ὄνπερ ποτ' Οἰκλέος παῖς ἐν ἐπταπύλοισι ἰδὼν²
υἱοῦς Θήβαις αἰνίξατο παρμένοντας αἰχμᾶ,
ὁπότε' ἀπ' Ἄργεος ἦλυθον
δευτέραν ὁδὸν Ἐλίγονοι.

Учитывая важность для нашей темы данного и следующих фрагментов, дадим как можно более близкий к оригиналу перевод:

Возвеличивающий же отчизну Мидилидов слово заслуживаешь,
Его некогда Оикла сын в семивратных Фивах изрек загадочно,
Увидевший сынов при копьях стоящих,
Когда из Аргоса пришли
Вторым путем — Эпигоны.

Далее приводятся слова Амфиарая (44-55):

...φυῖ τὸ γενναῖον ἐπιπρέπει
ἐκ πατέρων παισὶ λῆμα. θαέομαι³ σαφὲς

---

¹ В этом отношении показательна смерть Капанея (героя мифа о «Семеро против Фив») во время атаки на ворота Электры в передаче Эсхила и Еврипида, а также Павсания. Эти авторы подчеркивают, что Капаней был поражен молнией за кичливость и даже глумление над богами, что также может быть охарактеризовано как проявление ὕβρις (Aesch. *Sept.* 440-446; Eur. *Phoen.* 1172-1186; Paus. 9.8.7), см.: Mozhajsky (2020). P. 181-184.

² ἰδὼν — part. sg. aor. act. masc. nom. от εἶδον — увидеть. В данном случае следует подчеркнуть, что речь идет именно о ментальном зрении, то есть Амфиарай их прозрел ср. Hom. *Il.* 21.61; 4.249, см.: Liddel, Scott (1996). P. 483.

³ Пиндар употребляет дорийскую форму медиального глагола θαέομαι — зреть, смотреть, видеть; созерцать (умом) — значение, которое наиболее подходит в данном контексте.

δράκοντα ποικίλον αἰθᾶς Ἀλκμᾶν' ἐπ' ἀσπίδος
νωμῶντα πρῶτον ἐν Κάδμου πύλαις.
ὁ δὲ καμὼν προτέρᾳ πάθα
νῦν ἀρείονος ἐνέχεται
ὄρνιχος ἀγγελία
Ἄδραστος ἥρως: τὸ δὲ οἴκοθεν
ἀντία πράξει. μούνος γὰρ ἐκ Δαναῶν στρατοῦ
θανόντος ὁστέα λέξαις υἱοῦ, τύχα θεῶν
ἀφίξεται λαῶ σὺν ἀβλαβεῖ
Ἄβαντος εὐρυχόρους ἀγνιάς.

По благородной природе заметна
В детях смелость отцов. Созерцаю отчетливо
Змея пестрого на сверкающем щите: Алкмеон,
Держащий его, первый в Кадма вратах¹.
Адраст же герой,
Претерпевший страдание ранее,
Сейчас от лучшей птицы счастья²
Имеет весть, но с чем-то домашним
Противное случится. Один ведь из войска Данаев
Соберет лежавшие кости сына погибшего, божественной судьбой
Достигнет войско в целости
Абанта просторного града.

Пиндар вкладывает в уста Амфиарая строки о неутешительной судьбе Адраста, ведь, несмотря на то, что во время похода

---

¹ Нам представляется, что Амфиарай сначала видит щит и по нему узнает Алкмеона. Описание изображений на щитах героев имеет давнюю традицию, начиная с Илиады. Изображение как бы раскрывает сущность героя и несет, в том числе, педагогическую функцию. В данном случае текст Пиндара о щите Алкмеона имеет близкую параллель с описанием Эсхилом щитов героев в «Семеро против Фив», см.: Pichugina (2020).

² При переводе нами была допущена небольшая вольность, поскольку мы перевели ἀρείονος ὄρνιχος как «птица счастья», что должно быть ассоциативно понятно русскоязычному читателю. Прилагательное ἀρείονος является sg. gen. от ἀρείων — лучше, храбрее, превосходнее. Дорийское существительное ὄρνιχος является sg. gen. от ὄρνις — птица. Однако, как показывает словарь, данное слово часто употребляется для обозначения птицы предзнаменования, по полету или крику которой это предзнаменование осуществлялось, см.: Liddel, Scott (1996). P. 1254, с многочисленными примерами из литературных источников.

эпигонов на Фивы, победное войско вернулось в Аргос почти в целости, Адраст потерял сына. Вероятно, здесь дается намек на то, что Адраст однажды впустил в сердце «безжалостную злобу» и за это Гесюхия низвергла его «Гордыню на дно». Этим примером, по нашему представлению, Пиндар наставляет Аристомена в том, чтобы он несмотря на свой триумф не возгордился сверх меры, не перешел границы дозволенного, не впускал в сердце «безжалостную злобу».

Далее, мы хотели бы обратить внимание на строки 56-60, поскольку, на наш взгляд, они повествуют не о встрече Пиндара с Алкмеоном по дороге в Дельфы, а о встрече Пиндара с Амфиараем. Разберем их и предложим аргументацию нашей версии.

...τοιαῦτα μὲν
ἐφθέγγατ' Ἀμφιάρεος· χαίρων δὲ καὶ αὐτὸς¹
Ἀλκμᾶνα στεφάνοισι βάλλω, ραίνω δὲ καὶ ὕμνω,
γεῖτων ὅτι μοι καὶ κτεάνων φύλαξ ἐμῶν
ὑπάντασεν ἰόντι γᾶς ὀμφαλὸν παρ' αἰοίδιμον,
μαντευμάτων τ' ἐφάψατο συγγόνοισι τέχνης.

Такое слово произнес Амфиарай. Радующийся же как и он,
Наброшу венки на Алкмеона и песню пролью,
Ведь сосед мне и богатства нашего страж,
Встретился мне, идущему к Омфалу земли воспетого,
Касался ты искусств врожденных — прорицаний.

Ключевой момент нашей интерпретации данного отрывка заключается в том, что, по нашему мнению, Пиндар в строке 56 говорит о радующимся Амфиарае и именно его, а не Алкмеона встречает в Дельфах. Именно Амфиарая, согласно нашей интерпретации, Пиндар называет своим соседом и стражем «богатства нашего»². Нам не известно на каком основании сообщений других

---

¹ В данном случае, αὐτὸς обозначает местоимение, относящееся к Амфиараю. Причастие χαίρων — sg. pres. act. masc. nom. от χαίρω — радоваться. Таким образом, имеется в виду радующийся, как и Амфиарай, Пиндар. Такой вариант предложен в комментариях Б. Гильдерслива, см.: Gildersleeve (1885): в библиотеке “The Perseus Digital Library”.

² Большинство известных нам переводов Пиндара недвусмысленно показывают, что Пиндар говорит о том, что встречает Алкмеона. Так переводит Д. Сварлиен (перевод на английский 1990 года, опубликованный

источников эти слова следует применить к Алкмену (конечно, кроме возможного прочтения текста самого Пиндара), в то время как у Геродота есть прямое указание на то почему эти слова могут относиться к Амфиараю. Речь идет о фрагменте Hdt. 8.134.1-2, где сказано, что Амфиарай когда-то в изречении оракула повелел фиванцам выбрать: будет ли он им прорицателем или же союзником. Фиванцы выбрали его союзником, поэтому им не позволялось ложиться спать в святилище Амфиарая, для вопрошания оракула. Видимо то, что фиванцы выбрали его в качестве союзника (σύνταχος) подтверждает то, что Пиндар обращается скорее к Амфиарю, нежели к Алкмеону, называя первого «богатства нашего» (имеется в виду фиванского богатства или имущества) стражем. Также и наличие святилища Амфиарая у Фив того времени, говорит в подтверждение того, что Пиндар называет Амфиарая своим соседом¹.

Нет ничего удивительного в том, что известные нам переводчики и комментаторы предпочитают интерпретировать данный текст как встречу Пиндара и Алкмеона, ведь уже в схолиях к Пиндару античный комментатор говорит о том, что змей на щите Алкмеона символизирует его прорицательские способности². Следом идут и современные комментарии этого пассажа, например, Э. Ве-

---

в “The Perseus Digital Library”). Б. Гильдерслив также подразумевает Алкмеона, поскольку в комментариях пишет о том, что где-то рядом с Фивами, видимо, должно было находиться святилище Алкмеона. Этого же варианта перевода придерживаются В. Рэйс, см.: Pindar. *Olympian Odes. Pythian Odes*, ed. W. Race. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. P. 331, Р. Латтимор, см.: The Odes of Pindar, trans. by Richmond Lattimore. Chicago: University of Chicago Press, 1947. P. 78-79, Р. Стоунман, см.: Pindar. *The Odes and Selected Fragments*, trans. by G.S. Conway and R. Stoneman. London: J.M. Dent, 1997. P. 161, и др. Также и в отечественном переводе М. Гаспарова представляется, что речь идет о встрече Пиндара и Алкмеона, см.: Пиндар. *Оды; Фрагменты*, в: Пиндар, Вакхилид. Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. С. 100.

¹ О местонахождении святилища Амфиарая, фиванском культе Амфиарая и вопросах с ним связанных см.: Mozhajsky (2014). P. 77-78; Renberg (2017). P. 665-666; Mozhajsky (2020). P. 174-181, карта — P. 194-195 (Fig. 1); Gorrini (2020).

² См.: следующий комментарий.

рители полагают, что данный отрывок означает, что Алкмеон подает победителю хороший героический пример, потому что он обладает силой унаследованных способностей¹. Фарнелл, отвергая другие версии (включая версию Виламовица о том, что Пиндар получил пророчество об Алкмеоне из святилища Алкмеона, которое должно было находиться около Аргоса, где Пиндар якобы жил в то время)² приходит к следующему объяснению. По его мнению, святилище Алкмеона существовало в Фивах рядом с домом Пиндара и поэтому Алкмеон мог рассматриваться охранителем его имущества, или же Пиндар поместил часть своего имущества туда на сохранение, как мужчины иногда делали подобное в храмах. Далее, по мнению комментатора, по пути в Дельфы к Пифии, Пиндару случилось видение Алкмеона, вероятно он вошел в святилище, чтобы спросить его о событии и получил прорицание от него. По мнению Фарнелла, логично предположить, что Аристомен уже нанял поэта почтить его одой в случае победы. Пиндар страстно желал его победы, поэтому не было ничего удивительного в том, что у него случилось видение во сне, которое уверяло его в этом и, которое он расценил как откровение Алкмеона (схолиасты были этого же мнения о пророчестве): Пиндар мог рассказать это Аристомену постфактум и тогда это объясняет наличие в оде данной истории³.

Данные рассуждения Фарнелла строятся на гипотетическом наличии святилища Алкмеона в Фивах, что пока не подтверждается как литературными источниками, так и эпиграфическими, и археологическими⁴, в то время как относительно вероятности святи-

---

¹ См.: Pindar. The Complete Odes: A new translation by Anthony Verity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 164.

² Фарнелл отвергает эту версию, заявляя, что мы не имеем таких сведений, только историю о том, что Пиндар скончался там, см.: Farnell (1932). P. 195-196.

³ Farnell (1932). P. 196.

⁴ А. Шахтер (Schachter [1981]. P. 12) в своей работе о культах Беотии также не приводит каких-либо свидетельств гипотетического культа Алкмеона в Фивах, отмечая, что в работе Э. Флойда (Floyd (1965). P. 187-200 (особенно с. 188, сноски 3 и 4)) содержится версия о наличии данного культа, но противоположное мнение содержится в работе В. Слейтера

лица Амфиарая рядом с Фивами существует длительное научное изучение, включая интерпретацию эпиграфического источника и сведений археолого-топографического характера¹. Упомянутый нами выше пассаж из сочинения Геродота (Hdt. 8.134.1-2) также усиливает аргументацию нашей версии. Таким образом, мы предполагаем, что Пиндару было видение не Алкмеона, а Амфиарая, однако случилось это не в святилище Амфиарая, поскольку, согласно Геродоту, фиванцы не могли вопрошать оракул, а где-то по дороге в Дельфы или в самих Дельфах. В тоже время рассказ Геродота о том, что фиванцы выбрали Амфиарая не прорицателем, а своим союзником объясняет, что он является хранителем их имущества. Кроме того, быть может, наша интерпретация добавляет аргумент в пользу того, что в строках 56-60 именно Пиндар говорит от первого лица, как считает большинство современных комментаторов² в отличие от древних схолий, где содержатся другие варианты интерпретации (например: в одной из схолий³ (82), вероятно предполагается, что говорит Аристомен, в то время как другая схолия (83a) предполагает, что хор эгинетов выступает здесь от первого лица, две эти версии соединены в схолии 78a, где предполагается, что хор поет от лица победителя)⁴.

Отметим еще один момент, который также говорит в пользу нашей версии. Известная литературная традиция о культе Алкмеона очень мала и весьма поздняя. Она включает лишь сообщение Павсания (8.24.7), который упоминает могилу Алкмеона в Псофиде (Аркадия), и сообщение Клемента Александрийского (*Strom.*

(Slater (1971). P. 141-152). Отметим, что Флойд отмечает также версию, что данное святилище Алкмеона могло находиться на Эгине (о чем якобы могли знать схолиасты), откуда родом Аристомен, что на наш взгляд, еще менее убедительно, чем предполагать его у Фив, см.: Floyd (1965). P. 196-197, n. 14.

¹ См., ссылку 1, стр. 180, где указанная литература предоставляет широкую историографию вопроса.

² Ярким представителем этого направления является М. Лефковиц, см.: Lefkowitz (1995).

³ См.: *Scholia Vetera in Pindari Carmina*. 3 vols., ed. A.B. Drachmann. Leipzig, 1903-1927.

⁴ О вариантах схолий к этому пассажию см.: Floyd (1965).

1.134.4), который упоминает Алкмеона в качестве прорицателя в Акарнании. Не явилось ли последнее упоминание результатом неверного прочтения Пиндара? Мы не беремся ответить на этот вопрос. Мы также не беремся рассматривать вопрос о связи данной оды с политическими событиями, которые произошли около 446 г. до н.э. и раннее, которые, вероятно, могли повлиять на текст данной оды (десять лет прошло после завоевания Эгины афинянами, однако в 446 г. до н.э. афиняне потерпели поражение от беотийцев при Коронее, против афинян восстала Евбея, афинский гарнизон был уничтожен в Мегарах, а спартанцы совершили вторжение в Аттику). Исследование возможного влияния данных событий на текст оды Пиндара требует смещения внимания от вопросов, разобранных выше и является поводом для написания отдельной статьи¹.

Прежде чем перейти к выводам, следует отметить, что в процессе работы над данным материалом, практически завершив работу, мы нашли статью Хаббарда², в которой изложен схожий, пусть не во всем, взгляд по вопросу о том, кого Пиндар встречает Алкмеона или Амфиарая. По мнению Хаббарда, Пиндар сообщает о своей встрече, но не с Алкмеоном (в этом наши взгляды совпадают), а с Амфиараем³ — в фиванском святилище Амфиарая (или у фиванского святилища Амфиарая)⁴ Относительно последнего

---

¹ Отметим, что существует достаточно пространная библиография по данному вопросу, см.: Burnett (2005). P. 225-226, п. 4-8.

² Hubbard (1993). P. 193-203. Для нас данная статья весьма ценна тем, что автор выявляет синтаксические аналогии (неожиданного смещения от Алкмеона к Амфиарая в 56-60 строках оды), подтверждающие наше прочтение столь запутанного отрывка (P. 199-200).

³ Г. Надь в комментарии к данной оде Пиндара допускает возможность двойной интерпретации: Пиндар встречает Алкмеона или Амфиарая, см.: сайт Центра эллинических исследований Гарвардского университета (публикация была осуществлена 2 ноября 2020 г.: <https://chs.harvard.edu/primary-source/pindar-pythian-8-sb/>, дата обращения 05.06.2021). К. Бруно отмечает вероятность прочтения данного отрывка согласно которой, Пиндару встречается Амфиарай, но больше аргументирует в пользу версии, что это Аристомен встречает Алкмеона, см.: Bruno (2005). P. 58-59.

⁴ Хаббард отмечает, что явление Амфиарая Пиндару не должно рассматриваться как обращение к оракулу, но как спонтанное явление героя

момента наши взгляды несколько расходятся, поскольку Геродот сообщает, что фиванцы не могли консультироваться с Амфиараем в данном святилище, выбрав его союзником (Hdt. 8.134.1-2)). Кроме того, литературная традиция, археологические и палеотопографические данные говорят от том, что фиванское святилище Амфиарая должно было находиться по дороге не на Дельфы, а на Потнии (и далее Платей)¹. В том числе и по этой причине, мы

поэту, когда он проходил мимо святилища на его пути в Дельфы. Таким образом, по мнению Хаббарда, появление Амфиарая — еще более экстраординарное и волшебное: в данном случае, как отмечает автор, притягательность ситуации настолько велика, что герой по его собственной воле сделал исключение из правила не проричать фиванцам, см.: Hubbard (1993). P. 201-202, n. 33.

¹ Keramopoulos (1917). P. 261-266, ср. Mozhajsky (2014). P. 77-78, Renberg (2017). P. 662-664; Symeonoglou (1985). P. 177-178, 296, pls. 8,48, ср. Mozhajsky (2020). P. 179, на нашей карте в последней работе две наиболее вероятные локации святилища Амфиарая у Фив обозначены как A1 и A2 (Fig. 1). Отметим, что существует версия, по которой Эдип, возвращаясь из Дельф, убил своего отца — царя Лая — на перекрестке, который находится по дороге из Потний в Фивы. Данную версию выдвинул А. Керамопуллос. Он же помещает святилище Амфиарая рядом с этим местом (A1 на карте в нашей работе 2020 года). См.: Keramopoulos (1917). P. 419-420. С. Симеоноглу отмечает, что схолиаст к произведению Софокла «Царь Эдип» (Soph. OT. 733) приписывает Эсхилу пассаж, который упоминает дорогу у Потний по имени “Schiste” (распространенное наименование дорог в Греции). Однако, на горе Парнас есть другая дорога с этим именем, которая ведет в Дельфы и также имеет перекресток. Поэтому, как пишет Семионоглу, сложно сказать, где могла произойти встреча Эдипа и Лая. Он также отмечает, что в древности путешественники часто проходили через перекресток у Потний на пути в Платей, Феспии, Ливадию и Дельфы. См.: Symeonoglou (1985). P. 177. Нам понятна топографическая привязка к перекрестку у Потний, поскольку Эдип шел из Дельф в неопределенное место, тем более, если он собирался продолжить путь в юго-западную Беотию, Аттику или на Пелопоннес, т.е. он уже миновал Фивы (Кадмею) и шел далее (или миновав Фивы, решил туда вернуться). Однако выглядит странным использовать эту дорогу для достижения Дельф, если идти из Кадмеи, поскольку тогда перекресток находится в другой стороне от цели, и, чтобы достичь Дельф, придется делать крюк и огибать Фивы с юго-западной стороны. Нам можно возразить, указав на

предлагаем переводить слова Пиндара ὑπάντασεν ἰόντι γᾶς ὀμφαλὸν παρ' αἰοίδιμον как «встретился мне, идущему к Омфалу земли воспетого», т.е. Пиндару, идущему в Дельфы (возможно недалеко от Дельф или даже в самих Дельфах, вблизи Омфала).

Подведем *итоги* нашего исследования. Дидактическое наследие Пиндара трудно переоценить и Пифийская восьмая ода — не исключение. Сюжет о «Семеро против Фив» и эпигонах, по нашему мнению, имеет наставническую функцию, поскольку ее цель, помимо прославления победителя, наставить Аристомена в том, чтобы он несмотря на свой триумф не возгордился сверх меры, не перешел границы дозволенного, не впускал в сердце «безжалостную злобу», способную низвергнуть даже самого славного героя, несмотря на то, что в его жилах течет доблестная кровь отцов. При этом, Пиндар не подвергает сомнению то, что благородство происхождения — важнейшая составляющая доблести и проводит параллель между героем Алкмеоном и победителем на Пифийских играх — Аристоменом. Таким образом, через Алкмеона, которого Пиндар связывает с победителем на играх, он также восхваляет почитаемого в Фивах Амфиарая. Чествуя сына, Пиндар чествует и отца: через Алкмеона — Амфиарая, а через Аристомена — Ксенара. Как благородство Амфиарая видно в Алкмеоне, так и благородство Ксенара видно в Аристомене.

то, что Пиндар мог двигаться в Дельфы не из Кадмеи, а от своего дома и, может поэтому, прошел через тот же перекресток и оказался у святилища Амфиарая, где ему было видение. Мы отвергаем эту версию. Еще в 1917 г. А. Керампулос предположил, что дом Пиндара находился в области, называвшейся Киноскефалы, см.: Keramopoulos (1917). P. 418. Это с западной стороны от Кадмеи. С. Симеоноглу отмечает, что единственная другая область, которая может соответствовать описанию Павсания (Paus.8.26.3), где говорится о доме Пиндара, это долина и холмы к западу от Кадмеи, которые расположены близко к ипподрому и гробнице самого Пиндара, см.: Symeonoglou (1985). P. 198-199. Оба места находятся к западу от Неистейских ворот Кадмеи и согласуются с дорогой на Дельфы: соответственно, перекресток у Потний и святилище Амфиарая находились с другой стороны Кадмеи. Идти же из Кадмеи по дороге на Потнии, потом повернуть на Феспии и далее в Дельфы (как получается согласно статье Хаббарда, см.: Hubbard (1993). P. 196, n. 15) — неэффективно, поскольку это также удлиняет дорогу.

Данная ода Пиндара содержит многие вопросы, ответы на которые, начиная с эллинистической традиции, исследователи ищут не одну сотню лет. Мы подробно сосредоточились на фрагменте Pind. *Pyth.* 56-60 и предположили, что здесь Пиндар встречает не Алкмеона, а Амфиарая, что помимо возможного толкования с точки зрения классической филологии, подтверждается как литературной традицией (Hdt. 8.134.1-2), так и археологическими топографическими данными. Прорицателя Амфиарая роднит с поэтом Пиндаром не только то, что Амфиарай стал союзником фиванцам и буквально соседом поэту (святилище Амфиарая по дороге из Потний в Фивы), но и то, что поэтический дар Пиндара мог рассматриваться как своего рода прорицание¹. Лелея надежду, что наука не стоит на месте и ученые все ближе приближаются к пониманию текста греческого оригинала отметим, что данный фрагмент из произведения Пиндара все еще представляется весьма сложным для интерпретации. Как отметил в своем интервью переводчик Пиндара Григорий Стариковский: «На русский язык Пиндара можно и, наверное, нужно переводить не один и не два раза. Одна и та же фраза может быть передана разными способами; в академических изданиях Пиндара существует огромное количество разночтений, которые все в перевод не впишешь, приходится выбирать»².

Материал поступил в редакцию 2.08.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
12.08.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

Оригинальные тексты литературных источников приведены по базе данных классических текстов “The Perseus Digital Library”.

Bruno, C. (2005) *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford: Oxford University Press.

---

¹ См.: Mackie (2006), особенно третью главу (The Poet as Prophet).

² Из интервью Григория Стариковского «Поэзия Пиндара — это живое мясо стиха», размещенного на сайте ВШЭ: <https://iocs.hse.ru/news/471156858.html> (август, 2021).

- Burnett, A.P. (2005) *Pindar's Songs for Young Athletes of Aigina*. Oxford: Oxford University Press.
- Cairns, D.L. (1996) "Hybris, Dishonour, and Thinking Big", *The Journal of Hellenic Studies* 116, 1-32.
- Dimoula, V. (2012) "The Reception of Pindar's *Epinicians* and Nineteenth-century 'Poetic Religion': Hölderlin and Kalvos", *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. Supplement 12, 169-191.
- Farnell, R. (1932) *The Works of Pindar. Critical Commentary*. London: Macmillan and Co., Ltd.
- Floyd, E.D. (1965) "The Performance of Pindar, *Pythian* 8.55-70", *GRBS* 6, 187-200.
- Gildersleeve, B.L. (1885) *The Olympian and Pythian Odes*. New York: Harper and Brothers.
- Hubbard, T.K. (1993) "The Theban Amphiaraiion and Pindar's Vision on the Road to Delphi", *Museum Helveticum* 50.4, 193-203.
- Gorrini, M.E. (2020) "«e vedi a cui / s'aperse a li occhi d'i Teban la terra; / per ch'ei gribavan tutti: "Dove rui, / Anfiarao? perché lasci la guerra?» (Dante, *If*, XX, 31-34): una nota sul culto tebano di Anfiarao (SEG LVI, 430)", C. Lambrugo, ed. *Στην υγειά μας: Studi in omaggio a Giorgio Bejor*. Sesto Fiorentino: All'Insegna del Giglio, 205-210.
- Keramopoullos, A. (1917) *Θηβαϊκά* (Archaeologikon Deltion 3). Athens.
- Lefkowitz, M.R. (1995) "The First Person in Pindar Reconsidered — Again", *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 40, 139-150.
- Liddel, H.G., Scott, R.A (1996) *Greek-English Lexicon*. 9th ed. New York / Oxford.
- Mackie, H.S. (2006) *Graceful Errors: Pindar and the Performance of Praise*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Mozhaysky, A.Yu. (2014) "The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems", *Graeco-Latina Brunensia* 19.2, 71-79.
- Mozhaysky, A.Yu. (2020) "The myth of the *War of the Seven* and Pausanias' educational topography", *Hypothekai* 4, 171-206.
- Pichugina, V.K. (2020) "The shield as pedagogical tool in Aeschylus' *Seven Against Thebes*", *Hypothekai* 4, 121-170.
- Renberg, G.H. (2017) *Where Dreams May Come. Incubation Sanctuaries in the Greco-Roman World*. In two volumes (Religions in the Graeco-Roman World 184). Leiden and Boston: Brill.

- Schachter, A. (1981) *The Cults of Boiotia* 1, BICS Suppl. 38.1 London: Institute of Classical Studies.
- Slater, W.J. (1971) "Pindar's House", *GRBS* 12, 141-152.
- Symeonoglou, S. (1985) *The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times*. Princeton: Princeton University Press.
- Wilson, P. (2012) "Pindar and English Eighteenth-century Poetry", *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. Supplement 12, 157-168.
- van 't Wout, P.E. (2012) "Amphiaraos as Alkman: Compositional Strategy and Mythological Innovation in Pindar's 'Pythian' 8.39-60", *Mnemosyne* 59.1, 1-18.
- Можайский, А. (2020) «Исповедь В.С. Печерина: рецепция античной традиции в образовательном пространстве XIX века», *Conversatoria Litteraria* 14, 85-97.
- Печерин, В.С. (2011) *APOLOGIA PRO VITA MEA. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим*, отв. ред. и сост. С.Л. Чернов. СПб.: Нестор-История.

Andrej Yu. MOZHAJSKY

THEBES, AMPHIARAUS AND ALCMAEON IN PINDAR'S *PYTHIAN* 8: INSTRUCTION TO THE WINNER

The article examines the didactical component of Pindar's *Pythian* 8, which includes the Theban mythohistorical line — the plot of "Seven against Thebes" and the Epigoni's march on Thebes. In this ode, Pindar instructs Aeginet Aristomenes, the winner of the Pythian Games, through Amphiaraus' prophecy. Glorifying Aristomenes, Pindar instructs him not to become proud beyond measure, not to overstep the bounds, because Hesychia can destroy anyone who lets "merciless malice" into his heart, as it happened with Adrastus and his son. At the same time, Pindar compares Aristomenes with the hero Alcmaeon, the son of Amphiaraus, emphasizing that the glorious blood of their fathers flows in the veins of both. This interpretation of the fragment from Pind. *Pyth.* 8.56-60 differs from the traditional one since here Pindar meets not Alcmaeon, but Amphiaraus, receiving a prophecy from the latter. It is Amphiaraus who is called Pindar's "neighbor" and the "guardian" of the Thebans' possessions. In our opinion, Amphiaraus appears to Pindar in Delphi or on the way to Delphi. This interpretation is

based on a comparison of Pindar's text with a fragment from Herodotus (Hdt. 8.134.1-2), as well as on paleotopographic, archaeological and epigraphic studies. Considering that there is no information about the cult of Alcmaeon in Thebes and in Aegina at the moment, it seems likely that Pindar implies his meeting with Amphiaraus, whose sanctuary was located, according to a number of scholars, including the author of the article, near Thebes. However, according to Herodotus who stated that the Thebans could not inquire the oracle of Amphiaraus in this sanctuary, and also on the basis of the possible location of this sanctuary off the road to Delphi, it is suggested that Amphiaraus appeared to Pindar not at Amphiareum.

REFERENCES

The original texts of literary sources are given in the database of classical texts "The Perseus Digital Library".

- Bruno, C. (2005) *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford: Oxford University Press.
- Burnett, A.P. (2005) *Pindar's Songs for Young Athletes of Aigina*. Oxford: Oxford University Press.
- Cairns, D.L. (1996) "Hybris, Dishonour, and Thinking Big", *The Journal of Hellenic Studies* 116, 1-32.
- Dimoula, V. (2012) "The Reception of Pindar's *Epinicians* and Nineteenth-century 'Poetic Religion': Hölderlin and Kalvos", *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. Supplement 12, 169-191.
- Farnell, R. (1932) *The Works of Pindar. Critical Commentary*. London: Macmillan and Co., Ltd.
- Floyd, E.D. (1965) "The Performance of Pindar, *Pythian* 8.55-70", *GRBS* 6, 187-200.
- Gildersleeve, B.L. (1885) *The Olympian and Pythian Odes*. New York: Harper and Brothers.
- Hubbard, T.K. (1993) "The Theban Amphiaraion and Pindar's Vision on the Road to Delphi", *Museum Helveticum* 50.4, 193-203.
- Gorrini, M.E. (2020) "«e vedi a cui / s'aperse a li occhi d'i Teban la terra; / per ch'ei gribavan tutti: "Dove rui, / Anfiarao? perché lasci la guerra?» (Dante, *If.* XX, 31-34): una nota sul culto tebano di Anfiarao (SEG LVI, 430)",

- C. Lambrugo, ed. *Στην υγειά μας: Studi in omaggio a Giorgio Bejor*. Sesto Fiorentino: All'Insegna del Giglio, 205-210.
- Keramopoullos, A. (1917) *Θηβαϊκά* (Archaeologikon Deltion 3). Athens.
- Lefkowitz, M.R. (1995) "The First Person in Pindar Reconsidered — Again", *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 40, 139-150.
- Liddel, H.G., Scott, R.A (1996) *Greek-English Lexicon*. 9th ed. New York / Oxford.
- Mackie, H.S. (2006) *Graceful Errors: Pindar and the Performance of Praise*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Mozhajsky, A.Yu. (2014) "The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems," *Graeco-Latina Brunensia* 19.2, 71-79.
- Mozhajsky, A.Yu. (2020) "The myth of the *War of the Seven* and Pausanias' educational topography", *Hypothekai* 4, 171-206.
- Mozhajskij, A. (2020) "Ispoved' V.S. Pecherina: recepciya antichnoj tradicii v obrazovatel'nom prostranstve XIX veka", *Conversatoria Litteraria* 14, 85-97.
- Pecherin, V.S. (2011) *APOLOGIA PRO VITA MEA. Zhizn' i prikladyeniya russkogo katolika, rasskazannye im samim* / otv. red. i sost. S.L. Chernov. SPb.: Nestor-Istoriya.
- Pichugina, V.K. (2020) "The shield as pedagogical tool in Aeschylus' *Seven Against Thebes*", *Hypothekai* 4, 121-170.
- Renberg, G.H. (2017) *Where Dreams May Come. Incubation Sanctuaries in the Greco-Roman World*. In two volumes (Religions in the Graeco-Roman World 184). Leiden and Boston: Brill.
- Schachter, A. (1981) *The Cults of Boiotia* 1, BICS Suppl. 38.1 London: Institute of Classical Studies.
- Slater, W.J. (1971) "Pindar's House", *GRBS* 12, 141-152.
- Symeonoglou, S. (1985) *The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times*. Princeton: Princeton University Press.
- Wilson, P. (2012) "Pindar and English Eighteenth-century Poetry", *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. Supplement 12, 157-168.
- van 't Wout, P.E. (2012) "Amphiaraos as Alkman: Compositional Strategy and Mythological Innovation in Pindar's 'Pythian' 8.39-60", *Mnemosyne* 59.1, 1-18.

CICERO'S WRITINGS AS LEARNING TEXTS FOR HUMANITIES STUDENTS

FROM AUGUSTUS WILKINS TO CICERO DIGITALIS

Victoria PICHUGINA, Emiliano METTINI,
Yana VOLKOVA

The heritage of the ancient Roman politician, orator and thinker Marcus Tullius Cicero (106 BC – 43 BC), is considered as a set of texts that over centuries have been included in the curricula for humanities students, significantly changing the narrative tradition and detecting a way of understanding what is related to humanities. The key questions for the authors is the following: how and for what purposes was Cicero's heritage presented to humanities students in educational texts in the first two decades of the 20th and 21st centuries? At the beginning of last century, scholars' attention to Cicero was largely due to Augustus Samuel Wilkins (1843–1905), Paul Monroe (1869–1947) and his disciple Ellwood Cubberley (1868-1941). Many textbooks compiled by P. Monroe, A.S. Wilkins and E. Cubberley were published one after another. Thanks to the educational books of P. Monroe, A.S. Wilkins and E. Cubberley, different approaches to presenting Cicero's works for educational purposes were developed. It is these approaches that were reflected in educational books for humanists a century later. In Russian textbooks, sourcebooks, and anthologies on history of pedagogy, Cicero was mostly a figure of omission not only in the first decades, but throughout the entire 20th century. At the beginning of the 21st century, many learning books for humanities students appeared. Their authors and compilers consider Cicero as an author who left a conceptual description of pedagogical reality (a detailed description of educational process) and chose a narrative description (description of what happened through the eyes of those who take part in it). We have to regret that the Russian domestic

HYPOTHEKAI

2021. Вып. 5. С. 191-213

УДК 37.01

HYPOTHEKAI

2021. Issue 5. P. 191-213

DOI: 10.32880/2587-7127-2021-5-5-191-213

tradition of including Cicero's heritage in the content of humanitarian education has hardly undergone any changes over a century: fragments of his works continue to be presented on a small scale, are practically not grouped according to key issues, and rarely accompanied by pedagogical commentaries. The question of why some texts were selected while others were not, can be asked to every author and compiler who included Cicero's texts in their books for humanities students. The search for answers to this "eternal question" can be associated both with the flexibility of the humanitarian curriculum, and with the personal preferences of the authors and compilers of learning books.

In one of his letters, Pliny the Younger quotes the following poetic lines: "...which after ages / Judge to be worthy of taking place by those of the son of Arpinum" (Plin. Ep. III.21.5; tr. by B. Radice). This question, posed by Pliny the Younger, still worries humanities students. The legacy of Mark Tullius Cicero — an ancient Roman politician, orator and intellectual — is not only an important part of the vast corpus of sources about the ancient pedagogical past, but also texts that have been included in the liberal arts curriculum for centuries. At the beginning of the 21st century, scholars argue that Cicero not only managed to convince the Romans that engaging in the humanities is a worthy profession¹, but also changed the narrative tradition that determines the framework for understanding the humanistic reality.

The questions when Cicero's texts began to be perceived as educational and what the dynamics of the popularity of his works as educational texts remains understudied. The fashion to read Cicero was fickle, but a number of his writings became the basis for Western European education — "great books", that is, texts that must be read and studied, the fragments of which are placed in textbooks, sourcebooks, and anthologies. The tradition of including Cicero's legacy in the content of liberal arts education has been formed. This tradition only fragmentarily manifested itself in Russian curricula and texts because of the absence of equally deep sources and connections. Not being able to cover the entire content of liberal arts education, let us formulate the key question:

---

¹ Christes, Klein, Lüth (2006). S. 19.

how and for what purposes is Cicero's legacy presented to humanities students in learning texts in the first two decades of the XXth and XXIst centuries?

***Cicero's works as learning texts for humanities students
in the first two decades of the XXth century: what was it like?***

At the beginning of the last century, the attention to Cicero on the part of scholars and especially students of pedagogical specialties was largely due to the merit of August Samuel Wilkins (1843–1905). He was a translator and author of commentaries to the edition of Cicero's "De Oratore liber primus" by Karl Wilhelm Piderit, and then carried out the publication of the commented works by Cicero: the complete edition of "Cicero De Oratore" (lib. I. – iii, Oxford, 1879-1892), two Cicero's speeches (1871 and 1879), and a critical edition of all Cicero's rhetorical works (1903). Wilkins also authored the following books: "Roman Antiquities" (1877), "Roman Literature" (1890), and "Roman Education" (1905).

Wilkins' publications contributed to both the expanded use of Cicero's rhetorical works for educational purposes and an increased historical and pedagogical attention to Cicero's ideas and especially to his work "On the Orator", which manifested itself at the beginning of the 20th century. In the preface to Cicero's "On the Orator", Wilkins says that his goal was to make Karl Wilhelm Piderit's book "available to English students"¹. This goal was achieved on a much larger scale than it had been planned: American scholars became absorbed in reading "On the Orator" as well. In his book "Roman Antiquities" (1877)², Wilkins managed to present Cicero as an author, whose views and opinions shaped the attitudes to the ancient Roman everyday life, and encouraged to look at it as a source of the existing educational ideals. Wilkins' logic was reflected in a number of educational books of the early XXth century, which included a block on the history of Roman education. In "Roman Literature" (1890)³, the chapter "The Golden Age of Roman Literature" is arranged in such a way that Cicero dominates the poetry and prose of this time, which is called "the time of Cicero"

---

¹ Wilkins, tr. and ed. (1868). P. vi.

² Wilkins (1877).

³ Wilkins (1890).

The chapter dedicated to his life and work begins with the words: “Cicero is the most prominent figure in the literature of the Republic ...”¹ In this book, Wilkins proposes to look at Roman literature through the eyes of Cicero, urging scholars to read his writings.

“Roman Education” (1905)² was positioned as a textbook for students who knew at least a little Latin, and Cicero was presented there as a key figure. Each of the six parts of the textbook contains notes in the margins, that is, offers a reading guide option. There are references to Cicero’s writings and a detailed discussion of his views on education in each part, while in some parts they cover even several subsequent pages. Wilkins begins the first part by discussing a quotation from Cicero’s “On the Commonwealth”, which juxtaposes the wise Roman state structure with the Greek one: “In the first place, [our ancestors] did not desire that there should be a fixed system of education for free-born youth, defined by law or prescribed by the state or made identical for all citizens. The Greeks, on the other hand, expended much labor in vain upon the subject of education” (Cic. Rep. IV.3.3; tr. by G.H. Sabine and S.B. Smith). Here, Wilkins made a note in the margins — “Home Education”, since Cicero, in his opinion, points to the strict regulation of Roman education by the unlimited power of the father in the family. Without additional commentary, it is not always clear that in “On the Commonwealth” Cicero by no means affirms the priority of home education; he only emphasizes that father’s pedagogy at home sets the tone for all other pedagogical influences. In other words, the outline of the curriculum for the Roman humanities student is set at home, and then expanded and supplemented.

With quotations from “On the Commonwealth”, “On Duties”, “Brutus”, “On the Orator”, “In Defense of Lucius Licinius Murena”, “Tusculan Disputations”, “Orator”, “Against Gaius Verres” and Cicero’s letters to various addressees, Wilkins illustrates the sections discussing the goals and content of school and out-of-school Roman education. In the section on the school curriculum, Wilkins argues with Theodore Mommsen about the role of the Laws of the Twelve Tables before and during Cicero’s life. In the section on the curriculum for student orators, Wilkins tries to demonstrate its content using the example

---

¹ Wilkins (1890). P. 40.

² Wilkins (1905).

of Cicero who studied under the Greek mentors thanks to the efforts of his father. Sometimes idealizing and sometimes ironizing, Wilkins incorporates Cicero's heritage into the content of liberal arts education, paying tribute to the depth and breadth of pedagogical problems that he touched upon in his writings. Such an approach will appear in educational texts for humanities students only at the beginning of the XXI century; Wilkins' contemporaries preferred to reduce the pedagogical ideas of Cicero to the sphere of the orator's education and hardly notice how deep his pedagogical narratives were.

Another person who did not allow Cicero to go unnoticed by humanists was Paul Monroe (1869–1947) — the author of numerous books on the history of education as well as the author and editor of a five-volume encyclopedic work on education. Monroe was an innovator both in the methodology of the history of pedagogy and in the theory and practice of contemporary education. He managed to turn the history of ancient education into an attractive area both for researchers¹ and for all humanists interested in the formation and development of key pedagogical ideas and educational practices.

In the introduction to "Source Book of the History of Education for the Greek and Roman Period" (1901), Monroe writes that he wants to offer more than a plan for the study: in his book, "the interpretation is purposely left in a large degree to the student"². The book is in two parts (Greek and Roman), each containing seven sections. The sources are preceded by the author's text, where Monroe gives a general description of the period and state of affairs in education, and are accompanied by the author's notes in the margins (as A.S. Wilkins once did in his book on Roman education). Of the many Cicero's works of different genres, Monroe chooses only one — "On the Orator"³, fragments of which he places in two sections of the second part of his anthology: "Early Roman Education in General" and "The Orator as the Ideal of Roman Education". Monroe says, "On the Orator" "indicates esteem in which

---

¹ His ideas inspired his contemporaries so much that one of the history of education teachers wrote an article on how Monroe represented the Greek ideal of liberal arts education: Mackie (1937). P. 88-91.

² Monroe (1901). P. vi-vii.

³ Probably, this choice resulted from the popularity of this speech after it was published by A.S. Wilkins.

the laws were still held from the educational point of view, even though they had ceased to hold first place”¹. Monroe defends a somewhat different, but close to this one, position by repeatedly singling out from all Cicero’s works the treatise “On the Orator” and placing it in the “A brief course in the history of education” (1907)². Cicero dedicates “On the Orator” to his brother Quintus and, before speaking about the role and mission of laws, provides an extensive commentary on the state of affairs in eloquence and points out the mandatory study of ancient Greek wisdom by a future orator. Monroe ignores this pedagogical message of Cicero, probably because here Cicero brings the Greek and Roman parts together, and in the author’s commentary above, Monroe has already mentioned their opposition in the field of education.

In our opinion, Monroe’s statement about respect for laws from the educational point of view requires an extended commentary, since it is included in a publication designed to support the reader’s educational, rather than research, interest. The ideology of Roman education, according to Monroe, went back to the Laws of the Twelve Tables, which Cicero repeatedly referred to in many works. In “On the Orator”, Cicero states: “Though the whole world grumble, I will speak my mind: it seems to me, I solemnly declare that, if anyone looks to the origins and sources of the laws, the small manual of the Twelve Tables by itself surpasses the libraries of all the philosophers, in weight of authority and wealth of usefulness alike” (Cic. De Or. I.195; tr. by E.W. Sutton). Trying to assert the priority of the Romans over the Greeks, Cicero tends to exaggerate by defining the Laws of the Twelve Tables as almost the ultimate wisdom (but not the basis of the Roman pedagogy, as Monroe points out). But later he suppresses emotions and explains his position. According to Cicero, knowledge of law is the basis for the Roman wisdom, and therefore it is necessary for a future orator, whose curriculum already included the arts and sciences valued by the Greeks. Such a top orator, politician and trial lawyer as Cicero could not but understand: whatever Plato asserted in his time about the educational power of laws, a person’s *humanitas*, being adequate to human nature, cannot be reduced to tablets regulating only typical relationships.

---

¹ Monroe (1901). P. 333.

² Monroe (1907).

After the reader has become acquainted with the Laws of the Twelve Tables, Monroe introduces a small passage from "On the Orator" and starts with the above quote. He accompanies it with just one note emphasizing the importance of the Laws of the Twelve Tables for education. Monroe includes a much bigger fragment "On the Orator" into the second subsection (Cic. De Or. I.III-VI; XI-XVI; XIX-XXIV¹) and accompanies it with numerous margin notes. Where Cicero speaks of the importance of the art of eloquence and pays tribute to Greece, which has always strived to be the first in it, Monroe makes the following note: "Oratory becomes the aim of education at Rome"². In the following passages, according to Monroe, Cicero speaks about the main qualities of an orator ("Essential qualifications of an orator"), the breadth of his basic knowledge ("Breadth of knowledge essential") and some types of oratory reasoning ("Only certain types of oratory discussed")³. In our opinion, the key points are somewhat different from those of Monroe: Cicero explains that the difference between an oratory and an empty chat is that the former is backed up by knowledge; nevertheless, one should not demand from an orator, who has many social responsibilities, the knowledge of everything. However, what Monroe would later call a mandatory breadth of knowledge, according to Cicero, should be narrowed, but not at the expense of the cause. Monroe needs an educated orator to instruct the youth of his own time, so he considers it possible to neglect Cicero's original messages.

Without bothering the reader with the analysis of all Monroe's comments, we should note that he diligently highlights some and obscures other Cicero's points. Monroe offers a somewhat coarse crystallization of the pedagogical reality of the past for all those who want to see it in the structure of liberal arts education through Cicero's eyes. "Source Book..." by Monroe is an interesting guiding experience for the humanities students in the early XXth century; an experience that interests us by its special interpretation of Cicero's pedagogical ideas and narratives.

Monroe's "A Textbook in the History of Education" (1905)⁴ is divided into fourteen sections, which follow one another in chronological

---

¹ Here we have preserved Monroe's style of citation.

² Monroe (1901). P. 428.

³ Monroe (1901). P. 429-430.

⁴ Monroe (1905).

order. Monroe makes a striking departure from pedantic chronological accuracy in the preface by mentioning the ancient Roman pedagogy first and then the ancient Greek one. Pointing to the specifics of the presentation of educational material, he speaks of the most significant, from his point of view, figures on the historical and pedagogical scene: “Many men are slighted who in themselves are prominent enough, but who contribute little to a dominant movement or add but little to the ideas already presented. In giving the ideal of Roman education, the analysis of the training of the orator by Tacitus or Cicero, though quite as important as that of Quintilian, would have added little to the present discussion”¹.

One of the sections of the textbook is “The Romans: Education as Practical Training”, where the ancient Roman educational ideals and educational practices are characterized according to periods. Monroe repeatedly mentions Cicero², calling him the first Roman who rose “to prominence and to power through oratory”³ and defined education in terms of eloquence, “meaning knowledge of content and of form of literature”⁴. Monroe calls Cicero’s style and argumentation “a living tongue” that predetermined the educational canon of the Latin language for many centuries. Despite the fact that in the introduction to the textbook, Monroe chooses between Quintilian and Cicero not in favor of the latter, the American school for Monroe is impossible without the history of education, while the history of education is impossible without Cicero.

In the preface to “A Brief Course in the History of Education” (1907)⁵, Monroe writes that this book is a condensed version of the 1905 textbook. It is addressed to teachers and students who cannot afford a significant number of academic hours to study the history of education, therefore “many topics, especially those that demand a philosophical treatment such as most non-collegiate students are unprepared to give”⁶ are omitted. Monroe suggests getting acquainted with a brief

---

¹ Monroe (1905). P. viii.

² Monroe (1905). P. 192, 356, 358, 366, 372ff, 384, 387, 425.

³ Monroe (1905). P. 192.

⁴ Monroe (1905). P. 366.

⁵ Monroe (1907).

⁶ Monroe (1907). P. V.

course and perceives it as a basis for studying a vast subject that is revealed in a variety of texts. In terms of volume, the non-brief course is about twice as long as the brief one. For example, the section on Roman education, which is of interest to us, occupied forty-three pages in the textbook of 1905, while in the textbook of 1907, it occupied twenty pages. The reduced sections excluded the references to a number of personalities in support of the key ideas, while Cicero retained his position. Again, Monroe mentions "On the Orator" and calls the year of the publication of this work (55 BC) a landmark: "...this date may well be taken as the dividing point between the two eras"¹. Monroe implies a watershed between the ancient Greek and ancient Roman educational ideals, and he calls Cicero the great Roman who transformed the idea of education.

"A Cyclopedia of Education" (1911-1913)² became a part of Monroe's ambitious vision to present the pedagogical reality of the past for the present and the future — a vision that he approached with all seriousness. The volumes represented the work of several hundred authors³, whose articles were arranged alphabetically and were accompanied by hundreds of illustrations, diagrams, figures, cross-references and bibliographic references⁴. In this encyclopedic work, a significant place is occupied by the history of ancient education, presented both through general issues and in persons. The second volume includes a lengthy article about Cicero authored by Gonzalez Lodge, an American classical philologist and author of the famous "The Vocabulary of High School Latin". The priority in the article is given not to the biographical information, but to the vast legacy of Cicero and his role in the development of Roman culture and education. Emphasizing the importance of Cicero for the Renaissance, the author of the article does this by pointing out Cicero's special style, which became part of the educa-

---

¹ Monroe (1907). P. 87.

² The book has gone through many reprints, being released in five, then in three volumes.

³ This work in five volumes included more than three thousand pages, and among the authors was P. Monroe himself, as well as E. Cubberley, who will be discussed below.

⁴ For more information about the publication of this fundamental work, reprints and encyclopedias on education that appeared after it, see: Brickman, Cordasco (1970). P. 324-337.

tional program of that period: "Consequently, all students of Latin imitated Cicero from the beginning, and the position he then occupied in the schools has not been seriously impaired up to now. At the outset his letters, his Offices, as well as his orations, were read by schoolboys, but as the time devoted to Latin has diminished, a selection from the orations has come to be the chief work studied in schools, although various attempts have been made to read a few of the letters in illustration of the history of the period, or of Cicero's own character"¹. Lodge's article provides an in-depth overview of the research in Cicero's legacy including the publication data of the key works². Lodge devotes the next article, which is larger than the one on Cicero, to Cicero's style, which is viewed with regard to who, how and why studied Cicero in school and outside it.

The third person who drew humanists' attention to Cicero at the beginning of the last century was Ellwood Cubberley (1868–1941), a disciple of P. Monroe and the author of numerous works on the history of education. In his "Syllabus of Lectures on the History of Education with selected Bibliographies" (1902)³, Cubberley offers forty chapters for study (twenty-two in the first and eighteen in the second semester), with subchapters. In the "Roman Education" chapter, which has four subchapters, the author gives priority to Quintilian⁴ in educating the orator (there is only one reference to Cicero's "On the Orator")⁵.

In "The History of Education: Educational Practice and Progress Considered as a Phase of the Development and Spread of Western Civilization" (1920)⁶, Cubberley speaks of Cicero as either a student who mastered oratory in Greece, or as a critic of the Greek type of education, or as an author of educational texts⁷. In this book¹, Cicero and Quintil-

---

¹ Monroe, ed. (1911) P.5.

² Among other things, Lodge points to a number of Cicero editions for school: Lebreton's *études sur le langue et la grammaire de Ciceron* (Paris, 1907), Zielinski's *Das Clauselgesetz in Ciceros Reden* (Leipzig, 1904) и Laurant's *Etudes sur le style des discours de Ciceron* (Paris, 1907).

³ Cubberley (1902).

⁴ As we remember, Monroe would choose between Quintilian and Cicero in favor of the former in the book of 1905.

⁵ Cubberley (1902). P. 42.

⁶ Cubberley (1920).

⁷ Cubberley (1920). P. 47;71-72; 59;73.

ian are viewed as figures of equal significance, whose texts have stood the test of test being educational texts as well, and must be studied by modern students.

In "A Brief History of Education" (1922)², Cubberley only mentions the name of Cicero, since the form of presentation does not imply references to either specific authors or their works. Probably, Cicero could have received more attention in the second edition of the book, which Cubberley planned to turn into a full-fledged textbook, but as Paul Monroe's textbook had occupied this niche, Cubberley's scientific interests had to change³.

Cicero was included twice with the same text "On the Orator" in the anthology on the history of education "Readings in the history of education a collection of sources and readings to illustrate the development of educational practice, theory, and organization" (1920)⁴. The anthology contained twenty-nine chapters in chronological order tracing the history of education from ancient Greece to the 1910s. The anthology was conceived as a supplement to his course of lectures on the history of education. Cubberley thought most highly of his "twins" ("History of Education... " and "Reading..."). "He had been generous in the former in the use of illustrations and reproductions, but the latter to this day are a convenient and scholarly source of many documents of importance to the history of education"⁵.

The third part of the anthology "The Education and Work of Rome" contains two sets of fragments from Cicero's "On the Orator" and is subtitled "Cicero: The Importance of the Twelve Tables in Education" and "Cicero: Oratory the Aim of Education". Cubberley borrows the same fragments from "On the Orator" as Monroe: in the first case, he cites the same fragment, and in the second, he significantly reduces the

---

¹ This book arose from Cubberley's experience at Harvard and Stanford and reflected the specific features of his teaching style: "One reason for his facility in producing excellent textbooks is the fact that his lectures are so well organized that when they are completed for any one course they make a textbook in themselves" (Benjamin [1933]. P. 3).

² Cubberley (1922).

³ Arnstein (1954). P. 79.

⁴ Cubberley, ed. (1920).

⁵ Arnstein (1954). P. 79-80.

fragment selected by Monroe probably not to exceed the average volume of quotations for each author. In the introduction to this part, Cubberley indicated that it would enable the reader to trace the evolution of the Roman boy's education over a considerable historical distance, at the end of which the purpose of education was to prepare an orator. Cubberley did not make any margin notes in "On the Orator" but included in this part a fragment from "The History of Rome" by Theodore Mommsen (the year of publication is not indicated; probably 1854–1856), repeating what A.S. Wilkins did it in his 1905 edition. This fragment, according to Cubberley, gives an insight into the life of a Roman citizen during the period of the Republic¹. Mommsen's somewhat pretentious text dwells about the beautiful soul of a noble and free Roman citizen, whose life is hard but covered with glory. The main feature of the Roman is civic pride, the traces of which we, modern people, still continue to discover. The peculiar pedagogical discourse of Cicero, conceived in Rome during the transition from the Republic to the Empire, was based on a special understanding of civic pride through the prism of glory. Monroe's notes in the margins of "On the Orator" as well as Mommsen's text, which Cubberley includes in his book, are more consistent with Cicero's early work "On Invention", but this essay remains outside the scope of both Monroe's and Cubberley's textbooks.

Books by P. Monroe, A.S. Wilkins and E. Cubberley were published one after another, which forced their compilers to choose different logics for presenting the material: Cubberley chose between Quintilian and Cicero in favor of the first in his book of 1902, and Monroe did the same in his book of 1905; Wilkins juxtaposed the texts by Cicero and Mommsen in his 1905 book, and Cubberley did the same in the 1920 book. Each of the three can be questioned why some texts were selected, while others were not. With regard to Cubberley, G. Arnstein tried to answer this question by pointing out 24 names of famous educators chosen by Cubberley and carved on the front of a university building at Stanford². Among these names, we will find the name of Quintilian, but not of Cicero³. G. Arnstein believes that this list of name gives

---

¹ Cubberley (1920). P. 27.

² An attempt to understand the features of Cubberley's "scalpel" is discussed in the following paper: Bezrogov, Pichugina (2018).

³ Arnstein (1954). P. 75.

us next to nothing for understanding Cubberley's principle for selecting them: even if we keep in mind that he put practice above theory, why is J. Dewey not on the list? That is, can we consider his choice not in favor of Cicero accidental or was it a deliberate strategy of turning Cicero into a figure of silence — the strategy that Cubberley chose while maneuvering between the books of Wilkins and Monroe? They, in turn, did the same thing and missed two important points, which A. Gwynn's book "Roman Education: from Cicero to Quintilian" (1926) was based on, for example. Quintilian is indeed an iconic figure in Roman education, but his instructions to the orator were an attempt to revive the ideals of Cicero's treatise "On the Orator" in the changed context of Roman society. Thanks to Quintilian, Roman schools did indeed receive a sufficient supply of grammar and rhetoric textbooks, but "no teacher was found who could speak with Quintilian's authority, no orator sufficiently interested in the theory of his art to produce a second *De Oratore*"¹. A. Gwynn focuses on the fact that the heritage of an author should be assessed according to the impact on the audience it was intended for. Cicero's works, in his opinion, found their audience. But this cannot be assumed about the writings of Quintilian and Tacitus, since they failed to produce their own Cicero. To paraphrase A. Gwynn, we can say that Cicero launched a liberal arts education program that was successfully mastered by many orators including Quintilian and Tacitus.

This conclusion was drawn by none of the three great historians of education preoccupied with the choice between Cicero and Quintilian². The fragments of Cicero's texts selected by P. Monroe and E. Cubberley illustrate the importance of his views for the liberal arts curriculum but do not allow one to see the originality of Cicero's peda-

---

¹ Gwynn (1926). P. 242.

² For domestic textbooks, anthologies and sourcebooks on the history of pedagogy, Cicero remains a figure of silence throughout the entire XX century. He is not mentioned in a number of sourcebooks (the anthology compiled by V.A. Glebovsky, St. Petersburg, 1903; the anthology compiled by I.F. Svadkovsky, M., 1935; the anthology compiled by A.I. Piskunov, M., 1971, etc.). Trying to demonstrate the features of ancient Roman pedagogy, the compilers often give preference not to Cicero, but to Quintilian and his work "The Institutes of Oratory").

gical views and evaluate his role in changing the narrative tradition that enabled us to understand the humanistic reality. Both of them believed that their textbooks would be compared and, probably, shared by the humanities students of several generations ahead.

***Cicero's works as learning texts for humanities students
in the first two decades of the XXI century: what is it like now?***

The strategies for representing Cicero in learning texts in the first decade of the XXI century are the result of a tradition that has existed since the 40s of the XXth century and inextricably linked Cicero and Quintilian. Thus, in the essays by G.E. Zhurakovsky¹ (1940), there is a chapter entitled "Cicero's Pedagogical Ideas" followed by the chapter "Quintilian's Pedagogical Ideas", again connecting the two authors. G.E. Zhurakovsky considers Cicero's life and career from the perspective of the evolution of his pedagogical ideas, which are accumulated in "On the Orator", "On Duties", "On the Commonwealth", "Tusculan Disputations", though, according to the compiler, they do not form a "complete pedagogical system". The significance of Cicero's legacy, which is also emphasized in the chapter on Quintilian², is determined not only by the important information about the civil and family education of his time, but also by the clear definition of the disciplines included in the liberal arts curriculum.

In the textbook edited by Z.I. Vasilyeva "History of Education and Pedagogical Thought Abroad and in Russia" (2002), both Cicero and Quintilian are provided with one page each. The authors do not discuss any particular writings of Cicero and limit themselves to the controversial conclusion that it is hardly possible to trace any difference between Greek and Roman education. In this and other Russian textbooks, Cicero and Quintilian personify ancient Roman education, but their works are not deeply analyzed and their pedagogical views are not revealed. The general logic of Russian learning books for humanities stu-

---

¹ Zhurakovsky (1940).

² In the textbook on the history of pedagogy by N.A. Konstantinov, E.N. Medynsky and M.F. Shabaeva, there is no mention of Cicero, while Quintilian is called "the most famous of the Roman teachers". In this textbook, like in many other Russian anthologies and sourcebooks, Quintilian alone represents the entire Roman pedagogy (Konstantinov, Medynsky, Shabaeva [1982]. S. 18).

dents is as follows: ancient texts are presented in chronological order and not grouped according to the key issues.

A different logic is revealed in Western European textbooks, anthologies and sourcebooks. The preface to the anthology “À l'École des Anciens: Professeurs, élèves et étudiants” (“Learning From the Ancients: Teachers, Pupils and Students”), compiled by Laurent Perno (2008), explains that the teachers in the broad sense of the word were chosen from a mentor or a secondary school teacher to a fashionable intellectual and the “shaper of souls”¹. Further, it is explained that it is impossible to consider the figure of a teacher without the figure of a student sitting in the first or last row, no matter how good or bad they are. Starting from the thesis that Antiquity glorified many brilliant examples of teachers and students, the compiler distributes the sources into eight sections, each of which is provided with a short preface and contains several subsections that include small fragments of original sources (which is caused by the pocket format of the book). Cicero's texts are placed in several sections and subsections, respectively: a fragment from “About the subdivisions of oratory” (Cic. Part. Or. 126) — the section “Education in love” (the subsection “Platonic love”), fragments from the writings “On the Orator” (Cic. De or. II.2-4), “About the Ends of Goods and Evils” (Cic. De FV1-3) and “Brutus, or On the Famous Orators” (Cic. Brut. 305-307) — the section “Stories about pupils” (subsection “Encounters of Greece with Rome”), “The Philippians” (Cic. Phil. II.42-43) — the section “A hard life of a teacher” (subsection “Down with the teachers!”). Here is the last of Cicero's quotes included in the Anthology to make the reader smile: “And was it in order to collect all these arguments, O you most senseless of men, that you spent so many days in practising declamation in another man's villa? Although, indeed, (as your most intimate friends usually say,) you are in the habit of declaiming, not for the purpose of whetting your genius, but of working off the effects of wine. And, indeed, you employ a master to teach you jokes, a man appointed by your own vote and that of your boon companions; a rhetorician, whom you have allowed to say whatever he pleased against you, a thoroughly facetious gentleman; but there are plenty of materials for speaking against you and against your

---

¹ Pernot (2008). P. 7.

friends. <...> And what wages have you paid this rhetorician? Listen, listen, O conscript fathers, and learn the blows which are inflicted on the republic. You have assigned, O Antonius, two thousand acres of land, in the Leontine district, to Sextus Clodius, the rhetorician, and those, too, exempt from every kind of tax, for the sake of putting the Roman people to such a vast expense that you might learn to be a fool” (Cic. Phil. II.42-43; tr. by C.D. Yonge).

In the book “Greek and Roman Education: A Sourcebook” (2009) edited by Mark Joyal, Iain McDougall, and John Yardley¹, Cicero’s legacy is well represented in the following sections: 1) “Early Rome to c. 100 BC” (Cic.Brut. 104, 211; Cic.Leg. 2.59; Cic.Rep. 4.3.3; Cic.De.or. 2.1-4; Cic. De.or. 3.93-95); 2) “Reading, writing and literary study: Late Roman Republic and Empire” (Cic. Q. fr. 2.4.2; Cic.Att. 4.15.10; Cic. Q. fr. 16.21.3-6); 3) “Teaching and learning the liberal arts and rhetoric: Cicero to Quintilian” (Cic.De.or. 1.19-20; Cic.De.or. 1.187-88 и Cic.Arch. 1.2; Cic. Q. fr. 3.3.4; Cic. Brut. 305-10, 314-16; Cic. Caec. 47). In the Introduction, the compilers write that modern Western education finds its origins in the practices, systems and schools of the ancient Greeks and Romans, which prepares the reader to the meeting with the key figures in educational theory and practice. Cicero is identified as one of these figures by the compilers.

Cicero’s pedagogical legacy is included in the content of liberal arts education more often for contrast, not for comparison. One of the chapters of the anthology “Greek and Roman Education: A Sourcebook” (2009) begins with the paragraph “From Cicero to Quintilian” and repeats part of A. Gwynn’s 1926 work mentioned above. The compilers weaken the contrast by highlighting the similar views of Cicero and Quintilian on the theory and practice of rhetoric. In the anthology, Cicero is presented as a person concerned with the upbringing of the younger generation who urges young people to observe the laws, to be responsible in the choice of books for reading, to learn from Greek mentors whenever possible. Cicero’s speeches “Against Quintus Caecilius” and “In Defense of Aulus Licinius Archias the poet”, writings “Brutus”, “On the Commonwealth”, “On the Laws”, “On the Orator”, as well as his letters on various topics are qualified as significant.

---

¹ Joyal, McDougall, Yardley, eds. (2009).

Cicero's private life is also the subject of attention when it comes to the famous Greek mentors he studied from and chose for his son.

This subtle combination of the personal and the public reflects the new logic of incorporating Cicero's pedagogical legacy into modern liberal arts education. It can be traced, for example, in "Geschichte der Pädagogik: Von Platon bis zur Gegenwart" ("History of Education: From Plato to the Present", 2010), where Cicero's pedagogy is defined as one of the origins of the humanistic pedagogy of the Renaissance, for which wisdom meant bringing together words and deeds¹. The author's attention is attracted, first of all, to Cicero's "On Duties" where wisdom and eloquence are inextricably linked, helping a person to act for the benefit of himself and others. The question of what should be considered the starting point has always been controversial for the history of education. Some researchers choose to start with Plato while others suggest Rousseau, as it is done, for example, in the French anthology "Quinze pédagogues. Idées principales et textes choisis" ("Fifteen Teachers. Basic Ideas and Selected Texts", 2013)², which did not include ancient pedagogy and, accordingly, the pedagogy of Cicero³.

The authors of the Oxford textbook "Childhood and education in the classical world" (2013) first list Cicero's writings "On Old Age", "Brutus", "Tusculan Disputations", and "On the Orator" where the author describes man's ages including childhood with its difficulties and risks. "On Duties", "On the Commonwealth", "On the Nature of the Gods", "On Friendship", as well as the speech "In Defense of Murena" and Cicero's letters are mentioned to support the reasoning about the life and customs of the Roman family. In the chapter "Socialization of a Roman Child", the authors devote several pages to Cicero's private life, first talking about the birth of a child and early care on the example of Cicero's son Mark, and then examining in detail Cicero's educational influence on the grownup Mark and Cicero's brother Quintus⁴. The genre of the textbook does not imply any citation or analysis of quotations from the works of one or another author, as Wilkins did, for ex-

---

¹ Böhm (2010). S. 18.

² Houssaye (2013).

³ For an overview of French anthologies, see: Bezrogov, Pichugina (2018).

⁴ Grubbs, Parkin, Bell, eds. (2013). P. 266-267; 270-271.

ample. The reader is only pointed to Cicero as the author of texts that allow seeing the narrative dimension of the pedagogical reality.

In the anthology “*Tempi del pensiero. Storia e antologia della filosofia. Età antica e medievale*” (“Time for Thinking. History and Anthology of Philosophy. Part 1. Antiquity and the Middle Ages”, 2011)¹, Cicero is shown as a philosopher who specified what a duty and obligations should be like, which, with all due respect to the rules of civil society, varies significantly depending on a person’s social status and life circumstances. All these concepts form the basis for the concept of “*humanitas*”, which Cicero included in a number of contexts (including the pedagogical ones) and supplemented with many words (“*moralis*”, “*qualitas*”, etc.). Cicero’s legacy is considered as a set of texts, where a number of ideas become guidelines in particular life situations. According to the compilers of the anthology, Cicero believed this form of presentation to be the most suitable for Roman noblemen who were unable to identify with any philosophical school or become professional philosophers. Therefore, the purpose of his writings is to search for the probable, i.e. what can be tested and approved². The anthology contains only one fragment from Cicero’s treatise “*The Academica*” that dwells on Socrates and reflects some of the features of his pedagogical method (Cic. Acad. I.45).

In the anthology “*Storia romana. Antologia delle fonti*” (“History of Rome. Anthology of Sources”, 2016, under the general editorship of Elio Lo Cascio), the emphasis is placed not on Cicero the mentor or Cicero the philosopher, but on Cicero the politician. This corresponds to the structure of the anthology, in which the sources are divided into sections with an emphasis on institutions related to public administration. Numerous quotes from Cicero’s writings³ are intended to illustrate the

---

¹ Cambiano, Cambiano (2011).

² Lo Cascio, ed. (2016). P.298.

³ Cic. Balb. 53; Cic. Brut. 27.102, 27.104, 27.106; Cic. De or. II.12.52-53, II 9.36, II 15.62-64; Cic. Div. I.48.107; Cic. Flac.15; Cic. Leg. I.2.5-9, II.4.9, II.23.59, III.8.19-9.20, III. 9.22, III.15.34-16.36, III.19.44; Cic. Leg.agr. II.27.73, II.5.10, II.35.96; Cic. Off. II.25.89; Cic. Planc. 27.66; Cic. Rep. II.1.1-3, II.13.25, II.15.28, II.16.29-30, II.19.34, II.20.35, II.22.39, II.33.58, II.36.61, III.9.16; Cic. Tusc. I.16.38, IV 1.1-3, IV.2.3-4; Cic. Verr. III.5.11-12, III.12, V.56.145-146, V.59.154.

features of his time, without, however, overlooking the role of Cicero in the development of contemporary rhetorical education. The author of a textbook on philosophy, which is similar in structure to an anthology¹, adheres to the same logic. The textbook includes an extensive commentary on Cicero but only one of his quotations (Cic. Off. I.20) in the subsection that contains quotes on freedom and individuality.

In the preface to one of the anthologies² we have already examined, the compilers complain that students continue to feel the need for illustrated anthologies on the ancient pedagogical legacy. One of the authors of this article co-authored such an anthology — “Антология педагогического наследия Древней Греции и Древнего Рима” (“Anthology of the Pedagogical Heritage of Ancient Greece and Ancient Rome”, 2019)³. The anthology contains fragments of translations of ancient Greek and Latin texts devoted to the upbringing and education of younger generations. The sources, some of which published in Russian for the first time, are grouped to present the ancient city as a set of educational spaces: the space of the city square, the space of the mentor's school, the space of the feast, the space of the theater, the space of home, sports and recreation. All the text fragments in the anthology are provided with pedagogical commentaries, including the fragments from the speeches “In Defense of Aulus Licinius Archias the poet”, “In Defense of Marcus Caelius Rufus”, “In Defense of Quintus Roscius Gallus the Comic actor”, and the fragments from Cicero's letters to Atticus, Quintus, and Titus Pomponius Atticus. The inclusion of the fragments of Cicero's speeches and letters but not his other writings in the anthology is explained by the structure of the anthology, whose compilers invited the reader to consider seven types of sources: biographical and doxographic sources, speeches, letters, compositions of different genres, epigrams, dramas and satire, treatises, and dialogues. Fragments from Cicero's texts of all other genres are included in the anthology “Марк Туллий Цицерон. Антология гуманной педагогики” (“Mark Tullius Cicero. Anthology of Humane Pedagogy”, 2017)⁴ published a little earlier. In this anthology, excerpts from Cicero's pedagogical writings are

---

¹ Johnson (2018).

² Joyal, McDougall, Yardley, eds. (2009).

³ Pichugina, V.K., Bezrogov, V.G. sost. (2019).

⁴ Pichugina, V.K., Volkova, Ja.A. sost. i komm. (2017).

divided between five sections. The section “Education of an Orator” includes fragments from “On Invention” and “On the Orator”; the section “Education of a Citizen” comprises fragments from “On the Laws” and “On Duties”; the section “Education of a Family Man” — fragments from “On the Laws” and Cicero’s letters to his brother, friends and relatives; the section “Education of the Self” — fragments from “On the Laws”, “On Duties”, “About the Ends of Goods and Evils”; the section “Education Through Culture” — fragments of speeches and “Tusculan Disputations”.

Thus, in the first two decades of the XXst century, there was a tendency towards the historical and pedagogical study of Cicero’s legacy and a broader presentation of his texts for educational purposes. Now it is difficult to imagine a learning book for humanities students which would include fragments of only one Cicero’s writing “On the orator”, as P. Monroe once did in his book.

***Cicero’s writings as learning texts for humanities students:
from offline to online***

Throughout his life, Cicero struggled to introduce a curriculum in the content of liberal arts education. Nowadays Cicero’s legacy is a part of the world humanities curriculum since Cicero’s ideas have a high heuristic potential. The review of textbooks, anthologies and source-books of the first decades of the past and present centuries, which include quotations and small fragments of Cicero’s texts, allows us to see the different goals set by the authors and compilers. There is no single reading program for Cicero, and there will never be, since each specific humanities speciality requires its own Cicero.

In many of his writings, Cicero shifted from a conceptual description of reality (a detailed presentation of what happened) in favor of its narrative description (an account of what happened through the person with whom it happened), which is especially important for understanding the nature of humanistic reality. In order to outline the curriculum for humanities students, he often appeared in the content of the liberal arts education in a truncated or distorted form. New technologies allow humanities students to independently search, select, compare, and build a hierarchy of Cicero’s texts, compile their own paper and online an-

thologies¹. Cicero is increasingly appearing in the “Cicero Digitalis”² format, which opens up new opportunities for reading his texts and comprehending the nature of humanistic knowledge through them.

The article was received on February 10, 2021

The article was received after reviewing on March 11, 2021

REFERENCES

- Arnstein, G.E. (1954) “Cubberley: The Wizard of Stanford”, *History of Education Journal* 5.3, 73-81.
- Benjamin, H. (1933) “Cubberley: The Master Teacher”, *The Phi Delta Kappan* 16.1, 3-4,8.
- Bezrogov, V.G., Pichugina, V.K. (2018) “Ramki dlja istoriko-pedagogicheskoy antologii ili Skal'pel' Jellvuda Kabberli”, *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal*, 2, 41-52.
- Böhm, W. (2010) *Geschichte der Pädagogik: Von Platon bis zur Gegenwart*, 3. Auflage. — München: Verlag C. H. Beck oHG.
- Cambiano, G., Mori, M. (2011) *Tempi del pensiero. Storia e antologia della filosofia. Età antica e medievale*. Roma-Bari: Editori Laterza.
- Carr, W.G. (1933) “Cubberley: The Master Historian”, *The Phi Delta Kappan* 16.1, 5-6.
- Christes, J., Klein, R., Lüth, C. (2006) *Handbuch der Erziehung und Bildung in der Antike*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Cubberley, E.P. (1902) *Syllabus of Lectures on the History of Education with selected bibliographies*. New York: The Macmillan Company.
- Cubberley, E.P. (1920) *The history of education: Educational practice and progress considered as a phase of the development and spread of western civilization*. Boston: Houghton Mifflin company.
- Cubberley, E.P. (1922) *A Brief History of Education*. Cambridge-Massachusetts: Houghton Mifflin Company.
- Cubberley, E.P., ed. (1920). *Readings in the history of education a collection of sources and readings to illustrate the development of educational*

---

¹ Pichugina (2020). P.149-150.

² This is the title of a recent conference on Cicero's legacy in the digital age: <https://www.archaeology.wiki/blog/agenta/cicero-digitalis/> (Aug., 2021).

- practice, theory, and organization*. Massachusetts: Houghton Mifflin Company.
- Fraser, J.W. (2013) "Where Is Ellwood Cubberley When We Need Him? A Response", *History of Education Quarterly* 53.2 (Special Theme Issue: If Life Were Endless, What Would You Study?), 170-176.
- Grubbs, J. E., Parkin, T., Bell, R. eds. (2013) *Childhood and education in the Classical World*. New York: Oxford University Press.
- Guite, H. (1962) "Cicero's Attitude to the Greeks", *Greece & Rome, Second Series* 9.2, 142-159.
- Gwynn, A. (1926) *Roman education: from Cicero to Quintilian*. Oxford: at the Clarendon Press.
- Houssaye, J. (2013) *Quinze pédagogues. Idées principales et textes choisis: Idées principales et textes choisis* (Pédagogues du monde entier). Paris: Edition Fabert.
- Johnson, L. (2018) *The philosophy handbook. Practical readings and quotations on wisdom and the good life*. Independently published.
- Joyal, M., McDougall, I., Yardley, J. C., eds. (2009) *Greek and Roman Education: A Sourcebook. Routledge Sourcebooks for the Ancient World*. London – New York: Routledge.
- Konstantinov, N.A., Medynskij, E.N., Shabaeva, M.F. (1982) *Istorija pedagogiki: uchebnik dlja studentov pedagogicheskikh institutov*. 5-e izd. Moskva: Prosveshhenie.
- Lo Cascio, E., ed. (2016). *Storia romana. Antologia delle fonti: a cura di Elio Lo Cascio*. Milano: Monduzzi Editoriale.
- Monroe, P. (1901) *Source Book of the History of Education for the Greek and Roman Period*. New York and London: Macmillan.
- Monroe, P. (1905) *A text-book in the history of education*. New York: The Macmillan Company.
- Monroe, P. (1907) *A brief course in the history of education*. New York: The Macmillan Company.
- Monroe, P., ed. (1911) *A cyclopedia of education*. Vol. II. New York: The Macmillan Company.
- Pernot, L. (2008) *A l'Ecole Des Anciens: Professeurs, élèves et étudiants*. Paris: Les Belles Lettres.
- Pichugina, V. (2020) "Creating Personalized Anthologies Using Primary Sources", Pinar Durgun, ed. *A Handbook for Teaching about the Ancient World*. Vol.1. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 149-150.

- Pichugina, V.K., Bezrogov, V.G. sost. (2019) *Antologija pedagogicheskogo nasledija Drevnej Grecii i Drevnego Rima*. Moskva: Russkoe slovo-uchebnik.
- Pichugina, V.K., Volkova, Ja.A. sost. i komm. (2017) *Mark Tullij Ciceron. Antologija gumannoj pedagogiki*. Moskva: Neolit.
- Wilkins, A.S. (1877) *Roman Antiquities with illustration*. London: Macmillan and Co.
- Wilkins, A.S. (1890) *Roman Literature*. London: Macmillan and Co.
- Wilkins, A.S. (1905) *Roman education*. Cambridge: at the University Press.
- Wilkins, A.S., tr. and ed. (1868). *M. Tullii Ciceronis de oratore liber primus, with notes of K.W. Piderit*. London: Hamilton, Adams, and Co.
- Zhurakovsky, G.E. (1940) *Ocherki po istorii antichnoj pedagogiki*. Moskva: UchPedGiz.

ХУАН ЛУИС ВИВЕС ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Н.В. РЕВЯКИНА

В статье на основе работы «Об обучении» (*De tradendis disciplinis*) испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса (1492/3–1540) освещается вопрос об использовании античной литературы в школе в начальный период обучения детей (от 7 до 15 лет). Отмечены высокая оценка Вивесом латинского языка, положительное отношение к преподаванию в школе греческого, влияние древних языков на современные европейские языки — итальянский, испанский, французский. Обращено внимание на некоторые особенности при изучении латинского языка, не характерные для предшествующих Вивесу гуманистов, писавших о школе, это использование в начальный период обучения родного языка как вспомогательного для лучшего усвоения латинского, и в последующий период применение современной литературы — писателей, грамматиков, гуманистов, помогающих изучению древних языков. Эти особенности объясняются временем жизни Вивеса — эпохой складывания национальных государств, укрепления народных языков, развитием культуры и педагогической мысли. В статье рассматривается и поставленный самим Вивесом вопрос об отношении к языческой литературе и к некоторым, с точки зрения Вивеса, сомнительным в нравственном смысле поэтам. При всей противоречивости Вивеса и малой убедительности его самооценки решение этого вопроса сводится у него к отбору для изучения в школе и самих авторов и тех или иных их сочинений, которые можно применять в работе с учениками и уберечь последних от пороков. В статье показано, что как латинская, так

и греческая литература (труды по ораторскому искусству, поэзия, комедии, исторические работы, работы по мифологии и другие) широко используется в обучении. Античные сочинения не только формируют и обогащают язык, но и дают разносторонние знания в основном гуманитарного толка, помогают воспитывать образованного и культурного человека. Этому способствует и данный в самом конце рассуждений Вивеса об обучении большой обзор (свыше 100 имен) древних авторов, современных писателей, ученых, гуманистов, раннесредневековых писателей, «отцов церкви», издателей, переводчиков, комментаторов с краткими характеристиками многих из них.

Хуан Луис Вивес (1492/93–1540) — выдающийся испанский гуманист, чьи работы по педагогике, психологии и общественной мысли в XVI–XVII вв. активно читались, многократно издавались и влияли на развитие европейской культуры. В своем трактате «О науках» (*De disciplinis*, 1531) Вивес высказал свой взгляд на состояние западной культуры и образования его времени; остро критическое отношение гуманиста к культуре и ее истокам¹, к образованию соединяется в трактате с позитивными предложениями в отношении образования². Часть трактата «О науках» (5 книг 2-го тома «О обучении») (*De tradendis disciplinis*) специально посвящена проблемам школы и образования.

Языком образовательной подготовки продолжал оставаться и в XVI в. латинский язык, а античная литература (латинская и греческая) служила основным материалом (источником) для обучения. Выяснить отношение Вивеса к этому источнику обучения и составляет главную задачу статьи. Сразу же заметим, что речь пойдет об обучении грамматике и древним языкам (латинскому и греческому) детей от 7 (8) до 15(16) лет. Вивес выделяет этот начальный период обучения, отделяя его от времени обучения другим дисциплинам. Сам он имел педагогический опыт, возмож-

---

¹ Об этом во вступительной статье В. Бибикина к его переводу отрывков первой книги трактата «О науках», см.: Шестаков, сост. (1981). С. 457-459 (вступ. ст.), 460-470 (текст).

² Высокую оценку педагогическим взглядам Вивеса дает Валерио Дель Неро, см.: Del Nero (2008). P. 201, 203.

но, именно такой, учительствуя, как полагают исследователи, еще в Париже после окончания университета; позже, оказавшись в Нидерландах, он преподавал в Лувене и затем в Колледже «Корпус Кристи» в Оксфорде.

Прежде, чем говорить об использовании Вивесом в обучении античных авторов, следует отметить особенности, которые отличают нашего гуманиста от его предшественников, гуманистов более раннего времени. Вивес использовал на ранних этапах обучения вместе с латинским народный язык. Кроме того он широко обращался в обучении, наряду с античными авторами, к современным ему писателям, гуманистам, грамматикам, помогающим усвоению латинского языка, к раннесредневековым авторам, к христианским писателям («отцам церкви»). Обе особенности объяснимы новой эпохой, в которую жил Вивес — временем складывания и роста национальных государств, укреплением народных языков, развитием культуры и педагогической мысли¹.

Хотя обучение и в этот период велось на латинском языке, но роль родного языка в общественной жизни возрастала, и Вивес вводит его в обучение, правда, только на ранних этапах. Разговор о родном языке он начинает издавна — с умения человека говорить. «В человечестве первое знание это знание языка (умение говорить), оно льется как из источника от разума и мысли. Слово (речь) также инструмент человеческого общения... И подобно тому, как мысль

---

¹В средневековых школах использовались в начальной школе Псалтырь, учебник грамматики (сокращенный текст учебника римского грамматика Доната IV в.) «*Donatus minor*», затем в грамматической школе учебники Александра Вилледье «*Doctrinale*» (XIII в.) и римского грамматика Присциана, а для чтения — нравоучительная литература в поэтической форме — «авторы», круг которых сформировался в основном в XII в. (за исключением «Дистихов Катона» и басен Эзопа. См.: Frova (1981); Ревякина (2015). В кон. XV–XVI в. появляется целый ряд работ для школьного обучения: учебники грамматики, сборники текстов, книги для чтения. Среди них учебник В.Лици (известен как учебник Эразма), 1527 (1542), J. Despauterius. *Commentarii grammatici*, 1536; из сборников — *Adagia* Эразма, 1500 и ряд переизданий в 1505, 1513, 1514, W. Horman. *Vulgaria*, 1519; из книг для чтения - *Colloquia* Эразма, 1518 и ряд переизданий. См. об этом Bowen (1980). P. 356, 453-464.

у нас от милости Бога, так говорить на том или ином языке для нас естественно»¹.

И дома родители и в школе учителя, считает Вивес, должны постараться, чтобы дети хорошо говорили на родном языке. Родители должны стремиться к тому, чтобы душевные чувства и речь ребенка выражались чистыми словами в целой и связанной речи. Равно и кормилицы не должны говорить бессвязно, абсурдно, поварварски, чтобы не было у детей пороков в речи (*De disc.*, 271).

А в школе учитель должен хорошо знать родной язык детей, чтобы с его помощью удобнее и легче вести обучение. Если на родном языке не используются слова, подходящие и нужные для дела, о котором идет речь, то учитель может ввести детей в заблуждение, и эта ошибка будет упорно сопровождать их до взрослого возраста. Но дети не достаточно поймут свой язык, если не будет называться очень ясно каждое слово в отдельности (*De disc.*, 279).

В процессе обучения сначала начинают говорить на родном языке; если в нем ученик делает какие-то ошибки, учитель поправит его, затем понемногу ученик заговорит по-латыни, соединит усвоенное от учителя и прочитанное самим в начале обучения; в школе язык будет смешанным — из родного и латинского; дома говорят на своем языке (*De disc.*, 283). Будет полезно давать детям слова на родном языке рядом с их латинским значением и, напротив, латинские слова и рядом на родном языке; так делал испанский педагог А. Небриха, замечает Вивес (*De disc.*, 296).

И хотя родной язык не имеет самостоятельного значения при обучении, а помогает лучшему усвоению латинского, Вивес выступает в защиту родного языка. Он говорит, что надо хранить в памяти древность родного языка и не только знание недавних слов, но и старинных и тех, что вышли из употребления; ведь если тако-го не будет при частых изменениях каждого языка, то книги, написанные за сто лет до этого, не будут понятны потомкам (*De disc.*, 279). Известно, что родной язык в школах в какой-то мере использовался², но заслуга Вивеса состоит в том, что он ясно сказал об

---

¹ Vives (1532). P. 271. Все последующие ссылки на работу будут даны в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

² Свидетельством тому служит, в частности, издание С. Хейденом книги для чтения (диалогов) — Seybaldus Heyden. *Formulae puerilium*

этом в своей работе, обосновал необходимость его использования в процессе обучения и бережное сохранение, что в период складывания национальных языков имело немалое значение.

Однако главная забота Вивеса в трактате — обучение в школах латинскому языку. Язык — храм познания или того, что должно быть сохранено в памяти, и раз он храм познания и инструмент человеческого общения, то по этой причине, рассуждает Вивес, для человеческого рода надлежало быть одному языку, которым пользовались бы все народы, столько языков — наказание за грех; а этому самому языку (единому) надлежало бы быть как сладостным, так ученым и красноречивым. Таким языком видится Вивесу латинский язык. Он самый совершенный из всех, распространен среди многих наций, его используют почти все науки, он богатый, тщательно отделанный, обогащен многими умами писателей, сладостный. Его надо изучать, сохранять и не портить. Если его утратить, последует большое расстройство (беспорядок) во всех науках и большой разлад среди людей, а также враждебность из-за незнания языка. Если он перестает быть единым, тогда каждый регион будет иметь свой язык и люди не будут понимать друг друга. Что тогда случится с искусствами, которые соединяются непосредственно латинской речью? (*De disc.*, 272-273).

Этим языком должен заниматься мальчик от 7 до 15 лет, пока он не готов по слабости ума для восприятия других дисциплин, но это на усмотрение учителя, который исходит из способностей каждого и его успехов. А если кто к латинскому присоединит греческий, он получит от обоих языков много пользы при изучении других искусств (*De disc.*, 273).

С древними языками (латинским и греческим), испытывая их влияние, связаны европейские языки; латинский, говорит Вивес, связан с греческим, с латинским — итальянский, испанский, галльский, для которых латинский — отечественный. Латинский язык становится от греческого более богатым, а от него — европейские языки (*De disc.*, 273). Изучение греческого наш гуманист приветствует: как латинский своим богатством может помочь современным

языкам, так греческий после латинского также их украшает и обогащает; от греческого многое сохранилось в памяти — в истории, природоведении, морали, медицине, благочестии. (*De disc.*, 274). В дальнейших рассуждениях Вивес вспомнит, что Квинтилиан предпочитал начинать обучение с греческого, но тогда у детей, замечает Вивес, родным был латинский; теперь же, когда латинский надо осваивать путем изучения, следует поступать наоборот (*De disc.*, 276).

Поскольку обучение детей проходило главным образом с помощью античной литературы, Вивес считает необходимым высказать свое отношение к языческим авторам. Но для него не столько язычество — угроза, сколько непристойности у ряда авторов, прежде всего поэтов. И он сразу же заявляет, что детей надо удерживать от автора, который может привести детей к пороку: Овидий — к сладострастию, Марциал — к шутовству (балагурству), Лукиан — к злословию и глумлению, Лукреций и многие из философов, главным образом эпикурейцев, — к нечестивости (*De disc.*, 291). Пусть ученик идет к чтению языческих авторов как в поле, опасное ядовитыми растениями, укрепленный противоядием — благочестием, им люди соединяются с Богом, оно от Бога передано. То, что придумано людьми, полно ошибок, то, что против благочестия, рождено тщеславием людей, обманом хитроумного врага дьявола (*De disc.*, 291). Однако, используя язычников, то есть идя через терновник, яды, отраву и заразу, ученик должен взять из них полезное, прочее отбросить (*De disc.*, 292).

Такое громкое заявление свидетельствует о верности Вивеса христианскому благочестию, оно может быть вполне искренним, но позволяет также думать об особом положении Вивеса: он был под наблюдением церкви, так как принадлежал к семье конверсов (марранов), принявших христианство евреев; в Испании с его родителями жестоко расправилась инквизиция, обвинив их в возвращении к своей религии¹.

На материале поэзии Вивес высказывает более конкретно свое отношение к поднятой теме. Гармония и созвучие, считает он, очень важны в поэзии, они дают облегчение (*levamentum*) души.

---

¹См. González González (2008). P. 19, 25.

Но из-за того, что именно древние поэты брали для воспевания, многие подозревают это искусство в способности развращать, некоторые открыто ненавидят, говорит Вивес, Об этом идет спор, и гуманист считает необходимым высказать свою точку зрения. Что касается стихов, говорит он, то они сладостны вследствие той гармоничности, которая созвучна человеческой душе. В словесном искусстве поэты велики, возвышенны, блестящи, имеют сильные доводы, восхитительно описывают чувства, возвышенным духом вдохновляют читающих, подобно тому, как и сами вдохновляются, так что, кажется, поднимаются над умом и природой.

Но к этим высоким свойствам, считает Вивес, примешиваются пороки, не менее пагубные как для души, так и для тела. Они могут сильно повредить тем, кто верит читаемому автору. Как же тогда надо читать поэтов, спросит кто-то. Каким образом собирать целебные травы среди стольких вредных? Не лучше ли отвергнуть их и целиком отбросить? (*De disc.*, 293). Вивес обращается к работе Плутарха «О чтении поэтов» (*De lectione poetarum*). Плутарх, на его взгляд, старается смягчить влияние позорного в поэзии. Но обдуманнее, считает Вивес, никоим образом не касаться заразы. Признавая вред позорного в поэзии, Плутарх советует позорным сентенциям противопоставить благопристойные (приличные), тогда одни лишат веры другие. Но если добрых сентенций не окажется под рукой? Тогда, по мнению Вивеса, при склонности нашей природы к дурным они окажутся действеннее, чем добрые. Кроме того, считает Плутарх, чтение поэтов вредит, если не пользоваться ими осторожно. По мнению Вивеса, такие рекомендации Плутарха подходят не для детей, а для взрослых, воспитанных на здоровых взглядах (*De disc.*, 293).

Сам Вивес думает иначе. Поскольку у поэтов много сладостного, прекрасного, великого, восхитительного, надлежит не отвергать (удалять) их, но очищать, не обрезая пораженный член, но позаботившись о применении лекарства. Но непристойные вещи, способные заражать то, что захватили, пусть всецело уничтожатся, как бы угасшие. Неужели человеческий род ощутит непереносимую утрату, если ты удалишь из порочного поэта вредную часть? И разве непозволительно будет из Овидия удалить подобные стихи, какой юноша от этого станет никудышным (ничего не стоящим —

nequior)? Заброшено столько памятников философов и священных авторов, и неужели будет тяжело и непереносимо, если погибнут Тибулл и «Искусство любви» (*Ars amandi*) Овидия? (*De disc.*, 294). К тому же, считает Вивес, кто читает поэтов, пусть знают, что они изображают людей часто худших. И вера самим поэтам должна быть ослаблена, они очень сильны природой и духом, но были людьми заурядных взглядов, почти никаких или крайне малых знаний в науке и опыте в делах, подвержены волнениям и пылкие, зараженные пороками.

Возможно, кто-то удивится, откуда у них такой авторитет не только в народе, но и в школах последователей мудрости. Наш гуманист пытается объяснить причины. Это первые древнейшие писатели и потому многое у них идет от древности. Вера при их чтении приобретает сладостью их речи, ведь легче верим тому, кого охотно слушать. А когда люди увидят, что в их книгах рассеяны семена всех дисциплин, они поверят, что поэты во всем этом совершенны (*De disc.*, 294). И такое отношение свойственно как неопытным людям, так и тем, кто одарен остротой и энергией ума. Вивес ссылается на современных поэтов, пишущих на родных языках, хотя мы знаем, говорит он, что они неученые (*De disc.*, 295).

Так непросто и в чем-то противоречиво решает Вивес вопрос о своем отношении к античным авторам. Исследователи считают — и с этим можно согласиться — что самооправдание Вивеса предложенной цензуры не кажется очень убедительным.¹ К тому же слова Вивеса о язычестве как аргументе неприятия языческих авторов в дальнейшем практически не встречаются, да и эпитеты «порочный», «непристойный» в отношении к поэтам крайне редки, а к философам, историкам и другим писателям, как увидим ниже, вообще не применяются. Говоря об обучении, Вивес будет широко обращаться к поэтам. Из отмеченных им «подозрительных» авто-

---

¹ Так считает Валерио Дель Неро, который не рассматривает подобные рассуждения Вивеса как предвестие, предчувствие Тридентского собора с его цензурой, но связывает самоцензуру Вивеса относительно классической культуры в общем и некоторых образцов сомнительной в нравственном отношении языческой поэзии с длительной христианской традицией от отцов церкви до схоластики. См.: Del Nero (2008). P. 205.

ров в учебном процессе не будут названы Лукреций и эпикурейцы, остальные Овидий, Марциал, Лукиан, Тибулл, как мы увидим далее, используются, некоторые с оговоркой — без порчи, непристойности. Из Овидия в образовательный процесс включены «Метаморфозы» и «Фасты», но не «Искусство любви». Примечательны и приводимые Вивесом слова о нем: «Овидий восхитительной легкости, он, по словам Сенеки, заслуженно наполнил свой век не только любовными искусствами, но сентенциями» (*De disc.*, 310).

Словом, Вивес при использовании античных авторов в обучении считал необходимым сделать отбор и самих авторов и тех или иных их сочинений, которые можно применять в работе с детьми и уберечь последних от пороков.

Но в обучении детей надо использовать авторов, исходя не только из моральных соображений, но и из нужности авторов в процессе обучения. Вивес разделяет их на четыре категории. Одни в передаче знаний следуют определенному порядку и понятному методу, легкому для восприятия, их надо постоянно перечитывать и дословно изучать. Другие писатели точно следуют взятой теме, но пространнее и запутаннее, чем полезно обучающемуся; их надо перечитывать, но не так, как первых. Третих достаточно будет прочесть. Четвертых не читать, но хранить в библиотеке для консультации, когда будет нужно (*De disc.*, 291); этих последних, в отличие от всех остальных, Вивес называет поименно.

В трактате подробно излагаются этапы изучения грамматики и древних языков (латинского и греческого), начиная со звуков, созвучий, слогов, букв, частей речи, синтаксиса, упражнений по чтению, письму, разговору. На этапе чтения серьезных авторов и упражнений, разговора и письма ученикам «начнет открываться филология», т.е. знание дел, времен, мест, истории, басен, пословиц, дел домашних и общественных и др. Все это Вивес называет филологией, и «она вносит величайший свет в умы детей» (*De disc.*, 276). Вивес предлагает учащимся при изучении языка работы широкого гуманитарного плана, которые, видимо, должны помочь в изучении языка и просветить их в культурном отношении¹. Все это

---

¹ Тимофеев, Тураев, ред.-сост. (1974). С. 434. Кузищин, отв. ред. (1974). С. 434. В современном значении филология (от греч. любовь к

в известной степени соответствует современному пониманию филологии в широком смысле. Но относительно приемов изучения языка, стиля и т.п. он практически ничего не говорит, хотя сообщает, как начинается работа с текстами: учитель приводит из авторов для примера или объяснения сказанного не только слова, но и мысли или какие-нибудь факты, полезные для ума и жизни, используя басни, истории, пословицы; он представляет замысел автора, проясняет неясные места через другие более ясные (*De disc.*, 276).

Филологическое отношение, как подчеркивается в современной литературе, является типично гуманистическим, достаточно вспомнить о комментариях к многочисленным классическим текстам, которые появились в эпоху Возрождения, такое отношение характеризует и самого Вивеса¹.

Термин «филология» Вивес употребит еще не раз. Так, уже в конце, завершая разговор об обучении языкам, Вивес говорит о «смешанных авторах», которые одновременно касаются истории, басен, значений слов, ораторского искусства и философии, он называет их филологами. Среди античных авторов — Афиней (ок.200 н.э.), Авл Гелли (II в. н.э.). Вивес не называет писателей, которых читают при изучении других дисциплин или читают при изучении языков в другое время (видимо, вне занятий) (*De disc.*, 306-307). Любопытна его оценка Плиния в конце работы: «Это не один автор, а целая библиотека, совершенно полноценная по богатству (описываемых) деяний и слов. Кто осмелится признать себя филологом при этом жившим прежде?» (*De disc.*, 310).

На всех этапах обучения языку используются самые разные античные авторы. Их список открывает Донат. Назван и Сервий Гонорат. Но на начальных этапах обучения рядом с Донатом поставлены современные авторы (Н. Перотти, А. Небриха, Ф. Меланхтон, В. Лили и др.), помогающие освоению языка (*De disc.*, 295), что не должно удивлять, поскольку, как выше отмеча-

---

знаниям — это совокупность наук, изучающих язык и литературу и относящихся к области гуманитарных наук; а также приемы изучения языка, стиля, почерка с целью определения автора, места и обстоятельств создания памятника письменности, толкования текста произведения.

¹ Del Nero (2008). P. 209.

лось, в XVI в. появились учебные пособия по латинскому языку (грамматики, тексты, словари), чего практически не было у предшествующих Вивесу гуманистов.

Из полного и как бы завершенного во всех своих частях словаря¹, учитель возьмет для каждодневного пользования учеников слова, близкие им и достаточно простые. Постепенно язык учеников обогатится словами о доме и всей утвари, об одежде, пище, о времени, о лошади, о корабле, о храмах, о небесах, о животных, растениях, о городе и государстве. И все это услаждается шутками, умными и веселыми баснями, примерами, небольшими приятными историями, притчами, остроумными высказываниями. И «они охотно поглощаются с большой пользой не только для языка, но также для благоразумия и пользы для жизни» (*De disc.*, 297). Эта мысль о более широком, образовательном и воспитательном значении изучения языка проходит через все рассуждения Вивеса в трактате.

На стадии чтения и письма переходят к античным авторам. Сначала учитель даст более легких авторов, подходящих умственным способностям учеников, например, басни, «простые и чистые стишки», «изящные и благоразумнейшие стихи» Катона, небольшие высказывания философов; затем последуют письма Плиния Младшего, которые «имеют украшения и ритмы речи и соответствуют школьному окружению» (*De Disc.*, 297). Одновременно используют и современных писателей и среди них «для разнообразия и словесного богатства» работу Эразма «О словесном богатстве» (*De copia verborum*)², сначала первую книгу, затем вторую. Продолжается и изучение грамматики, для темы о фигурах (форма падежа?) берутся Квинтилиан и ряд современных авторов.

В этот период, используя современных авторов, ученикам дают в общих чертах знания о различных временах и деяниях от Адама до Карла V. Учитель изложит, какие велись войны, какие

---

¹ Словарь Р. Этьена *Thesaurus linguae latinae* появился в 1531 г., возможно, Вивес уже имел его; а краткий словарь для школяров увидел свет только в 1550 г.

² Работа Эразм «О словесном богатстве» (1512) представляет собой антологию классических авторов, Плиния, Платона, Аристотеля, Овидия, Гомера, Гесиода и др.

были построены знаменитые города, какие жили знаменитые люди; добавит красочное описание круга земель, больших государств, провинций и что случилось в каждой. Здесь же Вивес называет и имя римского географа I в. Помпония Мелы, что лишний раз подтверждает более широкое, чем знание только языка, обучение детей (De disc., 298).

И все же главное это изучение латинского языка, овладение учащимися богатством и красотой латинской речи. И потому при дальнейшем обучении следуют «более чистые писатели, весьма достойные подражания», «им надо следовать и они не введут в заблуждение» (De disc., 298). Весьма полезны повседневной речью Цезарь; Квинтилиан — изяществом. Важны дружеские письма Цицерона, которые он писал к Т. Аттику, разве лишь есть в них, замечает Вивес, некоторые неясности, частично оставленные самим Цицероном намеренно (с умыслом), частично настолько искаженные из-за порока и невежества времени, что восстановить их уже невозможно (De disc., 298). Рядом с ним упомянут и Теренций, которого Цезарь, как сообщает Вивес, назвал «любителем чистой речи». Теренцию, действительно, был присущ изящный литературный язык, без архаизмов и просторечных выражений. А в эпоху Возрождения его язык считался образцом классического латинского языка.

Но сказав о Теренции, Вивес называет и другого комедиографа Плавта, отношение к которому у него совсем иное, в Плавте он видит «гораздо менее чистоты». Плавт, как он пишет, любитель древности, дерзко (своевольно) благоволит к личностям рабов, смеха добивается веселостью слушателей и по этой причине многочисленными рукоплесканиями, также испорченностью речи, в чувствах неискренен (De disc., 299). Не вдаваясь сейчас в содержание его комедий, отметим только названную Вивесом «испорченность» языка. Язык Плавта, богатый и сочный, близок к народному разговорному языку, имеет грамматические формы, употребляемые в просторечии, что скорее всего не позволяет Вивесу сделать комедии Плавта пригодными для обучения школяров.

Однако относительно того и другого комедиографа Вивес желал бы «исправлений» (refecta), так как «они могут детские души осквернить теми пороками, к которым мы склоняемся словно не-

ким велением природы» (De disc., 299). Неясно, считал ли Вивес возможным с моральной точки зрения использовать в обучении комедиографов, по крайней мере, Теренция. О римских комедиографах он более ничего не говорит, отмечая только, что они ближе к прозаической речи, чем к стиху. У трагиков же находит гораздо больше величественного и трагического, чем полезного для общего разговора (в школе), однако считает возможным многое из них использовать; единственным латинским трагиком считает Сенеку (De disc., 299); о нем он говорит в обзоре в конце главы как о том, от которого будет большая помощь благодаря силе, богатству и разнообразию его слов, собственных и унаследованных от традиции (De disc., 309).

Гораздо больше внимания места Вивес уделяет поэтам и понятно почему, они широко использовались в гуманистических школах, дети их любили. Одновременно с поэтами ученик глубже изучает стихосложение и стихотворные размеры. Вивес называет первой работой «Буколики» Вергилия, отмечая особенности — введение говорящих лиц и их речи, как у комедиографов. Далее учитель изложит несколько од Горация, к ним добавит христианских поэтов, Пруденция, современного Баттисту Мантуанского, «более богатого и легкого, чем чистого или отвечающего возвышенности аргументов». Затем последуют «Георгики» Вергилия и «Рустикус» итальянского гуманиста Полициано, посвященный сельскому хозяйству и созданный под влиянием «Георгик» (De disc., 299).

Для знания басен и мифов учитель познакомит учеников с «Метаморфозами» и «Фастами» Овидия. Отберет некоторые эпиграммы Марциала. Добавит Персия. Затем последует «Энеида» Вергилия, которой Вивес дает высокую оценку: «великий труд, полный достоинства (величия) и добрых дел и не уступит “Илиаде”» (De disc., 300). И завершится перечисление поэтов, используемых в обучении, Луканом — его песни имеют так много силы, что почти равны трубным звукам; и кажется, что он не воспевает сражения, но вершит их, и с тем же пылом описывает битву, с каким вел (войну) Цезарь (De disc., 300).

Итак, поэты используются в процессе обучения, но Вивес подчеркивает, что их чтение больше возбуждает ум, (стремление) к звездам, к желанию выдающейся речи, чем питает материю (сог-

pus) слова (De disc., 299). То есть у него поэзия словесно не обогащает язык, а действует на ум и чувства. В другом месте Вивес говорит, что поэтические работы следует брать и изучать не как пищу, но как приправу (De disc., 300). Но, кроме этих самых общих, безусловно интересных замечаний, Вивес нигде более не развивает мыслей о влиянии поэтов, в частности, культурном, на души детей. А ведь приведенные Вивесом авторы обогащают детей в культурном плане: «Фасты» дают знание праздников и обрядов римлян, Персий — знание стоической жизненной мудрости и др.

В процессе обучения используются и исторические работы. Ученик узнает Т. Ливия, Валерия Максима, «который для красоты (pictura) речи сможет дать много украшений в словах и сентенциях, которые у него есть в начале и конце каждой главы; возможно, они более изящны, чем подобало бы для (изображения) суровых событий» (De disc., 300).

Наконец, последуют речи Цицерона, «в которых есть украшение, ораторские блёстки (lumina) и все достоинства речи» (De disc., 300). Учитель отберет для своих учеников по своему желанию некоторые из речей, и ученик изучит, что предпишет учитель. Здесь же Вивес говорит и об авторах, которые будут читаться однажды и дважды в отдельные недели о нравах; ученики услышат кое-что, что исцелит слушающих от пороков или изгонит их или не допустит, чтобы они нападали. Но, к сожалению, эти авторы Вивесом не названы.

После изучения первооснов языка ученик сам начнет читать авторов, и здесь ему в помощь Вивес называет современных грамматиков и писателей (Т. Линакра, А. Небриху, Л. Валлу, Г. Бюде), а из древних — Сервия Гонората (De disc., 301).

Вивес советует ученикам «тщательно исследовать авторов римского языка; ведь если так делали древние, у которых то слово изучалось с младенчества (глоталось с молоком), чтобы из чтения язык совершенствовался и становился богатым и содержательным, что следует делать нам, у которых он был охотно принят и которые собираем его капля по капле»? (De disc., 301).

Он предлагает читать Ливия, не обращая внимания на диалектические особенности его языка; затем Корнелия Тацита, который «жестковат и опасен из-за подражания, но он велик, смел и в нем

присутствует много духа». Отношение к Саллюстию иное; из-за темноты (непонятности), за что его порицали в древности, он вряд ли пригоден для чтения детьми. «Я больше удивляюсь, что некоторые дают его детям, однако для тех, которые понимают, он приятнейший, и его чтение не менее возбуждает» (De disc., 301).

Для знания поэтов и басен ученик возьмет многое из Овидия (plurima ex Ovidio) и названных выше авторов. Из современников Вивес называет Дж. Боккаччо, который «свел воедино генеалогию богов счастливее, чем следовало надеяться в тот век; однако в толковании басен он часто чрезмерен и слишком холоден» (De disc., 301).

Для чтения предлагаются также Катон, Варрон, Колумелла, Палладий, Витрувий, видимо, для обогащения лексики специфическими словами по сельскому хозяйству, строительству и архитектуре.

И, наконец, названы все речи Цицерона и Декламации Квинтилиана¹, видимо, уже доступные ученикам, подготовленным к чтению античных авторов. Любопытно, что здесь же Вивес называет современных писателей, отходящих от норм классической латыни. Среди них Полициано, имеющий много выразительности, Эразм — «восхитительной легкости и ясности, и он стремится, когда нужно, к современности, словно к более подобному и более равному, чем к древнему, столь далекому от нас нравами, образом мышления» (De disc., 302).

О греческом языке наш гуманист говорит отдельно. Основы языка изучаются, как в латыни (звуки и значения букв и слогов, затем изменения форм имен и глаголов) (De disc., 302). Потом учитель объяснит (переведет) басни Эзопа, легкие словами и по смыслу, подходящие для того возраста. Помогает в этот период работа греческого педагога и ученого XV в. Федора Газы, жившего в Италии (Вивес называет первую и вторую книги, видимо, имея в виду его «Введение в грамматику»). Затем в руки мальчику будет дана какая-нибудь речь чистого и легкого писателя, а именно Исократы или Лукиана («чтобы было, во всяком случае, без развращения

---

¹ Две сохранившиеся под именем Квинтилиана Декламации принадлежат, видимо, его ученикам. См.: Кузищин, отв. ред. (1989). С. 256.

(порчи)», или Иоанна Хризостома, «тщательного и очень светлого» (De disc., 303).

А просодию и орфографию и особенности греческого языка ученик выучит, используя 3 и 4 книги Газы, правила для подражания латинян греческому узнает от Ласкариса (De disc., 303).

Греческий язык, считает Вивес, не затронут внешним влиянием более продолжительное время и сохранен более чистым, чем латинский. Его жизненная сила относится к временам процветания Афин и всей Греции (от тирании Писистрата до смерти Демосфена). И потому магистр познакомит учеников с ораторами и философами этой эпохи: расскажет о некоторых письмах Демосфена, Платона, Аристотеля, о какой-нибудь речи Демосфена или кого-то из десяти риторов, которые были в Афинах в то время. Оценка Демосфена у Вивеса очень высокая: «В Демосфене, кого он (ученик) часто будет иметь в руках, есть абсолютная сила и красота того языка, не иначе, чем в речах Цицерона» (De disc., 305).

Прежде чем говорить о поэтах, ученик должен узнать о диалектах. Затем он услышит несколько песен «отца всех поэтов» Гомера, затем первую и вторую комедии Аристофана и некоторые из Еврипида. Эти авторы очень изящны среди немногих аттиков. Аристофан остроумен, Еврипид строгостью (серьезностью) сентенций равен великим философам, как говорит Квинтилиан. С добрыми мыслями Феогнид дорийский и Фокилид Ионийский (De disc., 304).

Но самая высокая оценка дана Вивесом Гомеру. Гомер, считает наш гуманист, должен быть внимательно перечитан учениками и слушателями с учителем и самостоятельно, также изучен во многих местах. Считая, что великие достоинства этого мужа описывать было бы долго и трудно, Вивес все же решается оценить его творчество: «Прежде всего то, о чем он писал, кажется, он не выражал словесно, но ставил перед глазами, такова была сила и действенность его изображения; этим дарованием он без возражения до сих пор превышает всех последующих; не только тела изображает, но и потаенные движения душ, не воспринимаемые чувствами. Так что его поэзия, кажется не чем иным, как образом человеческой жизни. Общее понимание (*communis sensus*) до такой степени разумно, и то, что он говорит, так подобно природе вещей,

что после стольких веков, когда сильно изменились нравы, обычаи, весь образ жизни, тем не менее нашему времени и всякому другому соответствуют его слова, мысли, разговоры, речи, каковые вещи легко выдерживают столь долгую длительность (продолжительность); и в течение стольких веков он сохранил не только авторитет древности, но и прелесть новизны, так как во всем кажется современным» (De disc., 304).

Однако Вивес говорит и о недостатках (пороках) его, «чтобы их избегать, а добродетелям подражать». И обращается с этой целью к современнику Иерониму Виде, который их подметил и описал (избыточность в рассказе, описание колесниц в битве, ссора Терсита, низкие сравнения воинов с мухами — у Вергилия более почетные с муравьями и пчелами —, неторопливые беседы Диомеда и Главка во время битвы, повторение эпитетов и др.). (De disc., 304-305). Но эти недостатки Вивес объясняет особенностями издания — сначала отдельных частей работы Гомера и затем целиком работы при Писистрате.

Кроме Аристофана и Еврипида, к чтению учеников добавляют Гесиода и несколько греческих эпиграмм, «остроумных и соленых (шутливых), но не грязных (позорных)»; наконец, Пиндара, употребляющего малопонятные слова, но ценимого в древности за словесное богатство; пастушеские стихи Феокрита, имеющие много украшений в дорийском диалекте, но чтобы их лучше понимать, должны быть раскрыты аллегории (De disc., 305).

Для (знания) истории пусть ученик прочитает Геродиана, автора чистого и легкого, затем ему предложат Ксенофонта, «чище и естественнее которого нет ничего», несколько книг Фукидида, «писателя трудного, сурового и совершенно непоколебимого» (De disc., 305). Для лучшего освоения греческого языка ученик познакомится с сочинениями по грамматике, переводами и комментариями. Из последних Вивес называет некоторые современные работы, в частности «Комментарии к греческому языку» французского гуманиста и ученого XVI в. Гийома Бюде. Для знания языка и его диалектов будет читать общепризнанных знатоков языка (*authores linguae*) — Исократа, «проще и чище которого никого нельзя помыслить», Ксенофонта и десять риториков, добавит к ним Фукидида (аттический диалект) и более легкого Геродота (ио-

нийский). Среди этих авторов Вивес называет и Лукиана, давая ему любопытную характеристику, в которой ценится язык и отвергается содержание: «Слова Лукиана достаточно чисты, стиль ясен, он азианец (родом из Сирии — Н.Р.), сведущий в великолепии (цветистости) слов и напыщенный и совершенно пустой в вещах» (De disc., 305).

А для разнообразия знаний ученик имеет книги Аристотеля «О животных» и Феофраста «О растениях»; их перевел Газа, так что при чтении ученики получают помощь в том и другом языке (De disc., 306).

В библиотеке учитель оставит с целью консультаций некоторые книги: Греко-латинский лексикон (двойной — греко-латинский и латино-греческий), Гезихий для понимания поэтов, главным образом Гомера, Юлий Поллукс, дающий разнообразие и богатство слов, он нуждается в читателе ученым, и отвечает больше опытным, чем учит неопытных (De disc., 306). А из латинских книг — сочинения Варрона «De lingua latina libri tres», книги «запутанные из-за особого способа высказывания, а также запачканные и бесформенные по вине ложных библиотекарей», Феста Помпея (II в.), Нония Марцелла (IV в.) (De disc., 302).

В искусстве грамматики Вивес оставляет (видимо, для учителя) некоторых древних авторов, в частности, Присциана, Марциана Капеллу и др., их он называет мало подходящими для обучения. Причин этого не объясняет; возможно, считает их более сложными для учеников, но замечает при этом: «они научат многому, что учитель обратит в пользу свою и учеников», т.е. они доступны из-за своей сложности лишь для учителя. Из греков названы Геродиан¹, Трифоний (De disc., 308).

Итак, языковый курс продолжается восемь или девять лет. Кто же изучает языки? Те, кто готовится к другим дисциплинам — более высоким, и те, кто изучает только одну. Ученикам, отсталым умом и соображением, достаточно будет латинского языка и немногих вещей из греческого. Безрассудных (глупых) и сумасброд-

---

¹ Вивес упоминает Геродиана вторично, в этом случае для учителя, который должен прочесть его в оригинале, возможно, потому, что в переводе Полициано, как говорит Вивес, Геродиан кажется, рожденным не от грека, а от латинянина (De disc., 305).

ных (взбалмошных) лучше вообще отстранить от обучения «языка ученых». Кто здрав умом и суждением, но не захочет или не сможет подняться выше, будет доволен знанием языков. В дальнейшем он получит пользу от языка: будет публичным писцом в городе, займет небольшие должности в магистрате, будет исполнять посольские обязанности. Получившие знания в языках облегчат чтением авторов тяжесть старости, смягчат горести жизни (*De disc.*, 307). И их всех, прошедших языковое обучение, Вивес называет филологами. «Они филологи, и их украшение филология. Из них избираются те, которые обучат других и которых мы не хотим отгораживать только описанными границами, но пусть другое исследуют и узнают, что относится к филологии...» (*De disc.*, 308).

Авторов латинской и греческой речи, имеющих отношение к более высоким дисциплинам — к философии, исследованию природы, медицине, праву, теологии, Вивес не рассматривает, он оставляет их преподавателям этих дисциплин. Но при этом он делает интересное замечание: «Если же они рассуждают о более легком, об астрономии, космографии, нравственной философии, благоразумии, описании природы, или о тех вышеназванных дисциплинах, но (рассуждают) четко и ясно, я не вижу, почему они (эти вещи) должны меньше касаться филолога» (*De Disc.*, 308-309). Как видим, Вивес считает возможным для филолога, изучающего языки, получить более широкое разностороннее образование, выходящее за гуманитарные рамки. Так что из школы выходит не просто знаток языков и грамматики, но филолог и вообще культурный человек.

Свой разговор о процессе обучения языкам и грамматике Вивес завершает обзором древних авторов, отцов церкви, раннесредневековых и современных авторов, гуманистов, издателей, комментаторов, переводчиков, он указывает свыше ста имен и многим из них дает краткие характеристики (*De disc.*, 309-314). Поскольку обзор дан в конце главы об обучении, где гуманист говорит об изучении грамматики и древних языков, следует думать, что, называя этих авторов, гуманист ориентирует читателя на чтение сочинений, полезных прежде всего для изучения этого курса. Но Вивес не объясняет своего намерения. Из интересующих нас античных авторов названы Сенека, Цицерон, Квинтилиан, Курций, Апулей, Макробий, Платон, Аристотель, Плутарх, Гален, Филост-

рат, Либаний, Синесий, Плиний, Плутарх, Гораций, Катулл, Тибулл, Проперций, Овидий, Манилий, Силий Италик, Ювенал, Стаций Публий, Марциал, Авзоний Галл, Клавдиан, Проспер Аквитанский, Паллефат, Гай Валерий Флакк, Апполоний Родосский, Гесиод, Софокл, Еврипид, Исократ Арат, Валерий Проб, Донат, Сервий Гонорат, Асконий Педиан. Некоторые из этих авторов уже были названы при описании процесса обучения, но здесь порой подчеркивается другая их функция (у Доната, например, комментирование Теренция, у Сервия Гонората — Вергилия); у некоторых авторов указаны работы, например, наряду с работами, важными для постижения поэтического искусства, у Аристотеля «Искусство поэзии» (*Ars poetica*), или у Плутарха «О чтении поэтов» (*De lectione poetarum*), названы и другие — у Аристотеля «Этика», «Политика», у Плутарха «Этика», «Сравнительные жизнеописания». Так что в целом обзор литературы оказывается шире, чем это необходимо для подготовки знатока языков и грамматики. Но он вполне соответствует подготовке филолога и широко образованного человека. И античная литература играет в этом процессе очень важную роль, формируя и обогащая язык, давая ученикам разносторонние знания. И по содержанию и по уровню подготовки школьное обучение, о котором пишет Вивес можно назвать гуманистическим.

Материал поступил в редакцию 20.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
24.03.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bowen, J. (1980) *Storia dell'educazione occidentale*. V.2. Segrate: Oscar Studio Mondadori, 1980.
- Del Nero, V. (2008) "The *De disciplinis* as a model of a humanistic text", C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 177-226.
- Frova, C. (1981) "La scuola nella città tardomedievale: un impegno pedagogico e organizzativo", R. Elze, G. Fasoli, eds. *Le città in Italia e in Germania*. Bologna: Il Mulino, 119-143.

- González González, E. (2008) "Juan Luis Vives. Works and Days", C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 15-64.
- Vives, J. L. (1532) *De disciplinis. Libri XX in tres tomos*. Coloniae: Excudebat Ioannes Gymnicus.
- Кузищин, В.И. отв. ред. (1989) *Словарь античности*, пер. с нем. М.: Прогресс.
- Ревякина, Н.В. (2015). *Гуманистическое воспитание в Италии XIV–XV веков*. М. – Берлин: Директ-Медиа.
- Тимофеев, Л.И., Тураев, С.В. ред.-сост. (1974) *Словарь литературоведческих терминов*. М.: Просвещение.
- Шестаков, В.П. сост. (1981) *Эстетика Ренессанса*. Т. 1. М.: Искусство.

Nina V. REVYAKINA

JUAN LUIS VIVES ON THE USE OF ANCIENT LITERATURE IN EDUCATION

The work "On Education" (*De tradendis disciplinis*) by the Spanish humanist Juan Luis Vives (1492/3–1540) is considered from the perspective of the use of ancient literature during the initial period of child school training (from 7 to 15 years). Vives' appreciation of the Latin language, a positive attitude towards teaching Greek at school, and the influence of ancient languages on modern European languages — Italian, Spanish, and French are discussed. The article draws attention to some features in teaching the Latin language that are not characteristic of the humanists who preceded Vives and also wrote about school. They are as follows: using the native language as an instrument for mastering Latin at the initial stage of learning, and using modern literature - writers, grammarians, humanists, which helps to learn ancient languages in the subsequent period. These features can be explained by Vives' epoch when national states were being established, national languages were strengthening, and pedagogical thinking was developing. The article also examines the issue brought up by Vives himself about the attitude to pagan literature and to some, in Vives' opinion, morally questionable poets. With all the inconsistency of Vives and the low persuasiveness of his self-censorship, the solution to this problem comes down to selecting such authors the study of whose works will protect school students from vices. The article shows

that both Latin and Greek literature (works on oratory, poetry, comedy, history, mythology, etc.) are widely used in teaching. Ancient writings not only form and enrich the language, but also provide versatile knowledge, mainly of humanitarian kind, help to bring up an educated and cultured person. This is supported by a large survey of over 100 ancient authors, modern writers, scientists, humanists, early medieval writers, “church fathers”, publishers, translators, and commentators provided at the very end of Vives' discussion on education, with brief characteristics of many of them.

REFERENCES

- Bowen, J. (1980) *Storia dell'educazione occidentale*. V. .2. Segrate: Oscar Studio Mondadori, 1980.
- Del Nero, V. (2008) “The *De disciplinis* as a model of a humanistic text”, C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 177-226.
- Frova, C. (1981) “La scuola nella città tardomedievale: un impegno pedagogico e organizzativo”, R. Elze, G. Fasoli, eds. *Le città in Italia e in Germania*. Bologna: Il Mulino, 119-143.
- González González, E. (2008) “Juan Luis Vives. Works and Days”, C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 15-64.
- Kuzishchin, V.I. otv. red. (1989) *Slovar' antichnosti*: Per. s nem. M.: Progress.
- Revyakina, N.V. (2015). *Gumanisticheskoe vospitanie v Italii XIV–XV vekov*. M. – Berlin: Direkt-Media.
- SHestakov, V.P. sost. (1981) *Estetika Renessansa*. T. 1. M.: Iskusstvo.
- Timofeev, L.I., Turaev, S.V. red.-sost. (1974) *Slovar' literaturovedcheskih terminov*. M.: Prosveshchenie.
- Vives, J.L. (1532) *De disciplinis. Libri XX in tres tomos*. Coloniae: Excudebat Ioannes Gymnicus.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРИМЕР АНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖАН-ЖАКА РУССО

С.В. ЗАНИН

Статья посвящена анализу влияния примера Античности в контексте идей общественного воспитания у Ж.-Ж. Руссо. Отмечается, что непосредственный интерес к Античности у Руссо возник еще в детстве, благодаря чтению трудов Плутарха. В более поздние годы он изучал латинский язык и элементы языка древнегреческого, переводил на французский язык труды Тацита и Сенеки. В современной науке делается акцент на непосредственное знакомство Руссо с трудами античных авторов, в частности, под влиянием домашнего воспитания, которое он получил от отца, женеvского часовщика. Вместе с тем, в статье обращается внимание на то, что интерес к Античности у Руссо совпал с его жизненным выбором: он решил сделать карьеру писателя и композитора, а потому ориентировался на популярные образцы литературного творчества. Монтескье, Фенелон, маркиз д'Аржанс ввели античные сюжеты в контекст литературной и научной полемики. Этому примеру последовал и Руссо, в чем убеждает сравнительный анализ «Диалогов мертвых» Фенелона и «Прозопопеи Фабриция» в Первом «Рассуждении» Руссо. Сохраняя основную интенцию великого моралиста, а именно нравственное воспитание общества писателем на примерах Античности, Руссо переосмысливает ее в контексте собственной социальной антропологии. Античность — это не пример для подражания, а исходный пункт размышлений человека его времени о собственной социальной и культурной идентичности, отличной от прошлого. Руссо в качестве писателя-моралиста и политического мыслителя по сути решал задачу нравственного воспитания, в частности, в том что касает-

ся восприятия и оценки обществом и человеком его времени античной культуры.

Тема отношения Руссо к Античности не нова. Тем не менее, она остается актуальной, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в том числе и новейшие¹. Приведем в пример и классические работы Мишеля Лонэ, который подчеркивал значимость «женеевского воспитания» Руссо, сына часовщика, значимость политических и личных связей с ремесленниками республики, а также круга его чтения, в который входили в том числе и «Жизнеописания» Плутарха². Граждане Женевской республики нередко, что называется, примеряли на себя одежды республиканцев Древнего Рима. В его «Письмах с Горы» (1764) содержатся явные ссылки на Античность вообще и на «Анналы» Тацита в частности, первую книгу которых Руссо переводил с латинского языка самостоятельно (перевод сохранился). Не свидетельствует ли это о том, что культура Женевы, в том числе и интерес к Античности, привитый в детстве, оставалась с Руссо на протяжении всей жизни?

В 1740-х годах между Дидро и Руссо завязалась дружба. Руссо поселился в Париже и попытался добиться одобрения Академией наук своей реформы нотной записи цифрами. В это же время Дидро становится усердным читателем Платона и даже переводит с древнегреческого «Апологию Сократа». В «Рассуждении о науках и искусствах» Руссо (1748), как и в последующих полемических сочинениях содержится значительное количество ссылок на Античность, а в письме мадам де Варанс даже есть упоминание о том, что он самостоятельно изучал древнегреческий язык³. Отметим, что пристальное внимание к Античности неуклонно растет в образованных кругах французского общества века Просвещения, а на заре Французской революции, к примеру, Жорж-Жак Дантон выучил наизусть по-латыни речи Цицерона, готовясь стать адвокатом⁴. Вполне очевиден вопрос, что именно побудило Руссо, само-

---

¹ Touchefeu (1999), Champy (2018).

² Launay (1972).

³ Voltaire (1968–1995), № 146.

⁴ David (2012). Chap. 1.

учку, взяться за изучение древних языков и за чтение античных авторов на языке оригинала?

Думается, что ответ на него лежит не только в плоскости анализа идейного развития самого Руссо, поскольку ничто в 1740-х годах не свидетельствовало о том, что композитор-самоучка стремился самостоятельно овладеть основами классической образованности. Цели, которые он ставил перед собой в этот период жизни, были иными, а именно приобрести известность как композитор, найти средства к существованию, используя «дарования приятные, а не полезные», столь высоко ценимые в свете, и обеспечить себе и своей возлюбленной мадам де Варанс, находившейся на грани разорения, стабильный доход. Поэтому, в отличие от упомянутых ранее исследователей, следует сосредоточить наше внимание не столько на том, каких античных авторов мог читать Руссо, а на том, каким багажом знаний должен был обладать молодой человек, который стремился сделать карьеру в свете. Речь идет, прежде всего, о так называемой «общей культуре», элементом которой является и знакомство с античной литературой и древними языками.

В эпоху Классицизма и в век Просвещения переосмысление античного наследия занимает одно из центральных мест в произведениях таких властителей умов как Боссюэ и Фенелон («Похождения Телемака» и «Диалоги усопших»). Философские и эстетические предпочтения Великого века, вкус к Античности переживали настоящий ренессанс в первой половине XVIII века. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести имена маркиза де Вовенарга, прекрасного знатока античной культуры (Руссо ценил его произведения, о чем свидетельствуют «Письма с Горы», 1764)¹. Приведем в пример маркиза д'Аржанса, ставшего придворным у Фридриха II Прусского и опубликовавшего «Кабалистические письма» и «Философию здравого смысла», где обширные познания в области эллинистической культуры причудливо сочетаются с либертинскими идеями². Конечно же видное место в ряду знатоков Античности занимал Монтескье, который, в свою очередь, черпал в ней множество примеров и политических идей. Мог ли Руссо, же-

---

¹ Rousseau (1959–1995). V. III. P. 779.

² d'Argens (1738), d'Argens (1737).

лавший еще в 1740-х годах сделать карьеру в свете, оставаться в стороне от тех «модных тенденций», которые ярко проявили себя в культуре века Просвещения, в то время как он сам искал свой стиль, собственное красноречие и образцы для него? По-видимому, с этой же целью он предпринял в 1752 г. уже упомянутый перевод «Анналов» Тацита с латинского на французский¹.

Но совершенно очевидно, что восприятие Античности у Руссо происходило сквозь призму традиций Классицизма и Просвещения, по сути своей традиций *нравственного воспитания «публики» и морализаторства* на примерах, почерпнутых у древних авторов. Его не столько вдохновляли произведения античной литературы и философии, сколько пример того, каким образом их можно было использовать в его время, в том числе и ради успеха в свете. Если это предположение правильно, то следует выяснить, какие же именно авторы стали своего рода посредниками между Руссо и Античностью.

В «Исповеди» (кн. VIII) он рассказал, что первым наброском «Рассуждения о науках и искусствах» стала знаменитая «Прозопопья Фабриция», которую записал «под дубом» по дороге в Венсенский замок, где находился под арестом его друг Дидро, разрешение навестить которого он получил. Именно этот отрывок был помещен в окончательный текст его первого произведения. «Прозопопья» названа в автобиографических сочинениях Руссо «озарением». Многие исследователи, в том числе и такие авторитетные руссоведы как Жан Старобински, полагали, что в «Рассуждении о науках» его вдохновляли страницы «Жизнеописаний» Плутарха². Но в том то и дело, что в «Жизни Пирра», на которую ссылается исследователь, Фабрицию посвящено всего несколько слов. И не более того. Кроме того, у Плутарха Фабриций отнюдь не порицает «дурные нравы», тогда как у Руссо Фабриций выражает основную авторскую мысль: именно развитие наук и искусств привело к упадку нравов в обществе. Заметим по ходу нашего анализа, что именно эта мысль Руссо легла в основу знаменитого сочинения М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России».

---

¹ Volpillhac-Auger (1995).

² Starobinski (2001).

Парадоксальным образом, «Прозопопея Фабриция» у Руссо во многом сходна, как в отношении основной мысли, так и в отношении риторики, с «Диалогами усопших» Фенелона. Сопоставим эти тексты¹:

Текст Руссо: «Сократ начал бушевать в Афинах, старый Катон продолжил в Риме, против тех утонченных и нарочитых греков, которые подвергли искушению добродетель и ослабили отвагу своих сограждан [...]. «Глупцы, что вы наделали? — вы, владыки народов, сделали себя рабами легкомысленных людей, которых вы победили? Они правят вами. Чтобы обогатить архитекторов, живописцев, ваятелей и гистрионов, вы поливали своей кровью Грецию и Азию? Руины Карфагена теперь добыча флейтиста? Римляне, поспешите разрушить эти амфитеатры, разбейте эти мраморные статуи, сожгите эти картины, изгоните тех рабов, которые вас покорили и чьи несущие погибель искусства развращают вас»².

Текст Фенелона: «Я опасался [говорит Катон], что греки передадут нам в гораздо большей мере свои искусства, а не свою мудрость, а так же свои распущенные нравы в большей мере, чем свои науки. Мне не нравятся все эти любители играть на музыкальных инструментах, музыканты, поэты, художники, скульпторы. Все это лишь возбуждает любопытство и сладострастие. Я считаю, что следует сохранить нашу сельскую простоту, нашу бедную и трудолюбивую жизнь и занятия земледелием, и лучше уж вести грубую жизнь, меньше рассуждая о добродетели и больше ею пользоваться в жизни [...] Какая же тебе польза от того, что ты бросил свою родину в кандалы? [далее Катон обращается к Цезарю. — С. 3.] Это та слава, которую ты искал? Разве не более чистая и блистательная та слава, которая состоит в том, чтобы сохранить свободу и величие города-властелина мира, которую снискали Фабриций, Фабий, Марцелл, Сципион?»³.

Очевидно, Руссо вложил в уста Фабриция слова Катона из «Диалогов усопших» Фенелона, но изменил стилистику текста: Катон задает риторические вопросы, а Фабриций у Руссо выражает

---

¹ Здесь и далее переводы автора статьи.

² Rousseau (1959–1995). V. III. P. 14.

³ Fénelon (1983). P. 393, 405.

глубокое убеждение. Фенелон, очевидно, почерпнул свою речь Катона из «Жизнеописаний» Плутарха, переосмыслив произведение античного автора. Сравнение стилистики и лексики текста Руссо с текстом Фенелона убеждает в том, что последний оказался своеобразным передаточным звеном, так сказать, «посредником» между «Прозопопеей Фабриция» и Плутархом. Но он сохранил главную интенцию Фенелона, а именно нравственное наставление, обращенное к обществу и человеку его времени.

Таким образом, в середине XVIII века Руссо выступает в роли наследника традиций французских моралистов эпохи Классицизма, в частности, творчества Фенелона. Конечно, обширная и интересная тема влияния последнего на его творчество далеко выходит за рамки нашей статьи. Отметим лишь еще одно и далеко неслучайное лексическое сходство. В одном из сочинений Фенелон восклицает: «Отче, твои дети обезображены (*défigurés*)», погрязли в грехе¹. Напомним, что в описании статуи бога Главка, лежащей на дне моря и использованной Руссо в качестве образа «изначальной природы» человека в «Рассуждении о неравенстве» встречается тот же самый термин: статуя «обезображена» (*défiguré*) временем, так же как природа человека «обезображена» цивилизацией².

Очевидно, уже в ранних произведениях Руссо Античность используется в качестве примера в целях нравственного воспитания общества также как и в произведениях моралистов века Классицизма. В конечном счете «Рассуждение о науках и искусствах», где влияние этой традиции вполне прослеживается, было публичным дискурсом, адресатом которого выступали члены академии наук в Дижоне, но в более широком плане и французское общество, коль скоро произведение было опубликовано и вызвало бурную полемику в самых широких кругах, в частности, при дворе короля Польши Станислава Лещинского, тестя короля Франции. Почему Руссо непосредственно не ссылается на произведения Плутарха, Тацита и других античных авторов, которые он читал и даже переводил? Почему прибегает в своеобразному «посредничеству» писателей Великого века?

---

¹ Fénelon (1851). P. 102.

² Rousseau (1959–1995). Vol. III. P. 122.

Как нам представляется, ответ на этот вопрос дают несколько важнейших текстов Руссо. Во-первых, трактат «Об общественном договоре», где Руссо прямо утверждает, что сведения античных авторов о ранней истории Рима — «по большей части - басни»^{Но} «опыт ежедневно научает нас, по каким причинам происходят перевороты в державах: но, поскольку новые народы уже не образуются, нам остается всего лишь строить догадки, объясняя себе, как они образовались» в древности¹. Именно так и поступил Никколо Макиавелли в своем «Рассуждении на первую декаду Тита Ливия», которое Руссо читал на языке оригинала и высоко ценил, назвав его «истинным республиканцем»². Одним словом, дело не в том, какой была Античность на самом деле, а в том, чем она является для человека его времени или для человека времени Макиавелли. И пример подобной рецепции Античности в целях воспитания общественных добродетелей и гражданственности подал, в частности, Фенелон.

Во-вторых, именно неуместное в глазах Руссо сравнение граждан Женевы с римлянами стало своеобразным инструментом манипуляции, который использовала женевская олигархия в борьбе с демократической оппозицией. Руссо в следующих выражениях пишет об этом в «Письмах с Горы», *обращаясь непосредственно к женевам*:

«Вы же, женевцы, должны оставаться на своем месте и не стремиться к достижению высоких целей, поставленных перед вами, чтобы скрыть от вас ту пропасть, которую перед вами разверзают. Вы не римляне и не спартанцы, вы даже не афиняне. Оставьте в стороне эти великие имена, вам их совершенно не приличествует носить. Вы — торговцы, ремесленники, горожане, постоянно занятые заботами о своей частной выгоде, своей работой, своей торговлей, своею прибылью. Вы — люди, для которых сама свобода является лишь средством беспрестанно приобретать имущество и надежно им владеть»³.

Граждане Женевской республики обладают собственной, как мы сейчас бы сказали, социальной идентичностью, отличной от

---

¹ Rousseau (1959–1995). Vol. III. P. 444. Руссо (2013). С. 213.

² McKenzie (1982).

³ Rousseau (1959–1995). Vol. III. P. 827. Руссо (2013). С. 466–467.

«римлян» и «афинян», ибо их социальный строй, а в более широком плане — социальное бытие — в корне отличаются от тех, что существовали у народов прошлого.

В-третьих, Руссо еще раз возвращается к вопросу об этой «идентичности» народов его времени в «Соображениях об образе правления в Польше», последнем политическом сочинении, содержащем глубоко продуманный план преобразований, осуществление которых, однако, не должно было разрушать национальные традиции. Обращаясь к полякам, Руссо отмечал, что европейские народы с их «изнеженными нравами» отличны от народов древности, а потому в XVIII веке более не существует законодателей, таких как Нума, Ликург и Моисей¹. Человеческая природа изменилась, а потому ни нравственное воспитание, ни реформы общественных и государственных институтов невозможно осуществлять, взяв за образец античные народы и государства. Быть может, именно это соображение Руссо объясняет отсутствие в его главном педагогическом сочинении — романе «Эмиль, или о Воспитании» — каких-либо ссылок на классическое образование Эмиля. Древние языки воспитаннику изучать не следовало, античных авторов читать не нужно, ибо он человек иного времени.

Очевидно, роль, которую Руссо отводит Античности в его время состоит не в том, чтобы она стала примером для безоглядного подражания. Она, скорее, повод для сравнения с тем обществом и культурой, что существуют ныне. Она становится у Руссо, если можно так выразиться, элементом «негативного воспитания» человека его времени: для того, чтобы понять кем он является и чем является общество, в котором он живет, необходимо для начала понять, кем и чем они в действительности не являются. Как представляется, именно в этом заключается у Руссо творческое переосмысление наследия французских моралистов века Классицизма. Этот взгляд на роль Античности в контексте «негативного воспитания» вполне вписывается в его социальную антропологию. Общественный человек развивается и меняется в силу отчуждения в обществе, частью которого становятся предрассудки и безоглядное увлечение «науками и искусствами», подражание интеллекту-

---

¹ Rousseau (1959–1995) Vol. III. P. 958.

альной моде, в том числе и моде на изучение Античности. Облик «изначальной природы» человека «обезображен», подобно статуе Главка, лежащей на дне моря, и необходимо освободить ее от этих напластований, указать человеку кем он в действительности является. Руссо в качестве писателя-моралиста и политического мыслителя по сути решал задачу нравственного воспитания, в частности, в том что касается восприятия и оценки обществом и человеком его времени античной культуры. Только это и оправдывало, по его собственному признанию в «Исповеди», то «печальное ремесло писателя», которым он, противно собственным наклонностям, стал заниматься.

В заключение отметим, что его творческий путь свидетельствует о фундаментальных изменениях в мысли Просвещения в том, что касается наследия Античности: она — не эталон или пример, которому следует слепо подражать, а точка отсчета в размышлениях о судьбах современной ему культуры. В исторической перспективе интерес к Античности, переосмысленной в ином культурном и политическом контексте, возродится в эпоху Французской революции, поначалу в ней найдут примеры возвышенных гражданских добродетелей, а затем, в эпоху Консулата и Империи, оправдание действий *pater patriae*, издающего *senatus consultum*.

Материал поступил в редакцию 11.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
11.03.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Champy, F. (2018) *Exemples et modèles politiques: fonction critique de l'Antiquité chez Jean-Jacques Rousseau*, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse de doctorat en Littérature française, Sous la direction de Catherine Volpillac-Augier et de James Swenson, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse soutenue le 06 juillet 2018, à Lyon.
- d'Argens (1737) *La philosophie du bon-sens, ou reflexions philosophiques sur l'incertitude des connoissances humaines: à l'usage des Cavaliers et du Beau-Sexe*, par le Marquis d'Argens. Londres: La Compagnie.

- David, L. (2012) *Danton: Le géant de la Révolution*. Paris: Albin Michel.
- d'Argens (1738) *Lettres Cabalistiques*. La Haye: Paupie.
- Fénelon (1851) "Instructions sur la morale, XVIII", *Œuvres complètes de Fénelon*, T. VI. Paris: J. Leroux et Jouby, libraires.
- Fénelon (1983) "Dialogues des morts, XXXVII et XLII", *Œuvres*, Vol. I. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Launay, M. (1972) *Jean-Jacques Rousseau écrivain politique (1712–1762)*. Cannes: C.E.L. [Coopérative de l'Enseignement Laïc]; Grenoble: A.C.E.R. [Association pour une Coopérative d'édition et de recherche].
- McKenzie, L.A. (1982) "Rousseau's Debate with Machiavelli in the Social Contract", *Journal of the History of Ideas*. 43.2, 209-228.
- Rousseau (1959–1995) *Œuvres complètes de Jean-Jacques Rousseau*. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Starobinski, J (2001) "Le premier 'Discours'. A l'occasion du deux cent cinquantième anniversaire de sa publication", *Annales Jean-Jacques Rousseau* 43, 9-40.
- Touchefeu, Y (1999) *L'Antiquité et le christianisme dans la pensée de Rousseau*. Oxford: Voltaire Foundation.
- Volpilhac-Augier, C. (1995) *Jean-Jacques Rousseau traducteur de Tacite*. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne.
- Voltaire (1968–1995) *Correspondance complète*. Genève: Institut et Musée de Voltaire.
- Руссо, Ж.-Ж. (2013) *Политические сочинения*. СПб.: Росток.

Sergey V. ZANIN

SOCIAL UPBRINGING AND AN EXAMPLE OF ANTIQUITY IN THE WRITINGS OF J.-J. ROUSSEAU

The article analyses the influence of Antiquity on J.-J. Rousseau's ideas of social education. It is noted that Rousseau's interest in Antiquity emerged in childhood and was stimulated by Plutarch's works. In later years, he studied Latin and elements of the ancient Greek language, and translated the works of Tacitus and Seneca into French. Modern scholars place an emphasis on Rousseau's direct acquaintance with the works of ancient authors, in particular, under the influence of the home education that he received from his father, a Geneva watchmaker. At the same time,

the article draws attention to the fact that Rousseau's interest in Antiquity coincided with his life choice: he decided to make a career as a writer and composer, and therefore focused on popular examples of creative writing. Montesquieu, Fenelon, Marquis d'Argens introduced ancient themes into the context of literary and academic polemics. Their example was followed by Rousseau, which is convincingly illustrated by the comparative analysis of Fenelon's *Dialogues of the Dead* and *Prosopopoeia* of Fabricius in Rousseau's first Discourse. While retaining the main intention of the great moralist, namely the moral education of society by the writer on the examples of Antiquity, Rousseau rethinks it in the context of his own social anthropology. Antiquity is not an example to follow, but a starting point for a person of his time to think about their own social and cultural identity that is different from the past. Being a writer-moralist and political thinker, Rousseau essentially solved the problem of moral education regarding the perception and assessment of the ancient culture by his contemporaries and society.

REFERENCES

- Champy, F. (2018) *Exemples et modèles politiques: fonction critique de l'Antiquité chez Jean-Jacques Rousseau*, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse de doctorat en Littérature française, Sous la direction de Catherine Volpilhac-Augier et de James Swenson, en cotutelle avec Rutgers university (N.J.), Thèse soutenue le 06 juillet 2018, à Lyon.
- d'Argens (1737) *La philosophie du bon-sens, ou reflexions philosophiques sur l'incertitude des connoissances humaines: à l'usage des Cavaliers et du Beau-Sexe*, par le Marquis d'Argens. Londres: La Compagnie.
- David, L. (2012) *Danton: Le géant de la Révolution*. Paris: Albin Michel.
- d'Argens (1738) *Lettres Cabalistiques*. La Haye: Paupie.
- Fénelon (1851) "Instructions sur la morale, XVIII", *Œuvres complètes de Fénelon*, T. VI. Paris: J. Leroux et Jouby, libraires.
- Fénelon (1983) "Dialogues des morts, XXXVII et XLII", *Œuvres*, Vol. I. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Launay, M. (1972) *Jean-Jacques Rousseau écrivain politique (1712–1762)*. Cannes: C.E.L. [Coopérative de l'Enseignement Laïc]; Grenoble: A.C.E.R. [Association pour une Coopérative d'édition et de recherche].

- McKenzie, L.A. (1982) "Rousseau's Debate with Machiavelli in the Social Contract", *Journal of the History of Ideas*. 43, 2, 209-228.
- Rousseau (1959–1995) *Œuvres complètes de Jean-Jacques Rousseau*. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade.
- Russo, ZH.-ZH. (2013) *Politicheskie sochineniya*. SPb.: Rostok.
- Starobinski, J (2001) "Le premier 'Discours'. A l'occasion du deux cent cinquantième anniversaire de sa publication", *Annales Jean-Jacques Rousseau* 43, 9-40.
- Touchefeu, Y (1999) *L'Antiquité et le christianisme dans la pensée de Rousseau*. Oxford: Voltaire Foundation.
- Volpilhac-Augier, C. (1995) *Jean-Jacques Rousseau traducteur de Tacite*. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne.
- Voltaire (1968–1995) *Correspondance complète*. Genève: Institut et Musée de Voltaire.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АДОЛЬФА ТРЕНДЕЛЕНБУРГА «ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ»

А.Г. БЕРМУС

Актуальность современного учебного издания, посвященного изложению логики Аристотеля, и определяется сочетанием нескольких обстоятельств.

С одной стороны, требования «логичности», опоры на логические законы, и, соответственно, упреки в недостатке логичности научных построений относятся к числу наиболее распространенных при защитах научных работ всех уровней: от курсовых работ до диссертаций. В то же время, логическое содержание большинства университетских курсов исчерпывается либо силлогизмом относительно смертности Сократа, либо, в самом лучшем случае, воспроизведением трех законов формальной логики.

Между тем, логика как инструмент построения рассуждений, основание для риторики и диалектики, часть философской традиции, и, в конечном счете, специфический социально-гуманитарный феномен, остается за пределами школьных и университетских аудиторий.

С другой стороны, понятно и то, что не только Аристотель, но и вся европейская классическая философия, и, в особенности, модные в последние десятилетия построения позитивизма и постпозитивизма, оказываются попросту непонятными без логических обоснований. В этой связи, характерное для последних десятилетий увлечение постмодернистской и религиозной философией, во многих случаях строящейся как преодоление классического «логоцентризма», оказывается бессмысленным, так как в случае незнакомства с логической культурой как некоторой точкой отсчета,

постмодернистские игры просто теряют всякое очарование новизны.

В этих условиях, как отмечает автор вступительной статьи к изданию М.Р. Демин, принципиально необходимо не только уяснение некоторых логических требований, сформулированных Аристотелем, но к самой сущности заложенной Аристотелем традиции логического познания.

Предпринятый еще в первой половине XIX века Адольфом Тренделенбургом труд по написанию «Элементов логики Аристотеля» весьма далек от сформировавшегося в профанной традиции представления о логике, как бесконечно скучной и однообразной банальщине.

Изначально эта работа была выполнена как сложный двуязычный текст, в котором оригинальные фрагменты на древнегреческом языке дополнялись переводами и комментариями на латыни. Начиная со второго издания в 1842 году, текст «Элементов» сопровождает текст «Пояснений к «Элементам логики Аристотеля»», опубликованный на немецком языке. Таким образом, на материале этой книги мы становимся свидетелями, и, в определенном смысле, участниками, сложного герменевтического процесса, протекавшего сразу в трех языковых и культурных пространствах.

Ключом к пониманию смысла этой сложной работы, равно как и перемещению философии в начале XIX века в центр национально-культурного строительства Германии имело множество объяснений, среди которых наиболее очевидным являлся тот факт, что к этому периоду раскол в немецком обществе и религиозной традиции (протестантизм vs. католицизм) оформился окончательно. В этой ситуации, возникает общественный запрос на некоторую «третью религию», которая бы могла выступить инструментом интеграции и развития всего общества, без разделения на общины и земли. И такое спасительное триединое средство было найдено: «философия, университет, культура».

В этих условиях, опора на классическую философскую традицию оказывается одним из фундаментальных условий возрождения и школы, и университета, задания высокого стандарта мышления и речи, характерной для просвещенной нации.

Однако, к этому же времени относится и постепенный отказ от преподавания философии в рамках гимназического образования: как это видится сейчас, со значительной исторической дистанции, причиной этого стала не только сложность философских построений, но и ряд социально-политических факторов. Развитие альтернативных и, во многом, противостоящих друг другу философских систем делало невозможным вычленение единого и целостного философского ядра. Кроме того, философия оказалась весьма легко соблазняемой и соблазняющей на некоторые политические вызовы, что опять-таки не могло не вызывать тревоги у власти.

Напротив, религиозное воспитание оказывалось гораздо более гибким в реализации тех или иных актуальных политических настроений, что и предопределило смещение образовательной политики с философии в направление изучения древних языков и религии.

Несмотря на активную защиту философии в структуре гимназического курса, осуществляемую Нитхаммером, Гегелем и Гербартом, процесс вытеснения философии из учебных планов гимназий оказался необратим. В конце жизни, сам Гегель отказывается от своего проекта философского образования в гимназии, редуцируя курс философии к четырем гуманитарным компонентам: эмпирической психологии, началам логики, элементам богословия (доказательствам божественного бытия) и основам морали. Иными словами, сам Гегель, фактически отказывается от целостного введения в философскую метафизику в пользу более простых и понятных предметов.

Издание Адольфом Тренделенбургом «Элементов» в 1836 и их переиздание в 1861 году является плодом некоторого компромисса между основными силами, действовавшими в тот период в немецком образовании. Применение этой книги в гимназическом курсе, с одной стороны, поддерживает философскую ориентацию образования. С другой стороны, это позволяет сместить основное внимание с философской метафизики на достаточно утилитарные вопросы построения и доказательства высказываний, что находит поддержку и у тех, кто не считает необходимым и возможным изучение философии в школе.

Кроме того, быстро развивающаяся в первой половине XIX века психология делает ее систематическое изложение крайне затруднительным, зато логика оказывалась единым инструментом связи гуманитарных и естественнонаучных предметов. Таким образом, изучение логики в гимназии к середине XIX века становится искомым полем компромисса разных политических сил и научных сообществ.

Книга продолжает оставаться популярной и во второй половине XIX века, когда актуализируется противостояние протестантской и католической религиозных традиций, при этом «Элементы» Тренделенбурга по-прежнему воспринимаются как значимый элемент протестантской традиции, восходящей к Аристотелевой логике. Таким образом, сформулированный Тренделенбургом лозунг «Назад к Аристотелю» прекрасно вписывается в самые разные эпохи, снимая остроту актуальных религиозно-философских проблем, и перемещая их в более спокойную область чтения и толкования классических текстов. Следует отметить, что при всей внешней консервативности этого призыва, он вмещал вполне гуманистическое содержание, определявшееся возможностью довольно широкого трактования (как филологического, так и философского) классических текстов.

Важным этапом подготовки Тренделенбурга к написанию «Элементов» стало издание в 1833 году трактата Аристотеля «О душе» с его примечаниями и толкованиями. Говоря современным языком, это позволило Тренделенбургу не только погрузиться в мир аристотелевой мысли, но и практически апробировать разные стратегии работы с его текстами и, в определенном смысле, сделать Аристотеля своим «соавтором».

Следует также отметить, что собственная философская позиция Тренделенбурга, рассматривающая бытие и мышление как динамически в процессе познания феномены (здесь мы можем отметить и некоторое сходство со средневековым учением концептуалистов, и с более поздними представлениями об опосредствовании Л.С. Выготского), делала логический и языковой анализ ключевым элементом любого философского познания. Именно философия, и, в первую очередь, ее логический инструментарий, устанавливая связь между фактами разной природы и

направленности, является инструментом наиболее общего познания, то есть возвышение философии над прочими науками дается именно через ее готовность и способность к логическому упорядочению разных наук и систем представлений.

Оборотной стороной логического познания оказывается, при этом, познания грамматическое языковое, а пределом познания - изъяснение происхождения (генезиса) вещей. Таким образом, Тренделенбург, по сути, приходит к некоторой метафизической картине, одним из элементов которой становится проделанный им труд по комментированию и переводу Аристотелевых фрагментов. В конечном счете, это обусловило и огромную популярность «Элементов» Тренделенбурга не только как учебника по логике, но и достойного философского труда.

Специфика русской рецепции труда Тренделенбурга определяется еще более жесткой, чем в Германии оппозицией к изучению философии и предпочтением богословских дисциплин до революции 1917 года. В послереволюционное время, именно статус книги Тренделенбурга как пособия по логике позволил Б.А. Фохту сделать попытку его перевода и применения в качестве учебника в «Институте красной профессуры», однако вследствие разгромной рецензии В.Ф. Асмуса, это оказалось неосуществимым. Фактически же, ни при жизни самого переводчика Б.А.Фохта, ни при жизни его вдовы А.А.Гаревой публикация этого текста оказалась невозможной, и его первое издание было подготовлено М.Р. Деминым и Н.А. Дмитриевой уже в 2011 году.

Нам остается перечислить некоторые, весьма ограниченные, но, тем не менее, значимые уроки, связанные не только с самой книгой Адольфа Тренделенбурга, но и с пройденным ею путем в отечественной культуре.

Первый урок представляется совершенно очевидным, и можно только удивляться тому, что он до сих пор не выучен: никакое насильственное, опирающееся на те или иные узкопрагматические или политические соображения, прекращение, или даже приостановка классической традиции, не имеют никакого положительного значения, и не могут принести ничего, кроме вреда.

Второй урок тем значительнее, чем чаще мы слышим о некотором невообразимом росте знания и скорости его накопления,

превращающем любое мировоззрение в хаотическое нагромождение разных смыслов, представлений, опытов. Именно верность гуманистическому наследию, потребность в сохранении Человека, требует от нас не смирения и безвольного согласия: «будь что будет», но сложной работы по построению общих рамок и способов мышления и сознания. В этой связи, и сама Аристотелева логика, и труд Тренделенбурга — не есть «еще одно» дополнение к перегруженной школьной или университетской программе, но способ сделать их проще, доступней, обозримей.

Третий урок связан с самой сущностью развития, которое включает не только обогащение наших представлений о мире, но и известные утраты. В частности, Тренделенбург высказывает очень значимую мысль о том, что логика Канта (его логические категории) представляет собой шаг назад по отношению к логике Аристотеля, поскольку оставляют в забвении сам предмет мышления, и заменяют его живую ткань — операциями с некоторыми «чистыми формами». Точно так же и сама логическая форма, наполненная для Аристотеля «инвенциями», то есть изобретениями, к середине XX века воспринимается как мертвая формальная фикция.

Вообще, и это может быть отнесено к числу самых важных выводов Тренделенбурга, не следует недооценивать гуманистический пафос Платона и Аристотеля: именно тот факт, что нередко непримиримые противники зачастую сходятся лишь в том, что в равной степени, используют аппарат и инструментарий Аристотелевой логики, заложен очень важный потенциал гуманизации и диалога. Не менее важно и то, что распространившаяся в последние десятилетия навязчивая мечта отказаться от классического наследия, реформировать школу на некоторых неведомых принципах, не имеющих ничего общего с классической философской культурой, как это ни печально, крайне скудна в своих достижениях.

Можно предположить, что эта скудость — лишь обратная сторона пренебрежения классическим философским, культурным и педагогическим наследием, а подлинный гуманизм достигается не на пути отказа от классического наследия, но через внимательное всматривание и его осмысление.

И, наконец, пятый, возможно, самый неожиданный, и, в то же время, самый важный, урок содержится в том, как соотносятся предисловие к первому изданию книги (написанное в 1842 году) и предисловие ко второму изданию (написанное в 1860 году). Несмотря на то, что, по историческим меркам, дистанция между этими событиями практически незаметна, именно на этом промежутке, происходит глубинный внутренний сдвиг всей немецкой и, шире, европейской образовательной традиции.

Первое предисловие представляет собой 15 страниц подробного анализа взглядов на место логики в системе образования основоположников европейской традиции — самого Аристотеля, Лютера, Меланхтона, Галена, соотношениям философского и филологического анализа текста, то есть собственно вопросам содержания образования.

Напротив, предисловие ко второму изданию (4 страницы) практически всецело посвящено обсуждению формальных вопросов: следует ли отставить преподавание философских предметов в школах, сколько семестров должна изучаться логика; и что предпочтительнее: изучать ее в течение одного семестра по 3 часа в неделю, либо в течение 2 лет по 1 часу в неделю. Отдельным вопросом стоит сохранение самой возможности для гимназистов продолжить образование, а не поступать на военную службу.

В каком-то смысле, здесь мы можем воочию наблюдать тот переход, который находится в основе большинства школьных реформ. Это и требования к повышению «эффективности» образования (что бы под ней не понималось); это и забвение фундаментальных социально-философских проблем, в качестве ответа на которые современное образование возникло; и, наконец, подмена проблемы традиции и оснований образования приказной формой.

Хронические неудачи подобных реформ, возрастающая неудовлетворенность школой и образованием со стороны всех общественных сил, усталость и «выгорание» учителей — есть разные, но внутренне связанные последствия этой политики, требующей переоценки и переосмысления исповедуемой нами идеологии «гуманизации» образования, которые, в большинстве случаев, есть лишь сожаление о неизбежных последствиях принимаемых нами самими решений.

И, в связи с этим, перевод и публикация «Элементов» Тренделенбурга — есть прекрасный повод не только для возвращения логики или философии в школу, но возобновления того философского («метафизического») вопрошания, которое, собственно говоря и отличало классическое образование и сохраняет его до сих пор в числе высших достижений мировой культуры и человечности.

ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS

БЕРМУС Александр Григорьевич — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой образования и педагогических наук Южного федерального университета. Область научных интересов: философия и методология образования, теория и практика реформ в общем и педагогическом образовании; управление качеством педагогического образования. Автор более ста тридцати статей, десяти монографий, в том числе «Введение в гуманитарную методологию» (2007), «Модернизация образования: философия, политика, культура» (2008) и др. ORCID 0000-0002-9342-6339.

Alexander G. BERMUS is Doctor of Science (Education), Professor, Head of the Department of Education and Pedagogical Sciences at Southern Federal University. His research interests include philosophy and methodology of education, theory and practice of reforms in general and teacher's education; quality management of teacher's training. He is the author of over one hundred and thirty articles, ten monographs, including "Introduction to Humanitarian Methodology" (2007), "Modernization of Education: Philosophy, Politics, Culture" (2008), etc. ORCID 0000-0002-9342-6339.

ВОЛКОВА Яна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов. Автор научных работ по деструктивной коммуникации, лингвосомиотике образовательного пространства, в частности, о педагогическом наследии Марка Туллия Цицерона.

Yana A. VOLKOVA is Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at Peoples' Friendship University of Russia; author of scientific works on destructive communication, linguosemiotics of the educational space, in particular, about the pedagogical heritage of Mark Tullius Cicero.

ЗАНИН Сергей Викторович — доктор исторических наук, хабилитированный доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Истории Отечества в Самарском государственном медицинском университете. Автор серии статей по проблемам наследия Ж.-Ж. Руссо и французскому Просвещению XVIII века. ORCID 0000-0003-2575-2041.

Sergey V. ZANIN is Doctor of Science (History), Doctor authorized to supervise research in legal sciences (France), member-correspondent of the Academy of Sciences, Agriculture, Arts and Belles Lettres of Aix-en-Provence, the International Institute of Humanities at the Medical University of Samara. Author of a series of articles on the legacy of J.J. Rousseau and the French Enlightenment of the 18th century. ORCID 0000-0003-2575-2041.

КЛЕЙМЕНОВ Александр Анатольевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Область научных интересов: военное дело Македонии эпохи поздних Аргеадов. Автор более 50 работ по различным проблемам военной истории времен Филиппа II и Александра Македонского, в том числе монографии «Стратегическая симфония: Координированное наступление в македонском военном искусстве эпохи Александра Великого» (2019). ORCID 0000-0002-7123-0378.

Alexander A. KLEYMEONOV is Doctor of Science (History), Senior researcher of History and Archeology department at Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Research interests: Macedonian warfare in the late Argead period. He is the author of more than 50 articles on the Macedonian military history of the age of Philip II and Alexander the Great, as well as the monograph “Strategic Symphony: coordinated attack in Macedonian warfare of the Alexander the Great’s time” (2019). ORCID 0000-0002-7123-0378.

МЕТТИНИ Эмилиано — кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова.

Автор научных публикаций по истории педагогики и воспитания в различных социокультурных дискурсах, в том числе монографии о А.С. Макаренко.

METTINI Emiliano is Candidate of Pedagogy, Head of the Department of Humanities of the Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov. He is the author of scientific works on the history of pedagogy and education in various socio-cultural discourses, including a monograph about A.S. Makarenko.

МОЖАЙСКИЙ Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО. Автор научных работ по истории и археологии Беотии (в том числе статей по исторической топографии) и истории античного образования, а также учебного пособия по археологии (Добровольская М.В., Можайский А.Ю. Археология: учебное пособие. — М.: МПГУ, 2012). ORCID 0000-0003-1112-2858.

Andrej Yu. MOZHAJSKY is Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Associate Professor of the Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University. He is the author of scientific works on history and archaeology of Boiotia, including articles on historical topography (Mozhajskey A. Reconsidering the Movement of Pausanias' Army before the Battle of Plataiai in 479 BC. // *Revue internationale d'Histoire Militaire Ancienne*. №5 / 2017. — P. 33-50; Mozhajskey A. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // *Graeco-Latina Brunensia* 19/2, 2014. — P. 71-79), history of ancient education and the textbook on archaeology (Dobrovolskaya M.V., Mozhajskij A.YU. *Arheologiya: Uchebnoe posobie*. — M.: MPGU, 2012.). ORCID 0000-0003-1112-2858.

НЕФЁДКИН Александр Константинович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории исторической антропологии БелГУ, главный редактор санкт-петербургского воен-

но-исторического журнала «Parabellum novum». Автор более 250 научных и научно-популярных работ. Область научных интересов — военное дело древнего мира и Восточной Сибири. ORCID 0000-0002-9033-6864.

Aleksandr K. NEFYODKIN is Doctor of Science (Hystory), Leading Researcher of the Laboratory of Historical Anthropology at Belgorod State University, Editor-in-Chief of the St. Petersburg military-historical journal “Parabellum novum”. He is the author of over 250 scientific and popular scientific works, with research focus on military affairs of the ancient world and Eastern Siberia. ORCID 0000-0002-9033-6864.

Ангел ПАСКУАЛ-МАРТИН — доктор философии, постоянный преподаватель истории образования факультета образования Университета Барселоны. Автор научных публикаций о Платоне, и, в особенности, по проблемам литературного характера и особенностям диалогов Платона в их педагогической функции. Некоторые недавние работы на каталонском языке: «Протагор Платона: нарратив Сократа для публичного представления философии» (2016 г.), «Литературное и политическое появление философского образования: об интерпретации “Протагора” Платона» (2019 г.), «Странствующая молодежь и наставления пропавших без вести великих: об образовательном кризисе классических Афин через драматическую фигуру “Протагора” Платона» (2020). ORCID 0000-0002-9685-8348.

Ángel PASCUAL-MARTÍN is Doctor of Science (Philosophy), Tenure-Track Lecturer in History of Education at the Faculty of Education of the University of Barcelona. He is author of scientific publications about Plato and he is especially interested in the literary character and features of the dialogues in their pedagogical function. Some of his recent contributions in Catalan in this field are: «Plato’s *Protagoras*: a Socratic narration for the public presentation of philosophy» (2016), «The literary and political appearance of a philosophical education: towards and interpretation of Plato’s *Protagoras*» (2019), «The wandering youth and the advice of the missing great ones: on the educational crisis of Classical Athens through the dramatic figure of Plato’s *Protagoras*» (2020). ORCID 0000-0002-9685-8348.

ПИЧУГИНА Виктория Константиновна — доктор педагогических наук, профессор РАО, ведущий научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО, профессор департамента образовательных программ Института образования ВШЭ; автор научных публикаций об античных образовательных практиках «заботы о себе» и практиках воспитания в античном театре; автор монографий «Антропологический дискурс в педагогике: исторические и теоретические аспекты» (2013 г.), «Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике» (2014 г.), «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» (2018 г.); один из составителей антологий «Марк Туллий Цицерон. Антология гуманной педагогики» (2017 г.) и «Антология педагогического наследия Древней Греции и Древнего Рима» (2019 г.). ORCID 0000-0002-1195-725X.

Viktoria K. PICHUGINA is Doctor of Science (Education), Professor of the Russian Academy of Education, Leading Researcher of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, professor of the Department of Educational Programs (Institute of Education of Higher School of Economics). She is the author of scientific publications about the ancient educational practices “care of the self” and practices of upbringing by the ancient theater, as well as the monographs “Anthropological Discourse in Pedagogy: Historical and Theoretical Aspects” (2013), “Anthropological Discourse of ‘Caring of the Self’ in Ancient Pedagogy” (2014), “Mark Tullius Cicero and his Contemporary Education: Does the Humanities Paper Blush?” (2018), and one of the compilers of the anthologies “Marcus Tullius Cicero. Anthology of Humane Pedagogy” (2017) and “Anthology of the Pedagogical Heritage of Ancient Greece and Ancient Rome” (2019). ORCID 0000-0002-1195-725X.

ПЕТРОВА Майя Станиславовна — доктор исторических наук, доцент по специальности «Всеобщая история», главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Область научных интересов — интеллектуальная история Античности и Средних веков (IV–IX вв.), история ментальности, идей и понятий, гендерная и социальная история, специальные исторические

дисциплины (просопография), историография, источниковедение. Автор монографий «Просопография как специальная историческая дисциплина: Макробий Феодосий и Марциан Капелла» (2004), «Эйнхард. Жизнь Карла Великого» (2005), «Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности» (2007), «Макробий Феодосий. Сатурналии» (в соавторстве с В.Т. Звиревичем, 2013). ORCID 0000-0002-0789-6781.

Maya S. PETROVA is Doctor of Science (History), Assistant Professor in “General History”, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Science. The fields of her scientific interests are the intellectual history of Antiquity and Middle Ages (IV-IX centuries), the history of mentality, ideas and concepts, gender and social history, special historical disciplines (prosopography), historiography, source study. She is the author of the monographs “Prosopography as a special historical discipline: Macrobius Theodosius and Martian Capella” (2004), “Einhard. The Life of Charlemagne” (2005), “The Macrobius of Theodosius and the notions of the soul and the universe in Late Antiquity” (2007), “The Macrobius of Theodosius. Saturnalia” (co-authored with V.T. Zvirevich) (2013). ORCID 0000-0002-0789-6781.

ПРОЛЫГИНА Ирина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и основ терминологии Московского государственного медикостоматологического университета им. А.И. Евдокимова. Область научных интересов: галеновский корпус, риторическая культура эпохи Второй софистики, история позднеантичной медицины, история медицинской терминологии. Автор более 50 статей по историческим и лингвистическим аспектам медицинской терминологии, исследованию текстов Галена Пергамского, переводов с древнегреческого и латинского языков, а также ряда учебных пособий. ORCID 0000-0001-7492-9750.

Irina V. PROLYGINA is Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Latin and Fundamentals of Terminology at Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov. Her research interests include Galenic corpus, rhetorical culture of the time of the Second Sophistic, history of medicine in Late

Antiquity, and history of medical terminology. She is the author of over 50 articles on the historical and linguistic aspects of medical terminology, the texts by Galen of Pergamon, translations from ancient Greek and Latin, as well as a number of textbooks. ORCID 0000-0001-7492-9750.

РЕВЯКИНА Нина Викторовна — доктор исторических наук, профессор, исследователь по договору НОЦ интеграции науки и образования Ивановского государственного университета. Область научных интересов — история и культура Средневековья и Возрождения. Автор около двухсот пятидесяти работ, среди которых четыре монографии: «Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV-первой половины XV в.» (1972), «Человек в гуманизме итальянского Возрождения» (2009), «Идеи воспитания в Италии XIV–XV веков» (2015), «От Средневековья к “Радостному дому”», школы, ученики, учителя итальянского Возрождения» (в соавторстве с Н.И. Девятайкиной, 2020). Выполнены переводы трактатов итальянских гуманистов Лоренцо Валлы «Об истинном и ложном благе», Джанноццо Манетти «О достоинстве и превосходстве человека», воспоминаний о Витторино да Фельтре и др. Ответственный редактор первого тома энциклопедии «Культура Возрождения» и автор сорока шести статей (2007).

Nina V. REVYAKINA is Doctor of Science (History), Professor, researcher under the agreement of the Research and Educational Centre for the Integration of Science and Education at Ivanovo State University. Her research interests are history and culture of the Middle Ages and Renaissance. She authored about two hundred and fifty works, including four monographs: “Problems of Man in Italian Humanism in the Second Half of the XIV – First Half of the XV Century” (1972), “Man in the Humanism of the Italian Renaissance” (2009), “Ideas of Education in Italy of the XIV–XV Centuries” (2015), “From the Middle Ages to the ‘Joyful Home’: Schools, Students, and Teachers of the Italian Renaissance” (co-authored with N.I. Devyataykina, 2020). She translated the treatises of the Italian humanists Lorenzo Valla “*De vero falsoque bono*”, Giannozzo Manetti “*De dignitate et excellentia hominis*” (“*On the Dignity of Man*”), the memoirs of Vittorino da Feltra, and others. Editor-in-chief of the first

volume of the “Culture of the Renaissance” encyclopedia and authored forty-six articles in it (2007).

СВЕТЛОВ Роман Викторович — доктор философских наук, профессор, директор института философии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Автор следующих монографий «Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика» (1996 г.), «Войны античного мира. Походы Пирра» (2003 г.), «Великие сражения античности» (2008 г.), «Иконография античных философов: история и антропология образов» (2017 г.) и др. ORCID ID 0000-0001-7767-1441.

Roman V. SVETLOV is Doctor of Science (Philosophy), Professor at Herzen State Pedagogical University of Russia and Professor at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. He is the author of the monographs the following monographs: “Classical Neoplatonism and Alexandrian Exegetics” (1996), “The Wars of the Ancient World. Pyrrhus’ Campaigns” (2003), “The Great Battles of the Ancient World” (2008), “The Iconography of Classical Philosophers: History and Anthropology of Images” (2017), et al. ORCID ID 0000-0001-7767-1441.

ФЕСЕНКО Андрей Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры. Научный директор Планетария им. Б. Максима-чёва. Автор статей по античной дидактике астрономии. ORCID ID 0000-0002-1629-1442.

Andrew V. FESENKO is Candidate of Pedagogical Sciences at the Moscow State Institute of Culture. He is Associate Professor of the Department of Culturology, and Scientific Director at Planetarium named after Boris Maximachev. He is the author of the articles on ancient didactics in astronomy. ORCID ID 0000-0002-1629-1442.

ГИПОТЕКАИ

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 5

Главный редактор
Виктория Константиновна ПИЧУГИНА

Научное издание

<http://www.hypothekai.ru/index.php/ru/arkhivy-nomerov>

Корректор М.М. Горелов

Подписано к печати 06. 09. 2021
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 20. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
e-mail: aquilopress@gmail.com
сайт: www.aquilopress.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

В оформлении обложки использован фрагмент краснофигурной вазы V–IV в. до н.э., где сова превращается в Афины (Париж), и итальянская фарфоровая статуэтка XVIII в., где Ахиллес воспитывается кентавром Хироном (Неаполь).

In the design of the cover, a fragment of a red-figured V–IV BC vase, where the owl turns into Athena (Paris), and an Italian porcelain statuette of the XVIII century, where Achilles is educated by the centaur Chiron (Naples), were used.

ISSN 2587–7127